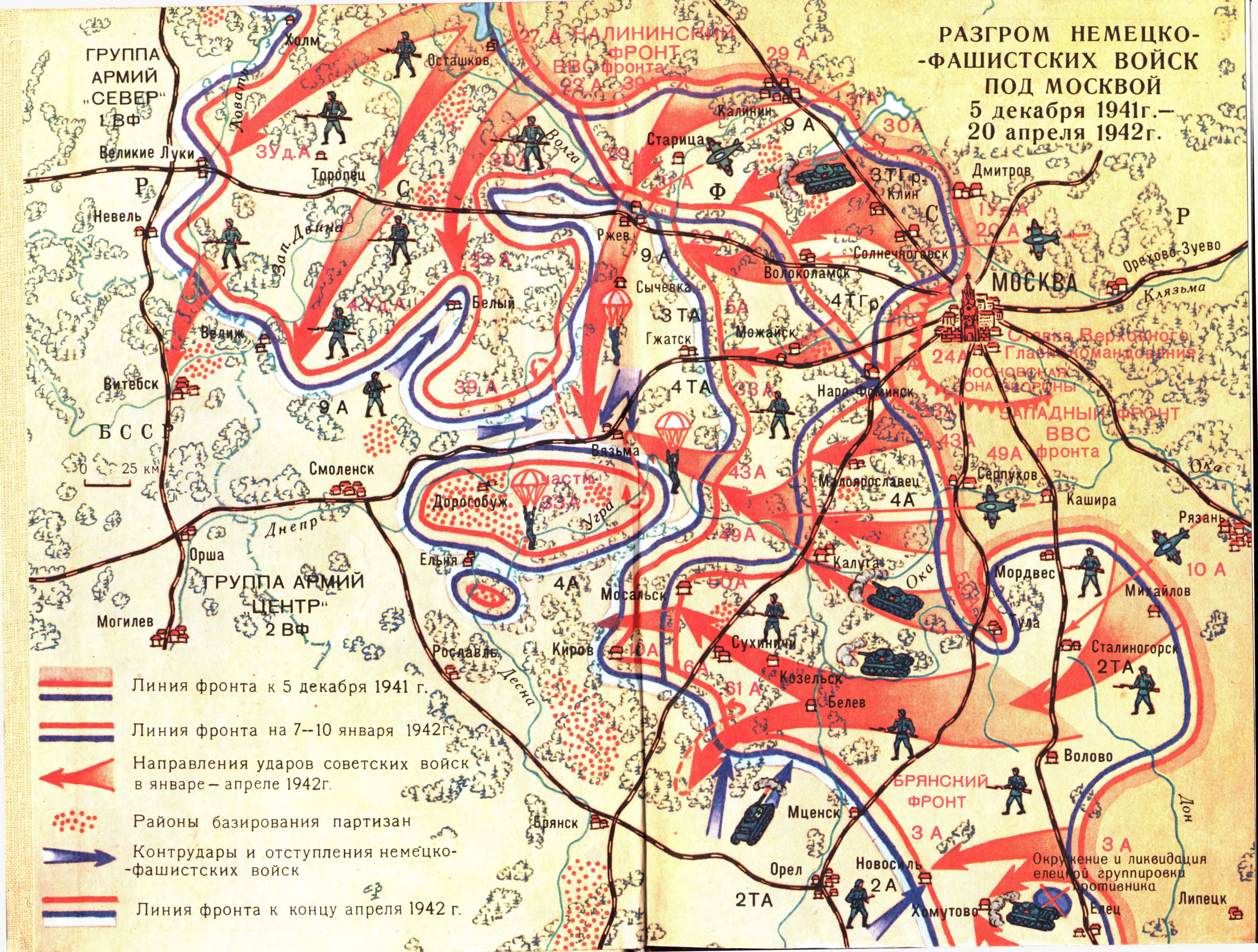

ПОЛКОВОДЦЫ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

РАЗГРОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ
5 декабря 1941г.— 20 апреля 1942г.
ГРУППА АРМИЙ „СЕВЕР" 1 ВФ
ГРУППА АРМИЙ „ЦЕНТР" 2 ВФ
КАЛИНИНСКИЙ ФРОНТ
ВВС фронта
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
ВВС фронта
БРЯНСКИЙ ФРОНТ
Ставка Верховного Главнокомандования
МОСКОВСКАЯ ЗОНА ОБОРОНЫ
МОСКВА
БССР
Холм
Осташков
Великие Луки
Торопец
Невель
Велиж
Витебск
Смоленск
Орша
Могилев
Калинин
Старица
Дмитров
Клин
Солнечногорск
Ржев
Сычевка
Волоколамск
Белый
Гжатск
Можайск
Наро-Фоминск
Вязьма
Дорогобуж
Ельня
Малоярославец
Серпухов
Кашира
Рязань
Калуга
Мосальск
Мордвес
Михайлов
Тула
Сталиногорск
Сухиничи
Киров
Рославль
Козельск
Белев
Волово
Брянск
Мценск
Орел
Новосиль
Хомутово
Елец
Липецк
Орехово-Зуево
Ловать
Волга
Зап. Двина
Днепр
Угра
Десна
Ока
Клязьма
Дон
29 А
31 А
30 А
9 А
3 ТГр
20 А
16 А
5 А
4 ТГр
4 ТА
3 ТА
33 А
43 А
49 А
4 А
50 А
10 А
2 ТА
61 А
3 А
2 А
2ТА
10 А
39 А
22 А
4 Уд.А
3 Уд.А
части 33 А
0 25 км
Окружение и ликвидация елецкой группировки противника
Линия фронта к 5 декабря 1941 г.
Линия фронта на 7–10 января 1942г.
Направления ударов советских войск в январе – апреле 1942г.
Районы базирования партизан
Контрудары и отступления немецко-фашистских войск
Линия фронта к концу апреля 1942 г.

ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

КНИГА ДЛЯ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ

Составитель *А. М. КУЧЕРОВ*

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1988

ББК 63.3(2)722
П51

Рецензенты:
секретарь правления московской писательской организации
Союза писателей РСФСР *А. П. КУЛЕШОВ;*
старший помощник начальника отделения
по начальной военной подготовке молодежи
Долгопрудненского горвоенкомата
подполковник в отставке *В. С. ЛЫСЕНКО*

Полководцы Великой Отечественной: Кн. для учащихся
П51 ст. классов / Сост. А. М. Кучеров.— М.: Просвещение,
1988.—224 с.: ил.
ISBN 5-09-000801-9

В книге, состоящей из 12 очерков, в популярной форме излагается жизненный путь крупнейших советских военачальников, командовавших фронтами на заключительном этапе Великой Отечественной войны, а также главкомов ВВС и ВМФ. Авторы показывают их полководческое мастерство, превосходство советского военного искусства над стратегией и тактикой фашистских армий.

Книга предназначена для старшеклассников и посвящена 70-летию Советских Вооруженных Сил.

П $\frac{4306022000-176}{103(03)-88}$ —229—88

ББК 63.3(2)722

ISBN 5-09-000801-9

ВВЕДЕНИЕ

Книга, которую раскрыл ты, дорогой читатель, расскажет тебе о жизни, боевой деятельности, человеческих качествах полководцев Победы: командующих фронтами на заключительном этапе Великой Отечественной войны, представителях Ставки Верховного Главнокомандования, командующих видами Вооруженных Сил.

Предвидя, что у тебя, человека молодого, не знакомого с военным искусством, может возникнуть вопрос, кого считать полководцем, флотоводцем, постараемся коротко ответить на него.

Полководец — это военный деятель, военачальник, руководящий во время войны вооруженными силами государства или крупными воинскими формированиями (например, фронтом), владеющий искусством подготовки и ведения военных действий. Он обязательно должен обладать талантом, творческим мышлением, способностью предвидеть развитие военных событий, волей и решительностью. Не может быть полководца без богатого боевого опыта, высоких организаторских способностей, интуиции и других качеств, которые позволяют с наибольшей эффективностью использовать имеющиеся силы и средства для достижения победы.

В полной мере присущи эти качества и флотоводцу. Но кроме того, он должен глубоко понимать характер и особенность военных действий на море, обладать способностью эффективно использовать разнородные силы флота для победы над врагом.

Полководцы, флотоводцы, военачальники были во все времена и у всех народов. История сохранила нам имена таких выдающихся полководцев и флотоводцев древнего мира, как Эпаминонд, Александр Македонский, Фемистокл, вдохновенные образы Петра I, А. В. Суворова, М. И. Кутузова, Ф. Ф. Ушакова, П. С. Нахимова. Велика их роль в победоносных войнах своих эпох. Однако советская военная наука не преувеличивает значение личности, как это делают отдельные буржуазные теоретики.

Деятельность полководца, флотоводца определяется не какими-то сверхъестественными качествами, а конкретными социально-политическими, экономическими условиями, в которых она протекает, классом, которому он служит. Ибо от этого зависит характер, предназначение армии, ее оснащенность вооружением и техникой, осознание солдатами и офицерами своего долга, их самоотверженность и героизм, способы, которыми ведутся боевые действия...

В современных армиях капиталистических государств есть свои полководцы. Были они и у вермахта — вооруженных сил гитлеровской Германии. Они обладали многими качествами, необходимыми для достижения победы в сражениях. Но нет и не могло быть у них черт, присущих советским военачальникам, сформировавшимся благодаря неустанной заботе Коммунистической партии в ходе Великой Октябрьской социалистической революции, граж-

данской и Великой Отечественной войн. Только у советских полководцев и флотоводцев глубоко развиты коммунистическая убежденность, преданность социалистическому Отечеству, умение слиться с массами, вдохновить их на подвиг.

Вспомните легендарных полководцев гражданской войны В. К. Блюхера, С. М. Буденного, К. Е. Ворошилова, М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича, М. В. Фрунзе, И. Э. Якира, прославившихся в годы Великой Отечественной Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева, Н. Ф. Ватутина, Ф. И. Толбухина, Р. Я. Малиновского, И. Д. Черняховского и многих других советских военачальников. Это о таких, как они, говорил М. И. Калинин, что «...известные полководцы не были только мастерами стратегии и тактики. Нет, они знали и дорогу к сердцу своих солдат, своей армии. Они были мастерами высокого духа войск, умели вселить в душу солдата прочное доверие к себе».

«Мы рокоссовцы»,— говорили, например, воины 16-й армии, прославившейся в битве под Москвой.

«Мы рокоссовцы»,— вторили им солдаты и офицеры армий, входивших в состав фронтов, которыми командовал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. И в этом выражалась особая любовь, особая вера в талант и замысел полководца. И, выполняя приказы, шли сотни, тысячи бойцов на штурм вражеских укреплений. Проявляя массовый героизм, они громили многочисленные армии гитлеровцев, воплощая в победы непревзойденные образцы военного искусства наших прославленных маршалов, генералов и адмиралов.

Великие события не меркнут, уходя в глубины истории. Их значение с течением времени раскрывается все полнее. И сегодня, спустя десятилетия после окончания Великой Отечественной войны, мы с неослабевающим интересом вчитываемся в каждую строку, повествующую о героизме, мужестве рядового и генерала, с душевным трепетом знакомимся с дошедшими до нас документами и реликвиями. Мы все должны знать, все помнить. Подвиги старших поколений — бессмертное наследство молодых. И никогда не изгладятся в нашей памяти славные имена тех, кто бесстрашно, не щадя своей крови и жизни, шел навстречу свинцовому ливню, освобождая отчую землю, спасая от фашистского ига народы других стран. Они будут вечно сиять в героической летописи Страны Советов, являя новым и новым поколениям пример великой любви к Отечеству и ненависти к ее врагам.

И еще хотелось бы подчеркнуть одну важную мысль, которая проходит через все очерки: настоящего полководца, флотоводца рождает труд. Труд повседневный, упорный, целеустремленный, помноженный на глубокие знания и высокую марксистско-ленинскую закалку.

ПУТЬ К ПОБЕДЕ

Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков (1896—1974)

Декабрь 1940 года на Украине был на редкость снежным. В Киеве не работал городской транспорт. Самолеты из-за сильного снегопада не летали, остановились в пути поезда.

На борьбу со снежными заносами на железной дороге командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал армии Жуков выделил несколько полков.

Стоя у широкого окна, выходящего во двор штаба, Георгий Константинович видел снежную карусель, слышал завывание ветра. Вспомнил, как в детстве, когда ходил в церковноприходскую школу в полутора верстах от родной Стрелковки, чуть не замерз в такую метель. Пробиваясь по заснеженной дороге домой, он забрел в лес. Старшая сестра Маша в тот день не пошла в школу, и он надел ее старую овчинную шубенку. Она-то и спасла его. Забравшись под ветви огромной ели, он укутался шубой и заснул. Приснилось, будто ныряет в холодную прорубь в речке Огублянке и достает вареных окуней. Проголодался. Начал есть

самого большого окуня, а учитель Сергей Николаевич говорит: «Сначала оттереть его надо...»

Проснулся и увидел свою мать Устинью Артемьевну и учителя Ремизова Сергея Николаевича. Возле ног вертелась волчком собака Дора.

Воспоминания прервал резкий телефонный звонок.

— Здравствуйте, Георгий Константинович! — послышался знакомый бодрый голос Маршала Советского Союза Семена Константиновича Тимошенко.— Как там у тебя? — задал свой традиционный вопрос народный комиссар обороны.

— Воюем со снегом,— ответил Жуков.

— Не один ты воюешь, в Тамбовской, Рязанской и других областях снегу намело выше крыш. Несколько дивизий расчищают путь поездам. Но я по другому вопросу. Хочу уточнить некоторые детали твоего доклада. Я внимательно прочитал его. Хорошо написал. Но есть одно пожелание.

Георгий Константинович, как всегда, держал наготове карандаш и блокнот.

— Слушаю.

— Докладывая о характере современной наступательной операции, подробнее остановись на своем опыте.

— Записал. Но просил бы уточнить дату выступления.

— Скоро, скоро последует вызов в Москву. А пока поработай еще над докладом. Постарайся отразить в нем все, что накопила Красная Армия в разработке теории наступательной операции, увяжи с опытом, загляни в завтрашний день...

Вскоре пришло срочное указание: «Командующему вместе с высшим командным и политическим составом округа прибыть в Генеральный штаб на совещание».

Погодные условия не позволили воспользоваться самолетом, и пришлось выехать в Москву поездом. Генерал армии Жуков располагался в отдельном купе. Мысли о предстоящем докладе не покидали его. Действительно, опыт боевых действий у него, как и у многих генералов, богатый. Георгий Константинович начал военную службу рядовым кавалерийского полка еще в 1915 году. Всего отведал: и солдатской «науки» — «Ложись! Встать! Бегом!», и горлодранного пения гимна «Боже, царя храни!». Однако в учебной команде неплохо познал конное дело, научился владеть оружием кавалериста. В унтер-офицерской школе не учили вникать в душу солдата. Дисциплинарная практика строилась на жестокости. Но боевую подготовку младшего командного состава, основного звена управления солдатами в бою, давали в царской армии достаточную.

Прочные военные знания и суровая закалка пригодились на фронте, когда довелось ходить в конную атаку в составе 10-го драгунского Новгородского полка. Не случайно боевые дела унтер-офицера Жукова были отмечены двумя Георгиевскими креста-

Г. К. Жуков осматривает японские орудия, захваченные в боях на Халхин-Голе

ми. Военная подготовка и боевой опыт позволили Георгию Жукову командовать кавалерийским эскадроном в годы гражданской войны.

«Но стоит ли говорить об этом опыте войны в докладе о ведении современных маневренных войн? — подумал генерал армии.— Теперь армия совершенно не та, какой она была в период гражданской войны. Современные войска отличаются и от тех, которые сражались на Халхин-Голе, хотя прошел только год. Если война против СССР будет развязана фашистской Германией, нам придется иметь дело с самой сильной армией Запада, оснащенной бронетанковыми, моторизованными войсками и современной авиацией».

Пока ехал до Москвы, Георгий Константинович вычеркнул из своего доклада много страниц. В своем выступлении на совещании он, взяв указку и обращая внимание генералов и маршалов, всех присутствовавших в зале военачальников на районы последних действий немецко-фашистских войск в Европе, подчеркнул, что они подбираются к границам Советского Союза не случайно: вот-вот может начаться война. Он указывал на схемах направления возможных ударов противника и контрударов Красной Армии.

Доклад командующего Киевским Особым военным округом был самым интересным, доходчивым и обоснованным из всех прочитанных докладов на том совещании высшего командного и начальствующего состава Красной Армии.

Генерал армии Г. К. Жуков на учениях Киевского Особого военного округа

С утра следующего дня началась большая оперативно-стратегическая военная игра. В ней для участников создавались неожиданные условия, как в настоящей войне.

Войсками «синих» командовал Жуков, а «красными» — командующий войсками Белорусского военного округа генерал Павлов. Расстановка «синих» и «красных» была примерно такой, как она оказалась в начале Великой Отечественной войны. «Красным» пришлось в весьма трудных условиях сдерживать натиск противника.

После учения нарком обороны маршал Тимошенко, руководивший игрой, приказал командующим Павлову и Жукову провести разбор игры, отметить в своих докладах недостатки и положительные моменты в действиях обеих сторон.

Заключительное заседание состоялось в Кремле. На него пригласили руководителей Наркомата обороны, Генерального штаба и военных округов. Здесь же присутствовали Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин и другие члены Политбюро.

После того, как начальник Генерального штаба генерал К. А. Мерецков дал общую оценку руководителям и участникам военной игры, выступил маршал Тимошенко. Он отметил, что более правильно в этой игре действовали «синие». Они точно учитывали количество войск, их оснащение боевой техникой, правильно оценивали решения командиров.

Затем выступил генерал Павлов. И. В. Сталин перебил его:

— В чем же кроются причины неудач действий войск «красной» стороны?

Павлову следовало бы правдиво доложить о недостатках в расположении наших пограничных войск, об отсутствии необходимых резервов и о некотором отставании в техническом оснащении наших дивизий, а он ответил, что в игре так бывает, кто-то кого-то бьет.

Сталина ответ не удовлетворил, и он заметил:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильное решение, чего у вас в проведенной игре не получилось.

После Павлова попросил слово Жуков. Он говорил о целесообразности и полезности проведенной игры. Подобные учения помогают повышать уровень знаний командования, их нужно проводить чаще. А затем коснулся строительства укрепленных районов в Белоруссии, отметив, что рубежи для строительства выбраны слишком близко к границе и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе Белостокского выступа. Это может позволить противнику ударить из района Бреста и выйти в тыл всей нашей приграничной группировки войск. Укрепленные районы следует строить подальше от государственной границы.

Говорил Жуков и о том, что у нас пока мало новых боевых самолетов, нет в нужном количестве новых танков.

Умелые действия, правильные решения в проведенной военной игре и особенно критическое выступление Жукова еще больше подняло его авторитет в глазах наркома и членов Политбюро.

На следующий день Жуков был вызван в Кремль к Сталину.

— Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Жуков ответил не сразу.

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

— Политбюро решило назначить вас,— сказал И. В. Сталин, делая ударение на слове «решило».

Возражать или доказывать было уже поздно. Да и мог ли коммунист Жуков не подчиниться решению Политбюро Центрального Комитета партии!

Жуков умел требовать, умел и подчиняться. Только где-то глубоко в сердце защемило: все же это назначение слишком неожиданное.

Уставший, взволнованный, Георгий Константинович вышел из Кремля на Красную площадь. Не торопясь направился мимо Мавзолея В. И. Ленина к Александровскому саду. Шел пешком на Арбатскую площадь, чтобы представиться народному комиссару обороны. Под ногами похрустывал снег. Словно перекликаясь между собой, то и дело подавали гудки автомобили, доноси-

лась музыка из репродуктора на Манежной площади. Навстречу нескончаемым потоком, подгоняемые морозцем, торопливо шли люди.

«Вот и стал опять москвичом...» — подумал Жуков, и в памяти всплыли юные годы, промелькнувшие в Москве. С тоской в груди уезжал двенадцатилетний Егорка Жуков из родного дома «в люди». Прощай рыбалка, самодельные коньки и лыжи, прощай навсегда школа в деревне Величково, где прошли самые светлые и радостные три года неожиданных открытий и познаний тайн учебников.

Словно вчера сказал отец: «Теперь ты грамотей, можно везти тебя в Москву учиться ремеслу».

— Ты определи меня в типографию,— сказал Георгий.

— Нет у нас знакомых по этому делу,— ответил отец.— Мы посоветовались с матерью и решили отдать тебя в скорняжную мастерскую твоего дяди Михаила. Зарабатывают скорняки хорошо. Мать попросит своего брата уважить нашу просьбу.

Работал Егорка Жуков с раннего утра до поздней ночи. За малейшую оплошность учеников пороли. Но хозяин одобрял, когда Егорка читал вечерами книжки. Через два года он поступил на вечерние общеобразовательные курсы.

Вспомнил Георгий Константинович, как по приказу дяди разносил заказы в разные концы. Москву еще тогда изучил хорошо. Не один раз приходилось ходить и мимо манежа и по Александровскому саду. Все знакомо. Но теперь стало все роднее и даже лучше. И вся Москва изменилась, похорошела с тех пор, как летом 1915 года Георгия Жукова досрочно призвали в армию.

Вспоминая прошлое и представляя себя в новой роли, генерал армии Жуков пришел к наркому обороны.

— Входи, жду,— радостно встретил его маршал Тимошенко.— Поздравляю. Только что же ты так откровенно отказывался? Звонил мне товарищ Сталин, рассказал.

— Да знаешь, Семен Константинович,— сказал Жуков, первое мое семилетнее пребывание в Москве завершилось отправкой на фронт в 1915 году. А теперь, думаю, и того меньше придется жить в Москве.

— Намек понял,— улыбнулся Тимошенко и нажал на столе кнопку. Вошел адъютант.— Чаю нам и закусить!

— Может быть, введешь новорожденного начальника Генштаба и своего заместителя в курс дела? — спросил Жуков.

— Пока езжай в Киев, передай военный округ своему заместителю и поскорее в Москву. Вместо тебя в Киев едет генерал-полковник Кирпонос.

Тимошенко пригласил Жукова в соседнюю комнату, где на столе уже стояли стаканы с горячим чаем.

Лист перекидного календаря на 21 июня 1941 года исписан вдоль, наискось и поперек карандашом и чернилами.

Звонки из Кремля, из кабинета наркома обороны, из военных округов по важным и срочным делам. Чтобы не забыть, начальник Генерального штаба тут же делал пометки: «Коневу ускорить выдвижение войск за Днепр». «Сообщил Павлов — немцы сосредоточили артиллерию против Бреста». «Передал Кирпонос — к границе подходят немецкие танки». «Моему заму Ватутину: срочно отозвать всех работников Генштаба из войск, прекратить учения». «Перебежчиков — немецких солдат, в Москву». Здесь же ровным почерком строка: «Обещал в выходной поехать с детьми в Стрелковку».

В кабинет вошел молодой генерал. Подойдя к столу Жукова, он доложил четко и коротко:

— По вашему приказанию все работники моего отдела с войсковых учений отозваны.

— Всем находиться на своих рабочих местах. Пока свободны! — сказал Жуков.

И тут же опять телефонный звонок. Докладывал начальник штаба Западного Особого военного округа.

— Сосредоточение немецких войск у границы закончено. Противник на ряде участков границы начал разборку проволочных и минных заграждений, поставленных ранее.

На некоторые сообщения, явно доказывающие, что вот-вот немецкие войска перейдут нашу границу, Георгий Константинович не мог ответить определенно, как этого требовала обстановка: «Привести войска в боевую готовность!» С Германией у СССР договор о ненападении.

Георгий Константинович посмотрел на часы. Уже десять вечера. Решил позвонить на квартиру, чтобы не ждали. Он всегда выбирал минуту, чтобы позвонить домой и пожелать всем «спокойной ночи». На этот раз не мог произнести этих слов.

Еще не положил трубку городского телефона, как громко затрещал специальный аппарат, по которому можно вести секретные переговоры с командованием военных округов.

Докладывал начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев:

— К пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель. Утверждает, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления. Он сообщил, что наступление начнется рано утром 22 июня.

— Усильте разведку, потребуйте постоянной информации с границы.

Жуков доложил об этом Тимошенко и позвонил Генеральному секретарю ЦК ВКП(б). Тот выслушал и, как всегда, спокойно сказал: «Приезжайте с наркомом в Кремль».

Была глубокая ночь. Сталин был в кабинете один. Он ходил возле стола, курил трубку. На усталом лице озабоченность, но внешне спокоен.

— А не подбросили немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он, обращаясь к маршалу Тимошенко.

Нарком ответил, что сообщения перебежчика не вызывают сомнения.

Вошли в кабинет члены Политбюро.

Несколько секунд стояла тишина.

— Надо немедленно дать директиву о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность,— первым заговорил Маршал Советского Союза Тимошенко.

— Читайте! — указал Сталин на папку в руке начальника Генерального штаба.

В директиве приказывалось привести в течение ночи на 22 июня войска приграничных округов в боевую готовность, рассредоточить авиацию и тщательно замаскировать, однако еще раз было подчеркнуто, что «задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения».

Передача директивы в округа была закончена в 00 часов 30 минут 22 июня. Но сделать что-либо существенное войска округов уже не могли.

На рассвете позвонил со своего командного пункта из Тернополя генерал Кирпонос и доложил о том, что переплыл речку еще один перебежчик, который сообщил, что ровно в 4 часа утра немецкие войска перейдут в наступление.

Нарком доложил об этому Сталину.

— Передана директива округам? — послышалось в телефонной трубке.

— Да, передана.

...Уже белел рассвет. Москва спала. Жуков раскрыл окно. Не выпуская телефонной трубки, он едва успевал принимать тревожные доклады.

Позвонил по телефону «ВЧ» командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский, сообщил, что посты воздушного наблюдения передали о подходе со стороны моря большого количества неопознанных самолетов; начальники штабов Западного и Киевского военных округов докладывали о бомбежке городов Белоруссии и Украины. Командующий Прибалтийским военным округом передал, что вражеская авиация бомбит Каунас, Вильнюс и другие города.

— Ну, что? — спросил Жуков наркома Тимошенко.

— Звони в Кремль! — приказал маршал.

Жуков набрал номер. Услышал голос Сталина. Четко доложив о начавшихся налетах авиации противника, начальник Генерального штаба спросил разрешения приказать войскам военных округов приступить к ответным действиям. В трубке молчание.

— Вы меня поняли? — спросил Жуков.

Наконец Сталин сказал:

— Приезжайте в Кремль с Тимошенко.

Тут же опять затрещал аппарат «ВЧ». Докладывал командующий Черноморским флотом.

— Вражеский налет отбит! Попытка удара по кораблям сорвана. В Севастополе и Одессе есть разрушения.

В кабинете собрались все члены Политбюро.

— Надо срочно позвонить в германское посольство,— сказал Сталин.

Нарком иностранных дел В. М. Молотов вышел звонить. Из посольства сообщили, что посол просит принять его для срочного сообщения.

— Германское правительство объявило нам войну,— сообщил через несколько минут взволнованный Молотов.

Не случайно «задержался» немецкий посол с передачей Советскому правительству такого важного сообщения. На советской границе уже шли небывалого размаха приграничные сражения. Фашистская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, внезапно, без объявления войны, обрушила на Советский Союз удар огромной силы.

Враг рвался в глубь нашей страны. Вслед за мощными ударами артиллерии и авиации перешли в наступление сухопутные войска противника.

В полдень Жукову позвонил Сталин.

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования.

Самолет, на котором летел начальник Генштаба, приземлился под Киевом. Дальше лететь опасно. До Тернополя, где размещался командный пункт командующего Юго-Западным фронтом, созданного из войск Киевского Особого военного округа, добирался на машине.

Обстановка на фронте оказалась сложнее, чем предполагал Жуков. Немецкие войска, обладая большой подвижностью и ударной силой, прорвали нашу оборону и быстро продвигаются вперед, отрезают пути отхода советским частям. Встретить бы врага на новых рубежах артиллерийским огнем, ударить по его танковым колоннам с воздуха, но для этого нужны резервы.

Жуков помог генералу Кирпоносу подготовить и осуществить контрудар по главной группировке вражеских армий подошедшими из тыла механизированными корпусами и привлечь всю авиацию фронта для уничтожения немецких войск на марше на отдельных направлениях. Удар по фашистам был нанесен неожиданно. Противник потерял много боевой техники и живой силы.

Стойкость и контрудары советских войск в первые дни сражения на Юго-Западном фронте привели к срыву плана прорыва к Киеву.

Каждый день Георгий Константинович звонил в Генеральный штаб, спрашивал:

— Какое положение на других фронтах?

Ответы были неутешительные: мощного контрудара, как этого требовала подписанная ночью 22 июня директива, не получилось. Не было сомнения, что фашистские полчища рвались к Москве, они уже на подходе к Минску. Ставка приказала срочно формировать Резервный фронт. В него вошли четыре армии. В связи с тяжелой обстановкой на Западном фронте 26 июня начальник Генерального штаба Жуков бы срочно отозван в Ставку.

Генеральный штаб в те дни работал напряженно и днем и ночью. У Жукова ни секунды свободного времени. Чтобы подумать, разложив топографические карты с нанесенной обстановкой, оценить, что происходит на фронтах, он закрывался в кабинете и строго говорил адъютантам:

— Ко мне никого!

По нескольку раз в сутки приходилось докладывать Ставке о положении на фронтах, то и дело звонили из действующей армии и просили помощи. Особенно резко ухудшилась обстановка на Западном фронте. Войска этого фронта оказывали упорное сопротивление врагу, но остановить его перед Днепром не могли. Шло гигантское сражение.

В эти трудные для всей страны дни, когда радио сообщало тревожные сводки Совинформбюро о том, что враг у стен Ленинграда, захватил Смоленск, его танки на подступах к Киеву, нужно, необходимо было найти возможность для нанесения контрудара. Такого, чтобы заставить врага убавить свой пыл. И Жуков, после долгих раздумий, предлагает разбить немецкие войска, сосредоточенные в районе города Ельни. На рабочей карте начальника Генштаба в том месте линия фронта пузырем выгибается на восток. Опасный плацдарм. Накопив свежие силы, враг прорвет «пузырь», растечется по обширной территории и приблизится к Москве.

Генерал армии Жуков, оставаясь заместителем наркома обороны и членом Ставки, принимает Резервный фронт. В августе войска под его командованием перешли в наступление, добились некоторых территориальных успехов и нанесли врагу ощутимые потери.

Бои под Ельней еще раз показали незаурядные способности Георгия Константиновича в организации и проведении наступательных операций.

В сентябре крайне тревожная обстановка создалась на Ленинградском фронте. Город Ленина в тяжелейшем положении.

Государственный Комитет Обороны назначает командующим Ленинградским фронтом Жукова.

Пасмурным утром 10 сентября 1941 года двухмоторный пассажирский самолет, за штурвалом которого опытный военный летчик Евгений Смирнов, вылетел с Московского Центрального аэродрома и, круто набрав высоту, взял курс на город Тихвин.

Просторный салон разделен перегородкой на две части. Ближе к пилотской кабине в мягких креслах вокруг продолговатого низкого стола вместе с Жуковым расположились генерал-майор Федюнинский, генерал-лейтенант Хозин. Георгий Константинович взял их с собой с разрешения Верховного Главнокомандующего для помощи в случае замены некоторых генералов на Ленинградском фронте. Здесь же — генерал-майор Кокорев, должность которого так и называлась — «генерал для особых поручений».

— Не будем терять времени,— сказал Георгий Константинович, когда самолет поднялся над облаками и словно поплыл по пенистым волнам,— расстилайте карту на столе и садитесь поближе. Давайте посмотрим, что мы имеем, чем располагаем для отражения ударов фашистских войск.

С аэродрома Жуков направился прямо в Смольный. В кабинете командующего фронтом шло заседание Военного совета. Рассматривали вопрос о мерах, которые следовало предпринять в случае невозможности удержать город. Они предусматривали уничтожение важнейших военных, индустриальных и других объектов...

Прибытие нового командующего фронтом изменило ход заседания.

— Защищать Ленинград до последнего дыхания! Вот что нужно сказать каждому солдату, каждому ленинградцу! — потребовал Жуков.

Опираясь на пламенный патриотизм ленинградцев, в первую очередь на партийную организацию, Жуков делает все возможное, чтобы изменить обстановку. Неожиданно для врага на ряде участков Ленинградский фронт наносит контрудары. Мощные орудия кораблей Балтийского флота поддерживают своим огнем действия сухопутных войск.

Прошло меньше месяца, и все попытки врага овладеть Ленинградом провалились. Немецко-фашистские войска, понеся большие потери, получили приказ перейти к обороне.

Война бушевала огромным пожаром, перебрасывая пламя с одного участка на другой.

...В еловый сумрачный лес в двух километрах от платформы Перхушково, где разместился штаб Западного фронта, Георгий Константинович въехал с тяжелым чувством. Далеко ли Москва?! Минут тридцать на пригородном поезде. Дальнобойная пушка от Перхушково достанет Красную площадь. Подумав об этом, коман-

дующий фронтом, созданным по существу заново, еще больше помрачнел и зябко передернул плечами. Машина подпрыгнула, наехав на выступающий горбом корень ели, и замерла против крылечка сторожки лесника.

Генерал Соколовский — начальник штаба фронта — вышел из автомобиля первым. Стройный, высокий, туго перетянутый ремнями, он казался моложе своих сорока лет.

Георгий Константинович заметил, что на лице начальника штаба нет ни малейшей тени озабоченности или тревоги, как это было еще утром, когда ехали на командный пункт 16-й армии генерала Рокоссовского.

— Какие будут указания? — спросил Соколовский, обращаясь к Жукову.

— Свяжитесь с 5-й армией генерала Лелюшенко, узнайте, как дела на Можайском направлении. И еще узнайте, что там происходит под Калинином?

Оставшись в небольшой комнате, окно которой было завешено черным одеялом, Жуков развернул на сколоченном из досок большом столе карту и при ярком свете аккумуляторной лампочки стал внимательно разглядывать ее, сжимая плотно губы.

Георгий Константинович в минуты раздумья всегда испытывал потребность остаться в одиночестве, склониться над столом, подперев подбородок рукой, и подолгу смотреть на карту, разрисованную красным и синим цветом.

Оценив намерения противника, его реальные возможности, Жуков пришел к выводу, что враг будет стремиться пробиться в тыл Северо-Западному фронту. Затем он попытается нанести удар с севера и с юга в обход Москвы...

Пожалуй, никто из командующих, кроме Жукова, в те напряженные для Родины дни не мог так полно и объективно доложить Верховному о положении на фронте.

Однажды во время телефонного разговора Сталин прямо поставил перед Жуковым вопрос: «Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист». Георгий Константинович спокойно и уверенно ответил:

— Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

23 ноября, когда танки противника ворвались в Клин и между 16-й и 30-й армиями образовался опасный разрыв, Жуков вызвал к телефону обоих командующих и, не захотев слушать их объяснений, настойчиво потребовал:

— Немедленно бросить в бой все: резервы, тыловые части, штабы. Командиров и комиссаров с автоматами в войска! Больше мужества и стойкости!

Оборонительные рубежи оказались недоступными для врага. Героическими усилиями войск фронта противник был остановлен.

А в начале декабря войска Западного фронта севернее и южнее Москвы перешли в контрнаступление.

Позже, после войны Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» напишет: «Когда мы говорим о героических подвигах, совершенных в битве за Москву, то подразумеваем не только действия нашей армии — героических советских бойцов, командиров и политработников. То, что было достигнуто на Западном фронте в октябре, а затем и в последующих сражениях, стало возможным только благодаря единству и общим усилиям войск и населения столицы и Московской области, той действенной помощи, которую оказали армии и защитникам столицы вся страна, весь советский народ».

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой — первая крупная победа стратегического масштаба в войне, и роль полководца Жукова в этой победе трудно переоценить.

Ставший с 27 августа 1942 года заместителем Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков вместе с представителем Ставки А. М. Василевским координирует действия фронтов в Сталинградской битве.

Разгром крупной вражеской группировки под Сталинградом изменил стратегическую обстановку на советско-германском фронте к началу 1943 года в пользу Советских Вооруженных Сил. Настало время массового изгнания агрессоров с родной земли.

Радостным событием для всего советского народа было сообщение о прорыве Ленинградской блокады. А для Георгия Константиновича, который вместе с К. Е. Ворошиловым координировал действия Ленинградского и Волховского фронтов, эта победа была как бы завершением всего того, что он сделал для обороны города осенью 41-го. И кажется символичным тот факт, что именно в день прорыва блокады Ленинграда, 18 января 1943 года, Г. К. Жуков становится Маршалом Советского Союза.

Георгий Константинович в ту ночь после напряженных и бессонных суток спал в вагоне, замаскированном в тупике недалеко от линии фронта. Среди ночи его разбудил адъютант — генерал Минюк:

— Я только что говорил с Москвой, вам присвоено звание Маршала Советского Союза...— сообщил он.— Поздравляю!

Жуков не выразил ни удивления, ни радости. Он лишь повернулся на другой бок и сказал сонно:

— Ну что ж, будем ходить в маршалах...

Весной 1943 года немецко-фашистское командование стало готовить свои войска для нанесения удара по Центральному и Воронежскому фронтам. Враг собирался взять реванш за поражение под Сталинградом. Вот-вот немецкие полчища в районе Орла и Курска начнут наступление.

К лету 1943 года советские фронты получили новые танковые

и артиллерийские соединения, были сформированы и хорошо укомплектованы пять танковых армий. Мы готовились не только обороняться, но и наступать.

Для координации действий Центрального, Брянского и Западного фронтов Ставка назначила маршала Жукова. На Воронежский фронт выехал Василевский.

В завершающие дни подготовки войск к битве Георгий Константинович находился на Центральном фронте. Вместе с командующим этим фронтом Рокоссовским 2 июля он выехал в войска 13-й армии генерала Пухова. День был жаркий. В небе ни облачка. Открытая легковая машина мчалась по накатанной грунтовой дороге, оставляя позади длинный шлейф клубящейся черной пыли. Две машины с генералами и офицерами штаба и охраной чуть отстали, чтобы дождаться, когда развеется пыль, сквозь которую не видно было встречных машин. Шофер Александр Бучин, зная, что маршал любит ездить «с ветерком», выжимал более ста километров в час.

— Это танкисты 2-й танковой армии разбили дорогу в порошок? — спросил Жуков у Рокоссовского, когда проехала встречная машина.

— Думаю, что больше виноваты артиллеристы,— ответил командующий фронтом.— Танкистам я запретил идти по дорогам. Для них мы отвели другие пути и обочины.

— Правильно,— одобрил маршал.— Иначе они там такого наделают на дорогах, что наши резервы задохнутся, когда будут выдвигаться к фронту.

Здесь, где предполагался главный удар врага, расположились и 2-я танковая армия, и артиллерийский корпус резерва Главного командования, и много других артиллерийских частей. Не рисковано ли такое скопление? А если противник ударит в другом направлении?.. Оба полководца прекрасно понимали, что предстоят ожесточенные бои. Ошибки штабов и командиров могут обойтись очень дорого. Зная, что противник готовится применить много танков, в том числе тяжелых типа «тигр» и «пантера», на всех фронтах по указанию Жукова командование организовало изучение боевых качеств и уязвимых мест этих машин, способов борьбы с ними. Подразделения истребителей танков укомплектовывались коммунистами и комсомольцами, опытными бойцами.

Проезжая мимо ореховой рощи в длинной балке, Георгий Константинович заметил возле кустарника большое скопление пушек. Приказал водителю подъехать к артиллеристам.

— Это что за выставка? — спросил он, не дав доложить подбежавшему к машине офицеру.

— Мой полк прибыл в указанный район, а меня в лес не пускают, негде поставить пушки! — отрапортовал майор.— Вот и спорим.

Генерал-лейтенант И. М. Манагаров докладывает Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову и генералу армии И. С. Коневу о ходе боев за Полтаву

— Что же вы, товарищ майор,— резко сказал маршал,— первый день на фронте? Наломайте веток, закройте орудия, замаскируйте полк. И нечего спорить! Спорят кумушки у колодца.

Рокоссовский вышел из машины и подозвал к себе офицеров из подъехавшей сопровождающей группы.

— Оставайтесь здесь, проверьте весь лес, хорошо ли замаскированы войска. Предупредите командиров дивизий: полностью исключить движение днем по открытой местности, никаких занятий в открытом поле!

Жуков, услышав, о чем говорил Рокоссовский офицеру, дополнил:

— Вызывайте сюда командующего артиллерией фронта. Пусть он сам займется этим.

Побывав в некоторых дивизиях и полках, Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский обошли противотанковые рвы, траншеи, поинтересовались, где установлены мины, способны ли быстро занять оборудованные позиции отряды заграждений и противотанковые резервы. Дав необходимые указания командованию армии, поспешили в штаб соседнего — Воронежского фронта.

Обстановка там назревала не менее сложная. По данным разведки противник готовился к мощному удару и подтягивал к фронту артиллерию и танки.

Заместителю Верховного нужно было окончательно согласо-

вать вопросы взаимодействия фронтов и вместе с начальником Генерального штаба А. М. Василевским решить, как использовать резервы, если противник сумеет прорвать нашу оборону.

К приезду Жукова в штаб Воронежского фронта прибыл командующий Степным фронтом И. С. Конев. В тот же вечер Жуков и Василевский вместе с командующими фронтами уточнили план: как только станет известно о переходе противника в наступление, нужно, не дожидаясь начала его артиллерийской подготовки, самим нанести мощный удар артиллерией и авиацией, подавить живую силу и огневые средства врага в момент выдвижения и заставить его или отказаться от наступления, или начать наступление ослабленными соединениями. Решив все вопросы, Жуков возвратился в штаб Центрального фронта.

4 июля ночью Георгий Константинович разговаривал по специальному телефону с Василевским, который находился в штабе Ватутина. Василевский передал, что войска ведут бой с передовыми отрядами в районе Белгорода и что пленные подтверждают переход противника в наступление на рассвете 5 июля.

Маршал Жуков тут же пошел в хату, где находились командующий Центральным фронтом генерал Рокоссовский и начальник штаба фронта генерал Малинин. Склонившись над столом, молодые офицеры чертили графики и схемы. Командующий и начальник штаба стояли у раскрытого окна.

— Что нового? — спросил Жуков.

— Ночью не начнут,— уверенно ответил Малинин.— И авиация и танки ночью слабы.

Жуков с большим уважением относился к рассудительному, спокойному, хорошо подготовленному теоретически и обладающему большим опытом работы в штабах генералу Малинину, не раз убеждался в его безошибочных, основанных на расчетах и фактах прогнозах.

— А когда?

— На рассвете,— ответил генерал.

Стрелки старых ходиков, висевших на стене, прошли двойку. Пошел третий час. Хозяйские часы показывали время точно. Генералы, словно не доверяя своим хронометрам, сверяли время по ним.

Георгий Константинович сожалел, что днем, когда все было тихо, не поспал часок. В ушах стоял свист. Складки на лбу, идущие из-под бровей, и ямочка на плоском подбородке от усталости стали рельефнее.

— Пухов у телефона! — доложил начальник оперативного отдела. Рокоссовский выслушал доклад и спросил:

— Из какой дивизии пленный?

Положив трубку, Рокоссовский повернулся к Жукову и облегченно, будто наконец-то дождались того, чего с нетерпением ждали все, сообщил:

— Немцы разминируют участки для прохода своих танков. Захвачен пленный сапер 6-й пехотной дивизии. Он подтвердил готовность войск противника к переходу в наступление в 3 часа утра. Что будем делать? Докладывать в Ставку или дадим приказ на проведение контрподготовки?

— Вы командующий фронтом, вам и принимать решение,— ответил представитель Ставки.

Нет, Жуков не уходил от принятия ответственного решения. Он твердо знал, что Рокоссовский сумеет правильно оценить создавшуюся ситуацию. И когда, проанализировав еще раз данные разведки и состояние своих войск, командующий Центральным фронтом решил провести контрподготовку, Георгий Константинович согласился с ним.

— Отвечать будем вместе,— сказал он и посмотрел на свои часы, потом глянул на ходики. Они тоже показывали 2 часа 20 минут.

На рассвете началось небывалое по количеству боевых средств и численности воинов сражение на «Огненной дуге». Пятьдесят дней продолжалась эта величайшая битва. Она закончилась победой Красной Армии, разбившей 30 отборных немецких дивизий, в том числе 7 танковых. Общие потери вражеских войск составили свыше 500 тысяч человек, 1500 танков, 3 тысячи орудий и свыше 3700 самолетов. Такие потери фашистское руководство уже не могло восполнить никакими тотальными мерами. Призрак неминуемой катастрофы встал перед фашистской Германией.

Летом 1944 года Жуков по поручению Ставки направляет и координирует действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов в крупнейшей Белорусской наступательной операции, в результате которой была разгромлена группа немецких армий «Центр» и многотысячные колонны пленных гитлеровцев с опущенными головами прошли по улицам Москвы.

На завершающем этапе войны маршал Жуков назначается командующим войсками 1-го Белорусского фронта, нацеленного на Берлин.

По справедливости полководцу, руководившему осенью 41-го обороной Ленинграда и Москвы, теперь, победной весной 45-го, дано было право возглавить войска, идущие на штурм столицы фашистской Германии.

В штабах фронта, армий, дивизий, полков генералы и офицеры с математической точностью, с учетом всех имеющихся сил и условий готовили планы проведения заключительной операции и последних боев, составляли необходимые документы по управлению войсками, их взаимодействию. Шла напряженная работа в тылу. Нужно было подвезти войскам тысячи тонн боеприпасов, горючего, различных технических средств, развернуть дополнительно госпитали, эвакуировать раненых в безопасное место, накормить миллионы людей.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков уточняет обстановку

Такого напряжения Георгий Константинович еще не испытывал. Спал не более трех часов, иногда засыпал в машине, но, как утверждают адъютанты, Жуков мог спать и все слышать.

В период подготовки Берлинской операции Верховный Главнокомандующий дважды вызывал Жукова в Москву. Разговор шел о том, как ускорить ход военных событий, чтобы Берлин взяли только советские войска, чтобы сорвать план гитлеровцев продержаться дольше и вывести остатки своих войск в зону действий англичан и американцев.

Имея сведения о сосредоточенности фашистских войск, об укреплениях, которые уже построили и продолжали строить немцы вокруг своей столицы, маршал Жуков предупреждал всех командующих армиями, командиров корпусов, что заключительное сражение будет тяжелым, и поэтому требовал от них тщательной подготовки, подсказывал, как лучше расставить силы, где нанести главный удар.

Требовать и вместе с тем учить было свойственно Жукову. С руководящим составом фронта, армий и командирами корпусов была проведена специальная командная игра на картах и на искусно сделанном мастеровыми людьми макете Берлина.

— Немцы ожидают наш удар на Берлин,— сказал маршал на совещании руководящего состава фронта.— Нужно организовать этот удар так, чтобы ошеломить противника.

Два дня —14 и 15 апреля — по приказу Жукова 32 разведывательных отряда под прикрытием огня артиллерии уточняли огневую систему обороны противника, определяли наиболее уязвимые места оборонительной полосы. Разведка боем имела и другую цель: заставить немцев подтянуть на передний край побольше живой силы и техники, чтобы перед началом наступления накрыть их огнем артиллерии и минометов.

Полководческий замысел удался. Противник принял действия разведывательных отрядов за начало наступления советских войск.

В три часа ночи 16 апреля на командный пункт командующего 8-й гвардейской армией генерала Чуйкова прибыли маршал Жуков, член Военного совета генерал Телегин, командующий артиллерией фронта генерал Казаков.

Волнующие минуты. Все говорят вполголоса, хотя до противника добрых полтора километра. Даже когда пили чай в землянке, никто не решался нарушить эту торжественную тишину.

За три минуты до начала артподготовки командующий фронтом и другие генералы заняли свои места на наблюдательном пункте.

Жуков взглянул на часы. Было ровно пять утра 16 апреля. Тотчас же от выстрелов многих тысяч орудий, минометов и легендарных «катюш» ярко озарилась вся местность, а вслед за этим раздался потрясающей силы грохот выстрелов и разрывов снаря-

дов, мин и авиационных бомб. В воздухе нарастал несмолкаемый гул бомбардировщиков.

Со стороны противника раздалось несколько пулеметных очередей. Но это длилось всего лишь секунды. Грохочущая огневая лавина полностью накрыла всю систему вражеской обороны.

Жуков приказал сократить время артподготовки и немедленно начать общую атаку.

В дымное небо взвились тысячи разноцветных ракет. Это было сигналом для 140 прожекторов, расположенных через каждые 200 метров. Яркие огни выхватывали из темноты объекты атаки для наших танков и пехоты. За всю войну не было такого зрелища!

Пехота и танки ринулись вперед. Их атака сопровождалась мощным двойным огневым залпом. К рассвету наши войска преодолели первую позицию и начали атаку второй. Гитлеровские войска оказались в бушующем море огня и металла. Но к полудню, когда наши войска прошли до шести километров, сопротивление врага возросло.

Маршал Жуков решил ввести в сражение еще две танковые армии. Со всей прямотой он доложил Сталину, что овладение Зееловскими высотами задерживается. Враг оказал здесь сильное сопротивление.

Верховный спросил несколько раздраженно:

— А вы уверены, что завтра возьмете Зееловский рубеж?

— К исходу дня завтра оборона противника на Зееловском рубеже будет прорвана,— стараясь быть спокойным, ответил Жуков.

С утра 17 апреля на всех участках фронта разгорелись ожесточенные сражения. Враг отчаянно сопротивлялся, однако к вечеру, не выдержав удара танковых армий, начал отступать...

В полдень 30 апреля войска 3-й ударной армии захватили основную часть рейхстага. А в ночь на 1 мая сержант М. А. Егоров и младший сержант М. В. Кантария водрузили врученное им Военным советом Знамя Победы на фронтоне рейхстага.

Командующий 3-й ударной армией генерал В. И. Кузнецов сразу же доложил об этом Жукову.

— Дорогой Василий Иванович! Сердечно поздравляю тебя и всех твоих солдат с замечательной победой! — ответил маршал.

Положив телефонную трубку, он сказал облегченно:

— Ну, вот и все...

В четыре часа 1 мая генерал Чуйков докладывал Жукову по телефону, что на его командный пункт доставлен начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал пехоты Кребс, который сообщил, что Гитлер, оставив завещание, покончил жизнь самоубийством. Генерал хочет начать переговоры.

— Отправляйтесь к Чуйкову, Василий Данилович,— приказал Жуков своему первому заместителю генералу Соколовскому,— и

потребуйте от Кребса немедленной безоговорочной капитуляции.

Тут же маршал Жуков доложил об этом Сталину. Верховный одобрил решение Жукова: никаких переговоров с врагом. Только безоговорочная капитуляция!

Но бои в Берлине продолжались еще два дня. И только ночью 2 мая радиостанция штаба берлинской обороны передала, повторяя несколько раз: «Высылаем своих парламентеров на мост Бисмаркштрассе, прекращаем военные действия».

Давно бы надо...

7 мая Верховный сообщил Г. К. Жукову, что завтра в Берлин для подписания акта о безоговорочной капитуляции прибудут представители немецкого главного командования и представители Верховного командования союзных войск. «Представителем Верховного Главнокомандования советских войск назначаетесь вы»,— сказал Сталин.

С утра 8 мая начали прибывать представители Верховного командования союзных войск, немецкого главного командования, корреспонденты всех крупнейших газет и журналов мира, фотокорреспонденты, чтобы запечатлеть исторический момент юридического оформления разгрома фашистской Германии. Их встречали советские генералы и офицеры. В тот же день состоялось совещание. Обсуждались вопросы подписания акта. А когда до 9 мая оставалось пятнадцать минут, в кабинете Жукова, рядом с залом, где должно было состояться подписание немцами акта о безоговорочной капитуляции, опять собрались представители союзного командования, а также А. Я. Вышинский, генералы К. Ф. Телегин — член Военного совета фронта, В. Д. Соколовский — первый заместитель командующего фронтом и другие. Наметили, как разместиться за столами и порядок «приема» немецких представителей.

Ровно в 24 часа вошли в зал. Все сели за стол у стены, на которой были прикреплены государственные флаги Советского Союза, США, Англии, Франции. В зале за длинными столами, покрытыми зеленым сукном, расположились генералы Красной Армии, войска которых разгромили оборону Берлина и вынудили противника сложить оружие.

Жуков спокоен. Пожалуй, он никогда не выглядел таким представительным и официальным.

— Мы, представители Верховного Главнокомандования Советских Вооруженных Сил и Верховного командования союзных войск,— спокойно и торжественно говорит он,— уполномочены правительствами антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. Пригласите в зал представителей немецкого главного командования.

Все повернули головы к двери, из которой через несколько секунд появился генерал-фельдмаршал Кейтель, бывший начальник

штаба верховного главнокомандования вооруженных сил фашистской Германии, ближайший сподвижник Гитлера. За ним появился генерал-полковник авиации Штумпф, одновременно вошел главнокомандующий военно-морскими силами адмирал флота фон Фридебург. Им было предложено сесть за отдельный стол у входа. Сопровождавшие офицеры встали за их стульями.

— Имеете ли вы на руках акт безоговорочной капитуляции, изучили ли его и имеете ли полномочия подписать акт?

Вопрос повторил на английском языке главный маршал авиации Великобритании А. Теддер.

Кейтель предъявил полномочия, подписанные гросс-адмиралом Деницем, и, развернув папку, собрался подписать имевшийся у него акт. Но маршал Жуков, встав, сказал требовательно:

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Рука Кейтеля слегка дрожит, губы сжаты плотно. Поддерживая левой рукой край бумаги, он подписал пять экземпляров. Тут же поставили подписи Штумпф и Фридебург. Маршал Жуков предложил немецкой делегации покинуть зал.

Со склоненными головами немцы направились к двери.

От имени Советского Верховного Главнокомандования маршал Жуков поздравил всех присутствующих с долгожданной победой. В зале стало шумно. Слышались радостные возгласы, кто-то прокричал «ура!», все друг друга поздравляли, жали руки.

Затем до утра продолжался банкет. Праздничный ужин завершился песнями и плясками. Не удержался и Георгий Константинович, сплясал «русскую». Расходились и разъезжались под звуки канонады. Воины-победители салютовали из всех видов оружия. Радио уже разнесло по всему миру о свершившемся.

К особняку, в котором размещался Георгий Константинович, он шел со своими ближайшими помощниками не торопясь.

В своей комнате Георгий Константинович увидел на столике письма от дочерей Эры и Эллы. Все эти дни адъютант носил письма в своей сумке. У маршала Жукова не было ни минуты свободного времени. А теперь можно даже позвонить домой...

Настало первое послевоенное утро.

Полководец Жуков — человек редкого военного таланта. Несгибаемый коммунист, смелый и решительный, умеющий хладнокровно ориентироваться в самой сложной обстановке и находить правильные решения, он являлся одним из тех, кто благодаря заботам Коммунистической партии вырос за годы Советской власти от красноармейца до маршала. Он внес огромный вклад в успешное проведение крупнейших стратегических операций Великой Отечественной войны. Его заслуги перед Родиной отмечены четырьмя Золотыми Звездами Героя Советского Союза, двумя высшими полководческими орденами «Победа», шестью орденами

Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, другими орденами и медалями, Почетным оружием.

Большая, трудная, напряженная жизнь была за его плечами. Он не искал в ней легких путей, не обходил препятствия, не прятался ни от опасности, ни от ответственности. Партия поручала ему в самые тяжелые для страны дни самую сложную работу, и он выполнял ее, не жалея себя, отдавая ей все физические силы, ум, не думая ни об отдыхе, ни о славе. Память о нем увековечена в названиях планеты, улиц в Москве, Ленинграде и других городах. Его имя присвоено Военной командной академии противовоздушной обороны.

Отмечая большие заслуги Маршала Советского Союза Г. К. Жукова перед Советским государством и его выдающийся вклад в победу советского народа в Великой Отечественной войне, Политбюро ЦК КПСС приняло решение о сооружении памятника полководцу в городе Москве.

ИСКРЫ ПРИЗВАНИЯ

Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский (1895—1977)

Учеба в духовной семинарии близилась к завершению. Что ждет впереди? Этот вопрос не давал покоя семинаристу Василевскому. Он не допускал и мысли, чтобы вслед за отцом встать на церковный амвон. Не привлекали его и купеческие лавки, мундир и привилегии офицера старой армии.

«Хорошо бы продолжить образование, стать агрономом»,— мечтал он. Но жизнь распорядилась по-своему.

...Лето 1914 года. Александр Василевский успешно закончил предпоследний курс семинарии. За год учебы вытянулся, возмужал. Домой приехал веселым и шумным. Ему было приятно все: семья, друзья, цветение природы, возможность поваляться на траве. Почти сразу же включился в сельские дела: косил, жал в поле, копался на огороде, помогал отцу по столярной части.

В один из августовских дней к вечеру на взмыленной лошади в село ворвался запыленный урядник и хриплым голосом прокричал: «Германец напал на Россию!» Услышав слова урядника, все остановились, кто-то из женщин заголосил. Потом люди кинулись к домам. Василевский был ошеломлен и какие-то секунды не мог

двинуться с места. В его душе вспыхнул огонь возмущения. В голове не укладывалось, как осмелилась Германия напасть на Россию, оскорбить ее достоинство!

Цели войны молодой юноша осознает позже в армии, на фронте. Ему ясно станет и существо лозунга «за веру, царя и отечество», выполнявшего роль идеологического оправдания. Уже в зрелом возрасте Александр Михайлович напишет, что он не мог находиться в стороне от тревог и испытаний Родины.

Сдав экстерном экзамен за четвертый курс семинарии и подав прошение разрешить ему добровольцем ехать на фронт, он получает направление в Алексеевское военное училище, которое в то время готовило ускоренные выпуски.

Во фронтовую обстановку Василевский вошел легко. В бою показывал подчиненным пример бесстрашия, заботился об их окопном житье. Командовал ротой, батальоном, дослужился до звания штабс-капитана. Имел авторитет у прогрессивно настроенных офицеров.

Как только дошла до фронтовиков весть о февральской революции, свержении самодержавия, в частях появились солдатские комитеты. На общем собрании полка Василевского избирают его командиром, но заочно, так как в тот момент он находился в краткосрочном отпуске, который получил за боевые заслуги. Жил дома, у родителей.

На фронт, где находился его полк, Александр Михайлович не попал, поэтому поступил в распоряжение местного военного комитета. Сначала работал инструктором всевобуча в волости. А потом влился в Красную Армию, командовал взводом, ротой, батальоном, полком. Гражданскую войну закончил на Западном фронте.

Подготовленного и умелого боевого командира А. М. Василевского оставили в кадрах армии. С любовью отнесся он к беспокойным и бесконечным хлопотам — подготовке личного состава. Радовался, когда росла боевая выучка бойцов.

Военная служба Александра Михайловича сложилась так, что долгие годы он находился в одной 48-й стрелковой дивизии и откомандовал всеми стрелковыми полками соединения. В каждом работал до седьмого пота, всюду успевал — и на тактические занятия, и на стрельбы, и на строевую подготовку. Одновременно много читал, серьезно изучал труды по военной истории, военной науке.

В эти годы А. М. Василевский сложился как профессиональный военный, выработал в себе все лучшие качества, требуемые для советского командира. Его отличали обширные военные познания, умение точно и кратко изложить мысль, написать приказ, донесение в вышестоящий штаб, оформить документы о боевой учебе части. Он был предельно обязательным и исполнительным. Мог переносить длительные физические перегрузки. Требо-

вательность к подчиненным сочеталась с уважением к личности бойца и командира.

Год от года рос авторитет Василевского. Его уважало командование военного округа. Знал нарком обороны. Уже в те годы к его голосу прислушивались советские военные теоретики. И когда в начале 30-х годов состоялось назначение Василевского в Управление боевой подготовки Красной Армии, его сослуживцы радовались не меньше самого Александра Михайловича.

— Здесь, где разрабатываются сложные вопросы оперативной подготовки войск, Василевский будет на месте,— говорили они.

Новое место, новые задачи. Опыта, кругозора, накопленного в войсках, явно не хватало для квалифицированного решения сложных стратегических и оперативных вопросов. Нужны были глубокие теоретические знания, и Александр Михайлович решает поступить в Академию Генерального штаба.

Незаурядные способности позволили ему успешно закончить академический курс и возглавить в Генштабе отделение оперативной подготовки. Теперь ему доверяют в качестве военного эксперта участвовать в работе правительственных делегаций, выезжающих за границу, привлекают к разработке оперативного плана обороны страны. С Генеральным штабом, напишет в своей книге Василевский, «связаны самые лучшие годы» в его жизни.

Третья война, в которую пришлось вступить А. М. Василевскому, застала его в служебном кабинете Генерального штаба. Это был уже советский генерал с опытом двух войн и солидными военными знаниями. «Проситься на войну» ему уже не нужно было. Его патриотические чувства совпадали с требованиями военной службы, он с первого мгновения германской агрессии включился в орбиту войны как ее активный участник.

Час начала Великой Отечественной выпал на раннее утро воскресенья. А на исходе субботнего дня ему позвонил генерал Ватутин:

— Александр Михайлович,— сказал он,— вам после рабочего дня не следует уходить домой.

В ту памятную ночь спать Василевскому не пришлось. После боя курантов он передавал в западные военные округа директиву, подписанную начальником Генштаба и наркомом обороны, потом собирал сведения о ходе развертывавшихся боевых событий. А они нарастали с такой стремительностью, что поспеть за ними было нелегко. Но нужно. В короткие минуты отдыха мысль Василевского работала в одном направлении: старался понять, как пойдет война. Он видел, что с первого часа боев наши войска оказались в невыгодном положении. В памяти возникали картины фронтовой жизни первой мировой войны: окопы, лица солдат, офицеров, отступление под натиском кайзеровских войск...

— Нет, нет,— говорил он себе,— на этот раз мы крепко стоим на ногах. Мы уже не Россия 1914 года.

...Закончив разговор по телефону с начальником штаба Белорусского военного округа В. Е. Климовских, встал из-за стола, медленно переступая, прошелся по кабинету, посмотрел в окно. По Арбату спешили одинокие люди то ли домой, то ли на работу.

Александр Михайлович чувствовал, как весь напряжен. Где-то в глубине души шевельнулась мысль, что хорошо бы на фронт. Он тут же прогнал ее. «Место твое сегодня в Генштабе»,— сказал он себе. И функции определены. Начальник Генштаба генерал Жуков приказал возглавить работу по сбору сведений с фронтов и анализу обстановки. Доклады представлять три раза в сутки.

Задачи руководства войной требовали точного знания положения и состояния наших войск, противника. И Василевский изучал материалы направленцев по фронтам. Если что-то было неясно, звонил начальникам штабов фронтов и армий. Каждый очередной документ Г. К. Жуков докладывал Верховному Главнокомандованию. На их основе Ставка принимала решения об организации отпора врагу.

Одновременно Советское правительство поручило Василевскому готовить ежедневные сообщения о событиях на фронтах для сводок Совинформбюро. Их ждали советские люди, надеялись на обнадеживающие сведения о решительном отпоре врагу. Александр Михайлович не скрывал, не маскировал создавшиеся трудности. Но сведения отбирал тщательно, вписывал в сводку все существенное об ударах Красной Армии по захватчикам, о героизме и мужестве наших воинов на поле боя.

В напряженнейшем труде шли дни. Военный талант Василевского набирал силу, которая отражалась в докладах об обстановке, противнике, его намерениях, предложениях о замысле наших ударов по врагу.

На исходе июля Александр Михайлович назначается начальником Оперативного управления и заместителем начальника Генштаба. Став вторым по своей роли в Генштабе, он вместе с Б. М. Шапошниковым, сменившим Г. К. Жукова на посту начальника Генштаба, ежедневно, а иногда и по нескольку раз в сутки бывал в Ставке, участвовал в рассмотрении всех важных вопросов ведения военных действий, повышения боевой мощи Вооруженных Сил.

Тучи войны сгущались. Несмотря на большие потери, немецко-фашистские войска уже находились на дальних подступах к Москве, терзали Ленинград, грабили Киев. Из Москвы выехали дипломатические ведомства. Ряд предприятий эвакуировались в тыловые районы, аппарат Наркомата обороны переместился в города, расположенные не очень далеко от столицы. На месте остались только те органы, которые имели непосредственное отношение к руководству ходом войны. Оно не ослабевало ни на минуту.

На долю Василевского выпало возглавить рабочую группу Генштаба для оперативного и организационного обслуживания Верховного Главнокомандующего. Александр Михайлович при участии восьми генштабистов готовил всю необходимую информацию об обстановке на фронтах, представлял рекомендации о распределении поступавших сил и средств для войск на передовой, предложения по перестановке и выдвижению военных кадров...

Большую часть своего рабочего времени он проводил в Ставке. Верховный Главнокомандующий проникся уважением к Василевскому. И видя, что его помощник постоянно на ногах, стал даже иногда проверять, спит ли он в отведенное для этого время. А Александр Михайлович, возвращаясь в Генштаб, нередко трудился без отдыха. Но у кремлевского телефона сажал своего адъютанта А. И. Гриненко с обязанностью отвечать, что «генерал Василевский спит». Верховный, услышав такой ответ, говорил: «Хорошо».

Усталость Василевского нарастала, но работал он в прежнем ритме. Однажды по вызову явился в Ставку, докладывает. Лицо посерело, глаза покраснели, голос ослаб. Верховный выслушал, внимательно посмотрел на него, попросил сесть. Вызвал своего секретаря и поручил ему позвонить в санаторий «Архангельское», спросить, смогут ли они принять на ночь Василевского и обеспечить ему хороший отдых. Из санатория дали положительный ответ.

Возвратившись в Генштаб, Василевский увидел в своем кабинете начальника Главного военно-санитарного управления Наркомата обороны генерала Е. И. Смирнова. Понял, что на этот раз не выкрутиться. Ехать нужно обязательно. Отдав необходимые распоряжения помощникам, сел в машину.

Когда Василевский возвратился в Ставку, Верховный опять посмотрел внимательно на него, но ничего не сказал. Он, конечно, видел, что хорошо бы дать заместителю начальника Генерального штаба еще несколько дней отдыха, но где взять их, эти дни. Враг-то наращивает силу ударов. Нужно думать, принимать меры, чтобы остановить его.

Василевский по поручению Ставки и начальника Генерального штаба внимательно следил за развитием событий на Южном фронте, чем мог помогал войскам, ведущим противоборство с танковыми дивизиями противника. С огромным удовлетворением воспринял он известие, что «непобедимый» Клейст разгромлен под Ростовом, а его хваленые войска бегут без оглядки.

Радости, уверенности в осуществлении задуманного прибавила и успешно проведенная наступательная операция под Тихвином. А задумано было много. Закончена работа над планом контрнаступления под Москвой, подготовлены резервы, накоплены боевая техника, оружие, боеприпасы...

Много трудился над этим планом и Александр Михайлович.

В особо тяжелые дни подготовки контрнаступления заболел Б. М. Шапошников, и обязанности начальника Генштаба были возложены на Василевского. Эти несколько недель особенно запомнились ему предельным напряжением сил. Наибольшие хлопоты доставил Калининский фронт, куда пришлось выезжать, чтобы уточнить его роль и место в контрнаступлении. И как радовался он, когда советские войска погнали врага от Москвы на запад. Это было самое лучшее лекарство от усталости, самое действенное средство от перенапряжения.

Но благодушествовать было рано. Генерал Василевский, к которому сходились нити со всех фронтов, понимал это, может быть, лучше других. Да, враг был еще очень силен. Не было сомнения и в том, что он постарается нанести новый удар. Но где? Когда?

Советское военное руководство твердо знало, что, достигнув значительных успехов в зимней кампании, наши Вооруженные Силы по численному составу и особенно по технической оснащенности пока еще значительно уступали противнику. Потому-то в Генеральном штабе и Ставке считали, что в апреле 1942 года необходимо перейти к временной стратегической обороне, чтобы оборонительными боями на заранее подготовленных рубежах сорвать летнее наступление гитлеровцев, создать условия для перехода в решительное наступление Красной Армии.

В то же время, вопреки мнению Генштаба, было решено провести на ряде направлений несколько частных наступательных операций. Но, к сожалению, при этом не были учтены обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара врага на юге. На Юго-Западное направление было выделено меньше сил, чем на Западное.

И когда в мае противник захватил Керченский полуостров и перешел в контрнаступление в районе Харькова, обстановка на южном крыле советско-германского фронта крайне осложнилась.

— Немедленно возвращайтесь в Москву! — приказал Верховный Главнокомандующий генералу Василевскому, находившемуся на Северо-Западном фронте, где он вместе с командованием фронта решал задачу по ликвидации окруженной демянской группировки фашистов.

С этого времени на плечи Александра Михайловича легла еще большая ответственность. Напряженная работа подорвала здоровье Б. М. Шапошникова, и его на посту начальника Генерального штаба сменил А. М. Василевский. Центральный Комитет партии, Ставка Верховного Главнокомандования верили, что широкий стратегический и оперативный кругозор, умение вести за собой большой и сложный коллектив, взаимопонимание с командующими фронтами помогут А. М. Василевскому усилить деятельность Генштаба.

2. Зак. 1521 Кучеров

И действительно, назначение Василевского положительно сказалось на оперативности в руководстве военными действиями. Вскоре даже Верховный Главнокомандующий перестал высказывать неудовлетворенность работой Генштаба. Более того, если теперь кто-либо из командующих фронтами обращался в Ставку с предложением, Верховный обычно спрашивал:

— А вы советовались по этому вопросу с товарищем Василевским?

Это было прямым признанием полководческой зрелости генерал-полковника А. М. Василевского. Но особенно наглядно проявилась она во время Сталинградской битвы. Наши войска еще вели ожесточенные оборонительные бои, шла борьба за каждый дом, за каждую позицию, а А. М. Василевский на совещании в Ставке предложил замысел контрнаступления советских войск на берегах Волги. Вынашивал его еще на командном пункте представителя Ставки Верховного Главнокомандования на Сталинградском фронте в Заворыгине. Когда время подходило ко сну, разворачивал оперативную карту и внимательно всматривался во фланги немецко-фашистских войск, изучал справки разведчиков. И все больше склонялся к мысли, что нашим ответом гитлеровцам должен быть удар по их флангам.

Однако, понимая сложность обстановки, пока молчал. Но однажды в Ставке, обмениваясь с Г. К. Жуковым мнениями, осторожно сказал, что, наверное, пора искать другое решение, с тем чтобы взять верх над противником на волжском плацдарме.

Разговор этот происходил в стороне от стола Верховного. Но он все же услышал и спросил:

— А какое именно решение?

— Не лишена оснований возможность контрнаступления на Сталинградском направлении, с тем чтобы зажать немецко-фашистскую группировку в тисках окружения,— ответил Василевский.

Г. К. Жуков с ходу поддержал Василевского:

— Мысль об ударе с целью ликвидации группировки противника под Сталинградом кажется реальной. На этом самом ответственном участке советско-германского фронта произошло бы радикальное изменение обстановки в нашу пользу.

Верховный Главнокомандующий помолчал, вздохнул, потом, ни к кому не обращаясь, спросил:

— А под силу ли столь серьезная операция?

Еще немного помолчал, размышляя, и предложил:

— Вот что, поезжайте в Генштаб и хорошенько подумайте над возможностью проведения такой операции.

Подумали, взвесили. Верховный Главнокомандующий согласился с доводами своих ближайших военных соратников и поручил им детально разработать план операции, получившей кодовое название «Уран».

Находясь в Сталинграде в качестве представителя Ставки, А. М. Василевский уже в ходе подготовки к операции по окружению и уничтожению противника принимал смелые, обоснованные решения. Из-за сбоев в доставке оружия и боевой техники менялись сроки наступления. В самый канун контрнаступления, когда все было готово, один генерал написал письмо в Ставку с предложением приостановить контрнаступление, так как оно якобы обречено на провал.

Василевского срочно вызвали в Москву. Дали письмо. И когда Александр Михайлович прочитал его, Верховный спросил:

— Что скажете?

— Все, что здесь изложено, далеко от истины. Пессимизм неуместен. Операция подготовлена, боевой настрой в войсках высокий. Надеюсь на успех.

После окончания Сталинградской битвы напряжение в деятельности Василевского не спадало. Он выполнял огромный объем работы начальника Генерального штаба и в то же время представителя Ставки на фронтах. Военные статистики подсчитали, что за 34 военных месяца нахождения на посту начальника Генштаба Александр Михайлович 22 месяца работал на фронтах, координируя их действия в важнейших стратегических операциях, и только 12 месяцев — в Москве.

Ставку такой режим деятельности Василевского устраивал. Она считала, что на фронте он проводит весьма большую работу и его там просто заменить некем. Собственно, в таком же положении находился и Г. К. Жуков, являвшийся заместителем Верховного Главнокомандующего.

Тем не менее ответственность за Генштаб с Василевского никто не снимал. Каждый день он обязан был давать анализ обстановки по всем фронтам, вносить предложения о действиях советских войск по каждому стратегическому направлению.

Требования Верховного к Василевскому носили категоричный и жесткий характер. Скидок ему не предоставлялось. Стоило однажды запоздать на два часа с докладом, как тут же последовал лично в его адрес приказ, в котором говорилось: «Маршалу Василевскому. Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операций за 16 августа и о Вашей оценке обстановки... Последний раз предупреждаю Вас...»

Александр Михайлович вспоминал потом, что эта телеграмма с суровым предупреждением потрясла его. За все годы военной службы он не имел ни малейшего замечания, а тут прямое напоминание, что, если еще раз подобное повторится, он будет отстранен от должности.

Переживания Александра Михайловича смягчил А. И. Антонов, заместитель начальника Генерального штаба, который попросил не беспокоиться. Приказ не будет подшит к делу. А когда

спустя некоторое время Василевский вернулся в Москву, в Ставке его встретили тепло и внимательно.

Весной 1943 года Ставку Верховного Главнокомандования интересовал вопрос: где предпримут наступление гитлеровцы? Что фашисты попытаются наступать с целью взять реванш за поражение под Сталинградом, сомнения не было ни у кого. Но где? По заданию Генерального штаба наши разведывательные органы, используя все доступные средства, вели настойчивые поиски наличия и расположения резервов в оперативной глубине противника, районов сосредоточения его войск, перебрасываемых с запада. И уже в начале апреля стало ясно, что противник стягивает в район Курского выступа крупные силы для большого летнего наступления.

Встал вопрос, как ответить врагу. «Анализируя разведывательные данные о подготовке врага к наступлению,— вспоминал в послевоенные годы Маршал Советского Союза А. М. Василевский,— фронты, Генеральный штаб и Ставка постепенно склонялись к идее перехода к преднамеренной обороне. Об этом, в частности, состоялся неоднократный обмен мнениями между мною и заместителем Верховного Главнокомандующего в конце марта — начале апреля».

После тщательной проработки решение о переходе в районе Курского выступа к преднамеренной обороне было принято окончательно. Войска фронтов всесторонне подготовились к боям. Построили глубоко эшелонированную оборону.

Известно, как трудно ждать. А наши части, занявшие исходные позиции для отражения атак гитлеровцев, ждали. Но немецкое командование неоднократно переносило начало своего наступления. У ряда командиров войск Воронежского фронта возникло беспокойство. Пошли разговоры о том, что так можно просидеть лучшую погоду. Обеспокоенный командующий фронтом генерал Н. Ф. Ватутин обращается к представителю Ставки А. М. Василевскому:

— Александр Михайлович, нужно наступать. А то пройдет лето, наступит осень и дороги развезет. Упустим момент! Мы готовы к удару по противнику. Поддержите!

Василевский взвешивает все факты за немедленное наступление и против. Советуется с Г. К. Жуковым и приходит к выводу: план операции не менять, ждать наступления немцев. Так и доложил Верховному Главнокомандующему, который тоже колебался — встретить ли противника обороной или нанести ему упреждающий удар.

В конце концов было принято мнение Василевского, поддержанное Жуковым. Наши войска, обескровив гитлеровцев в оборонительных боях, перешли в наступление, успешно продолжавшееся до глубокой осени. Победа под Курском, выход советских войск к Днепру завершили коренной перелом в ходе войны.

Советская военная стратегия доказала свое превосходство над немецкой. Германия и ее союзники вынуждены были перейти к обороне на всех театрах второй мировой войны.

Все это еще ярче высветило умение А. М. Василевского мыслить стратегическими категориями. А талант полководца в том и состоит, что он, анализируя обстановку, приходит к выводам, позволяющим точно понять намерения противника, принять оптимальное решение. Не случайно Г. К. Жуков писал, что Александр Михайлович «никогда не ошибался в оценке обстановки».

И добавим — Василевский был предельно тверд в своих убеждениях. Если принял решение, считал его обоснованным, не отказывался от него, хотя и испытывал порой давление сверху. Так поступал не только в зрелом возрасте, но и когда начинал службу в Красной Армии.

Еще в годы гражданской войны, когда А. М. Василевский командовал батальоном на Западном фронте, произошел весьма показательный случай. Как-то на одном из участков бригады, в составе которой батальон Василевского вел боевые действия, белополяки, смяв нашу оборону, рванулись вперед. Комбриг срочно вызвал Василевского, приказал принять сбитый с позиции полк и ликвидировать прорыв. Василевский поинтересовался, где находится этот полк. Уточнения не последовало. Тогда он попросил предоставить ему одну ночь, чтобы найти отошедшую часть, привести ее в порядок, а в прорыв направить другие боеспособные подразделения. В ответ на эту логичную просьбу последовало распоряжение идти в Ревтрибунал.

С полпути комбриг возвратил Василевского в штаб бригады и повторил приказ. Командир батальона стоял на своем. Комбриг, ничего не сказав, вручил ему приказ, в котором значилось, что Василевский «за саботаж и нелепую трусость» снимается с должности помощника командира полка и назначается командиром взвода.

Со взводом воевать долго не пришлось. После специального расследования действия Василевского были признаны обоснованными, и вскоре его назначили командиром отдельного батальона до освобождения должности командира полка.

Твердость характера Василевского не мешала ему быть общительным, он умел тепло, дружески беседовать, а если возникал повод, пошутить, от души посмеяться. На фронте курьезов случалось немало.

Весной 44-го года он находился на юге Украины. Вместе с Р. Я. Малиновским прибыл в конно-механизированный корпус генерала И. А. Плиева. Гостеприимный хозяин организовал обед, на который приехали «соседи» по фронту — генералы В. И. Чуйков, Т. И. Танасчишин, В. А. Судец.

Александр Михайлович поздравил В. И. Чуйкова с присвоением звания Героя Советского Союза. А потом сели за стол. Пообе-

А. М. Василевский и Ф. И. Толбухин на командном пункте под Севастополем. 1944 г.

дали. Военных действий в разговорах не касались. Обменивались шутками, вспоминали различные истории. А. М. Василевский под общий смех рассказал, что Одесскую область, за освобождение которой идут бои, диктатор Румынии Антонеску назвал «Транснистрией» и что у нее уже был свой генерал-губернатор, вынужденный «намазать пятки салом».

Несмотря на высокое служебное положение, Василевскому приходилось на фронтовых дорогах попадать в весьма сложные переплеты. Летом 1942 года, когда советские войска вели ожесточенные оборонительные бои, он из штаба Юго-Западного фронта выехал в сторону Купянска, навстречу отходившим войскам. В машину сел член Военного совета фронта. По дороге останавливались, беседовали с бойцами. Переправились через реку Оскол. Увидели вдали деревню — и туда. Посреди ее остановились. Пустынно, вышли из машины. Вдруг на улице появилась женщина. Подошла и торопливо сказала:

— Товарищи военные, на той стороне деревни немцы.

Поблагодарив ее, быстро сели в машину и благополучно вернулись к своим войскам.

— А могли бы оказаться с глазу на глаз с гитлеровцами,— рассказывал Александр Михайлович.

А вот и еще один из многих случаев. В середине марта 1943 года немцы прорвали нашу оборону на юге и вновь захватили Харьков, Белгород. Василевский, находившийся на Воронежс-

Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов и Маршал Советского Союза А. М. Василевский в группе генералов и офицеров в Крыму

ком фронте, вместе с Жуковым принял меры по организации прочной обороны. Противник, хотя и продолжал свои попытки развивать наступление, успеха не имел. В самый разгар боев Василевский был срочно отозван в Москву. До аэродрома в Курске можно было добраться только на автомобиле. Учитывая, что противник проявлял большую активность в воздухе, Г. К. Жуков предложил свою машину с броневой защитой. Александр Михайлович хоть и возражал, но потом не пожалел, что Георгий Константинович настоял на своем: в пути фашистский истребитель из пулемета обстреливал мчавшийся автомобиль.

Но фронтовые поездки не всегда кончались благополучно. В день освобождения Севастополя Василевский решил посмотреть воспетый во славе город. Машин по нему шло много. Одна за другой они везли солдат и боеприпасы. Доехали до Мекензиевых гор. И вдруг под колесами автомобиля — взрыв. Наскочили на мину. Произошел удар такой силы, что двигатель отбросило в сторону. Александра Михайловича ранило в голову.

А в Прибалтике попал в аварию, сломал два ребра. Но работать продолжал и в таком состоянии.

Бывали на фронтовых перекрестках и радостные сердцу Василевского события. Особенно запомнились ему беседы с рядовыми бойцами.

Однажды, а было это в Прибалтике, Александр Михайлович прибыл в один из гвардейских полков 11-й гвардейской армии

3-го Белорусского фронта во время обеда. Направился в одну из рот. И сразу оказался в окружении солдат. Посыпались вопросы. А один боец, обращаясь к А. М. Василевскому, сказал:

— Товарищ маршал! Просим пообедать с нами.

— Спасибо за приглашение,— ответил Александр Михайлович и спросил:— А откуда вы меня знаете?

Ответил другой солдат.

— Хоть вы и в комбинезоне, но мы вас сразу узнали. Мы, москвичи, бывшие ополченцы и не один раз видели вас на фронтовых дорогах.

Все уселись под березкой. Необыкновенно вкусными показались маршалу борщ и гречневая каша. Да и интересный, живой разговор не смолкал ни на минуту. Маршал радовался, что рядовой солдат чувствует себя рядом с ним как гражданин с гражданином, как товарищ по борьбе за свободу и счастье Родины.

В самом начале последнего года войны А. М. Василевский получил задачу координировать действия 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов.

Накануне выезда из Москвы он с женой Екатериной Васильевной пошел в Большой театр. Здесь-то и услышал печальную весть о гибели командующего 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховского.

Смерть Ивана Даниловича, наступившую после тяжелого ранения, Александр Михайлович долго переживал. «Я близко и хорошо знал его,— писал он,— ценил в нем отличного полководца, беспредельной честности коммуниста, исключительной души человека».

3-й Белорусский фронт играл главную роль в разгроме немецко-фашистской группировки в Восточной Пруссии. Нужно было подобрать сильного командующего. И когда в Ставке разговор зашел о задачах фронта, Верховный Главнокомандующий спросил:

— Как вы смотрите, товарищ Василевский, если командующим назначим вас?

Быть командующим войсками фронта, особенно на заключительном этапе войны,— дело огромной ответственности. Каждый советский военачальник считал это высокой честью. А. М. Василевский без колебания дал согласие и поблагодарил Верховного Главнокомандующего за доверие. Вместе с тем попросил освободить его от работы в Генштабе, предложив на свое место А. И. Антонова, который в то время был заместителем начальника Генштаба.

Прося о снятии с него полномочий начальника Генштаба, Александр Михайлович исходил только из интересов руководства вверенными ему войсками фронта и успешной работы Генштаба. Он знал, что будет без остатка поглощен делами фронта, а потому не сможет постоянно находиться в курсе всей

работы Генштаба. Формально же значиться в столь высокой должности не хотел. Отошел от дел в Генштабе честно, искренне, с верой, что поступает правильно, с пользой для успешного руководства делом завершения войны.

А дел этих на нового командующего 3-м Белорусским обрушилось великое множество. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Советские войска несли серьезные потери, а пополнение почти не поступало. Отставшие тылы не справлялись с материальным обеспечением войск, особенно со снабжением горючим. Эти обстоятельства вынудили Василевского временно прекратить бои на Земландском полуострове. Он принял единственно верное решение. Мощными ударами войска фронта расчленили и разгромили гитлеровцев, занимавших хейльсбергский укрепленный район, а затем и кенигсбергскую группировку врага. Всего четверо суток понадобилось советским войскам, чтобы овладеть «абсолютно неприступным бастионом немецкого духа» — Кенигсбергом.

После разгрома гитлеровской группировки Василевский допрашивал коменданта обороны города. Перед маршалом стоял высокий худощавый генерал Лаш. Он признался, что массированное применение артиллерии и самолетов разрушило укрепления, деморализовало солдат и офицеров. Было полностью потеряно управление. «Выходя из укреплений на улицу, чтобы связаться со штабами частей, мы не знали, куда идти,— говорил он,— совершенно теряя ориентировку, настолько разрушенный и пылающий город изменил свой вид. Никак нельзя было предполагать, что такая крепость, как Кенигсберг, столь быстро падет. Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию».

В конце допроса А. М. Василевский спросил у пленных генералов, кого они знают из советских военачальников. Как пишет И. Х. Баграмян, они не могли назвать, кроме Ворошилова, Буденного, Тимошенко, ни одного советского полководца, войска которых били их армии начиная от Москвы и Сталинграда.

Затем их спросили, неужели они не знают Жукова, Василевского, Конева, Рокоссовского. Пленные в ответ лишь переглянулись и замолчали. А генерал Лаш смущенно сказал, что он впервые услышал о Маршале Советского Союза А. М. Василевском лишь в связи с его ультиматумом гарнизону Кенигсберга.

Долго еще Александр Михайлович озадаченно ходил по комнате. Странными и необъяснимыми казались глухота и слепота немецких генералов по отношению к противнику. Самонадеянность или обреченность? Наверное, кичливость и предчувствие катастрофы.

Салюту в Москве в честь взятия Кенигсберга Василевский радовался как непосредственный участник тех напряженных и славных боев.

Но встретить День Победы на фронте А. М. Василевскому не

Маршал Советского Союза А. М. Василевский и генерал-полковник С. П. Иванов в штабе Главного командования советских войск на Дальнем Востоке

пришлось. В конце апреля он вызвал своего заместителя генерала И. Х. Баграмяна и сказал ему:

— Иван Христофорович, меня срочно вызывают в Москву. Тебе приказано вступить в командование войсками фронта. Основная задача — в кратчайший срок завершить разгром остатков земландской группировки противника. Поразмысли о том, как добиться этого с наименьшими для нас потерями. Это — главное...

Возвратившись в Москву, А. М. Василевский тут же включился в подготовку войны против милитаристской Японии. На Дальний Восток отбыл после Парада Победы. Но в специальном поезде ехал не как маршал Василевский, главком Советскими войсками на Дальнем Востоке, а как заместитель наркома обороны генерал-полковник Васильев. В этом звании и под этой фамилией пребывал до 8 августа, начала боевых действий. Интересы скрытной подготовки к войне требовали такого камуфляжа.

В первые дни военных действий главком Василевский находился на командном пункте 1-го Дальневосточного фронта. Он внимательно следил, как развиваются боевые действия советских войск против Квантунской армии. Радовался широкомасштабному характеру наступления, умелому использованию бронетанковых и механизированных войск.

Видя, что дни Квантунской армии сочтены, главком обра-

тился по радио к японскому командованию с категорическим требованием сложить оружие. Но не сразу услышали голос разума самураи. Отдельные гарнизоны японских войск продолжали сопротивляться. И только высадка воздушных десантов в Харбине и других крупнейших городах Маньчжурии заставила командование Квантунской армии пойти на переговоры. На командный пункт 1-го Дальневосточного фронта прибыл начальник штаба Квантунской армии генерал Х. Хата, который принял условия капитуляции.

И все же боевые действия продолжались. Потребовалось провести Южно-Сахалинскую и Курильскую операции, чтобы окончательно разгромить врага. Япония безоговорочно капитулировала 2 сентября 1945 года. Наступили мирные дни.

Штаб главкома Советскими войсками армии на Дальнем Востоке разместился в Хабаровске. Прилетев сюда из Порт-Артура, Василевский ознакомился с городом, прошел по главным улицам, постоял на берегу Амура, любуясь красотой его мощного течения. Не теряя времени, приступил к рассмотрению вопросов перехода войск на режим мирного времени. Посоветовался с начальником штаба генералом С. П. Ивановым.

— Знаете, Семен Павлович,— сказал улыбаясь Василевский,— сложен переход от мира к войне, но переход от войны к миру также непрост и не очень легок, хотя начало мирной жизни после войны и похоже на начало весны.

Продумали, какие мероприятия в первую очередь следует провести по демобилизации старших возрастов, переводу войск на обычный распорядок. Начался новый период военного строительства.

Подошел конец сентября, и как-то мельком вспомнил, что скоро день рождения, стукнет ровно пять десятков. В памяти мелькнул день рождения незадолго до войны, когда так весело и приятно его отметил в кругу близких и друзей.

Неожиданно получил указание вернуться в Наркомат обороны. Стал думать, зачем понадобился, но никаких конкретных причин не видел. Все должности его уровня были заполнены.

Но приказ есть приказ. Сдал дела Р. Я. Малиновскому, распрощался с боевыми товарищами — и в самолет.

Москва. Уже не военная, но еще не залечившая раны войны. 29 сентября вечером его принял Сталин. Интересовался японской армией, ее командными кадрами, отношением китайского населения к Красной Армии, положением в Китае. Но главной темой беседы был переход Вооруженных Сил на мирный режим, расстановка руководящих командных кадров. Поинтересовался личными планами Александра Михайловича, спросил, где бы он хотел работать. Александр Михайлович ответил:

— Куда бы ни направили меня, везде буду трудиться честно.

А утром следующего дня «Правда» опубликовала приветствие

Центрального Комитета партии и Совета Народных Комиссаров Союза ССР маршалу А. М. Василевскому. В нем говорилось: «Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР приветствуют Вас, одного из виднейших полководцев Красной Армии и талантливых организаторов Вооруженных Сил Советского Союза, в день Вашего пятидесятилетия.

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР желают Вам здоровья и сил для дальнейшей плодотворной работы на благо нашей Родины».

Александр Михайлович был глубоко взволнован и признателен партии за эту высокую оценку. Она вдохновляла, вселяла новые силы.

— Хотелось немедленно приступить к работе,— вспоминал он потом.

В ЦК партии посоветовали сначала отдохнуть, съездить на курорт, подлечиться. А потом решится вопрос о назначении.

Выехал в Сочи Александр Михайлович с женой Екатериной Васильевной и сыном Игорем. Первый послевоенный отпуск прошел особенно приятно.

А когда вернулся, посвежевший, со светлой улыбкой на лице, вновь стал начальником Генштаба.

Через несколько лет А. М. Василевский оставил службу. Подорванное войной здоровье не позволяло работать с прежним напряжением.

Вся большая жизнь Александра Михайловича Василевского отдана служению партии, Родине, Советским Вооруженным Силам. Он дважды удостоен высокого звания Героя Советского Союза, награжден восемью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденами Суворова I степени, Красной Звезды, другими орденами и медалями, Почетным оружием. Дважды ему вручали высший полководческий орден «Победа». Имя А. М. Василевского присвоено Военной академии ПВО Сухопутных войск. Память о нем живет в названиях улиц в Москве, Калининграде, Николаеве и других городах, суднах дальнего плавания.

С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев (1897—1973)

В майские дни 1945 года во многих газетах мира был опубликован уникальный снимок, подпись под которым гласила: «Богатырский сон». На фотографии — до отказа заполненная людьми улица Праги. В центре, прямо посреди улицы, стоит машина. В кузове вповалку спят советские бойцы. Шофер — за рулем. А один, видимо командир, уснул, прислонившись головой к ветровому стеклу.

Ярко светит майское солнце. Буйно цветет черемуха. Вокруг огромный шумный город. А они спят крепким сном... Сном солдат, выполнивших свой долг.

Пражане, плотно окружившие машину, с любопытством и благоговением смотрели на своих освободителей и как бы превратились в часовых, охраняющих покой советских воинов. Это они прикрепили к ветровому стеклу красный флажок, положили на капот букетик цветов...

Снимок мы показали участнику освобождения Чехословакии полковнику в отставке Александру Ивановичу Сиземову.

— Сколько лет прошло, а все помню, будто было вчера,—

говорил он, рассматривая фотографию.— Да какой там сон? Проходили по 100—150 километров. 6 мая войска 1-го Украинского фронта получили приказ: развивать наступление на Прагу в быстром темпе. Движение не прерывать ни днем, ни ночью. Так что запечатленных на снимке можно понять. А как их встречали в Праге!..

В те дни стало известно о присвоении Маршалу Советского Союза Ивану Степановичу Коневу звания почетного гражданина Праги.

Торжественный акт вылился в демонстрацию благодарности Красной Армии и советскому народу. Сотни тысяч пражан приветствовали на Вацлавской площади маршала Конева. Здесь находилось много иностранных корреспондентов. Плотным кольцом обступили они маршала. Пресс-конференция не предусматривалась. Но Иван Степанович любезно согласился побеседовать с представителями печати. И вот посыпались вопросы журналистов:

— Господин маршал, правда ли, что вы были кадровым офицером старой русской армии? Вы участвовали в известном прорыве генерала Брусилова? В каком звании? Чем вы тогда командовали? В каком царском военном училище вы получили специальное образование? Кем был ваш отец? Как велики были его поместья?

И наконец:

— Чем вы, господин маршал, объясняете столь убедительные успехи ваших войск, в особенности в последний год войны?

Конечно же, вопросы эти не были случайными. На Западе в то время появилась легенда, что наиболее выдающиеся советские полководцы будто бы получили образование в царских академиях, что сами они — выходцы из привилегированных классов и, мол, по этой причине добились превосходства над гитлеровским генералитетом рейхсверской школы.

Все с интересом смотрели на маршала. Что и как он скажет? Как поведет себя в этой ситуации?..

— Позвольте мне, господа, ответить на все ваши вопросы сразу. Боюсь, что я вас разочарую. Я сын бедного крестьянина и принадлежу к тому поколению русских людей, которые встретили Октябрьскую революцию в свои молодые годы и навсегда связали с ней свою судьбу. Военное образование у меня наше, советское, а следовательно, неплохое. Успехи фронтов, которыми мне посчастливилось командовать, неотделимы от общих успехов Красной Армии. А эти ее успехи я объясняю, в свою очередь, тем, что мы, советские люди, идя через нечеловеческие испытания и трудности, познали ни с чем не сравнимое счастье бороться за дело Ленина, беззаветно служить социалистической Родине. Мы, советские труженики в солдатских шинелях, всеми своими помыслами связаны со своим народом, живем его жизнью, боремся за наши идеи... В этом наша сила. Была. Есть и будет.

Родился Иван Степанович в деревне Лодейно на Вологодчине. Деревня лежала на большаке, ведущем из Котельничей в город Великий Устюг. Это примерно у границы нынешних Вологодской и Кировской областей.

Приходскую школу Иван Конев закончил с похвальным листом. Учитель подарил ему книгу Н. В. Гоголя «Ревизор» с очень лестной надписью: «За выдающиеся успехи и примерное поведение». Как раз тогда Ивану довелось случайно прочесть запрещенную брошюру о революции 1905 года.

Понял ли до конца тринадцатилетний крестьянский мальчик ее суть или нет, трудно сказать, но некоторые выводы сделал. На лубочной карте мира были размещены фигуры царей, королей и президентов. Иван взял да выколол глаза у японского микадо и русского царя.

Как на зло, в гости приехал старший брат отца — урядник. Увидев расправу, учиненную над двумя августейшими особами, он сейчас же принялся рыться в книжках. Отыскав брошюру о 1905 годе, закричал:

— Чья? Кто читает?

— Я,— ответил Иван.

— Ах, ты! — дядя ударил племянника брошюрой по лицу.— Степан, видишь, куда твой косит? — сказал он брату.— Я эту книжку у вас изымаю. Если твой щенок еще за что-нибудь такое возьмется, узнаю — обоих посажу. Понял?

Надо было продолжать учиться. До земского училища в селе Пушма — десять верст. Иван стал ходить туда и обратно пешком. И здесь его успехи в учебе были отмечены похвальным листом. А как жить дальше? После сезонных работ пошел он, как тогда говорили, в люди — направился в город с письмом к дяде Дмитрию, работавшему грузчиком в порту. Небогато жил тот дядя, но племянника принял, помог устроиться табельщиком на пристани.

В то время шла империалистическая война. Русская армия несла большие потери. Требовались новые резервы. Все больше рекрутов призывали в армию. И вот в мае 1916 года Иван Конев получил повестку. С ней он и направился в уездный город.

Военное дело, хоть и тяжела была служба, увлекло крестьянского парня. Грамотный, хорошо физически развитый он обратил на себя внимание командиров, и его отобрали в учебную артиллерийскую команду, готовившую младший командный состав. Фейерверкером[1] он встретил в Москве февральскую революцию. Активно участвовал в ней: освобождал арестованных солдат своей бригады, разоружал жандармов.

Среди сослуживцев Конева были и большевики. В казарме появились ленинская «Правда», листовки. Именно тогда он понял, что борется за коренные интересы трудового народа, и уже по

[1] Воинское звание младшего командного состава в артиллерии русской армии.

сути стал большевиком, хотя еще официально не вступил в РСДРП(б).

Вскоре произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Началась демобилизация царской армии. В январе 1918 года Конев решил вернуться в родные края. Дома он с удивлением и возмущением узнал о невзгодах односельчан, о том, что местные кулаки бесчинствуют в деревнях, мешают установлению Советской власти. Большевистски настроенный солдат Конев обращается в уком партии. Вчерашнего фронтовика, крестьянина-бедняка, едва достигшего двадцати лет, приняли в партию, избрали членом исполкома и назначили военным комиссаром Никольского уезда.

С этого времени Иван Степанович навсегда связал свою судьбу с Советскими Вооруженными Силами. В годы гражданской войны боролся с мятежниками, белогвардейцами, иностранными интервентами. Командовал отрядами. Был комиссаром бронепоезда, стрелковой бригады, дивизии. Ему посчастливилось принимать участие в работе V Всероссийского съезда Советов, X съезда РКП(б). Он видел Владимира Ильича Ленина, слышал его выступления. Особо запало ему в душу выступление Ильича перед делегатами съезда партии — участниками подавления Кронштадтского мятежа.

С именем Ленина уезжал Конев из Москвы в Читу, куда он был назначен комиссаром штаба Народно-революционной армии Дальневосточной Республики.

Бурные события гражданской войны закалили его характер, научили быть чутким, человечным, снисходительным к мелким недостаткам людей и в то же время твердым, непримиримо принципиальным, решительным, даже жестким, когда речь шла о врагах революции и партии.

Эти качества особенно ярко проявились, когда осенью 1924 года Конев был назначен комиссаром и начальником политотдела 17-й стрелковой дивизии Московского военного округа. Дивизия вскоре добилась явных успехов, и комиссара вызвал член Реввоенсовета, командующий войсками округа К. Е. Ворошилов. Оказалось, он еще со времен Кронштадтского мятежа не выпускал Конева из поля зрения.

— Вы, товарищ Конев,— сказал он,— по нашим наблюдениям, комиссар с командирской жилкой. Это счастливое сочетание. Вам надо учиться, овладеть всем, что есть в военной науке. Это поможет вам стать хорошим командиром.

1926 год стал переломным в жизни Конева. Иван Степанович попросил направить его на учебу, и вскоре его зачислили на Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава, где пополняли теоретические знания участники гражданской войны.

После успешного окончания курсов Коневу предлагали весь-

ма значительные посты, но, категорически отказавшись от них, он добился назначения командиром полка.

— Полководец начинается в полку,— утверждал Конев.— Прыгать через ступеньку в жизни вообще не стоит. Ну а в военной деятельности перешагнуть через полк, по-моему, вовсе нельзя. Нет таких всеобъемлющих начальников, как командир полка. Он командир-единоначальник, в его руках собрано буквально все, что относится непосредственно к бою и военному быту, к обучению и воспитанию людей, поддержанию дисциплины... Полк сделал меня человеком поля... И это пригодилось мне на войне... Командир полка был на войне тем мастером, без которого не обойтись в любом деле, в любом цехе, тем более в цехе войны. Без мастера — знатока всех элементов данного производства — дело так же не пойдет, как на войне без командира полка — знатока всех элементов организации общевойскового боя.

В 1931 году Иван Степанович возглавил свою родную 17-ю стрелковую дивизию. Под его командованием она добилась высоких результатов в боевой учебе и оказалась на лучшем счету в столичном округе и во всей Красной Армии. А стремление к совершенствованию в Коневе не угасает. В 1932 году он подает рапорт с просьбой снова откомандировать его на учебу. На этот раз — в Военную академию имени М. В. Фрунзе...

Выпускная комиссия констатировала, что «академический курс слушатель Конев усвоил отлично. Он достоин выдвижения на должность командира и комиссара стрелкового соединения». Иван Степанович назначается в Белорусский военный округ командиром 37-й стрелковой дивизии.

Опасность войны нарастала не только на западе, но и на Дальнем Востоке. Японские милитаристы развязали войну в Китае, сосредоточили в оккупированной Маньчжурии на границе с Советским Союзом огромную армию, совершали одну военную провокацию за другой.

В один из дней 1936 года комдива Конева вызвал К. Е. Ворошилов — нарком обороны.

— Ну что же, правильно мы поступили, товарищ Конев, что направили вас на командную должность... Принято решение назначить вас командующим особой группой войск в Монголии. Японское командование сосредоточивает у ее границ крупные силы. Великий хурал Монгольской Народной Республики обратился к Советскому правительству с просьбой прислать войска Красной Армии. Действуйте быстро,— заключил нарком,— дорог каждый час. К выполнению обязанностей приступайте немедленно. Все необходимые указания получите в Генеральном штабе. Удачи вам.

Миссия командующего особой группой войск оказалась не простой. Разведка докладывала: японские войска изготовились к наступлению. Упредить их внезапный удар можно было быстрой и организованной перегруппировкой советских войск, выводом их

на угрожаемые рубежи, растянувшиеся по безводной гористой пустыне Гоби. И на все это отводилось двое суток.

— Даже в годы Великой Отечественной войны,— подчеркнет маршал спустя двадцать лет, беседуя со слушателями Военной академии имени М. В. Фрунзе,— у меня не было, пожалуй, таких напряженных двух суток, как те, осенью 1937 года. Солдаты наши совершили поистине невозможное. Все происходило в пустыне, где нет ни дерева, ни травинки, где ветры валят человека с ног, где нет дорог, где в лощинах между холмами машины вязнут по самые оси, а на холмах порой земля так тверда, что лопата звенит об нее, как о камень... Когда я смотрю в музее знаменитую суриковскую картину «Переход Суворова через Альпы», мне представляются на ней вместо тех суворовских орлов-гренадеров... наши красноармейцы, что совершили свой славный форсированный марш по монгольскому бездорожью.

1 июля 1938 года в связи с усилившейся угрозой военного нападения Японии Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия преобразуется в Краснознаменный Дальневосточный фронт. В его состав вошли две армии. Командующим 2-й Краснознаменной армией стал комкор Конев. А два года спустя его назначают командующим войсками Забайкальского военного округа. Перед началом Великой Отечественной войны Иван Степанович Конев командует уже Северо-Кавказским военным округом.

Обстановка в мире становилась все более угрожающей. 18 декабря 1940 года Гитлер подписал директиву № 21, так называемый план «Барбаросса» — план нападения на Советский Союз. Конечно, в то время военно-политическое руководство нашей страны не знало об этом. Но оно видело, что угроза войны вырисовывалась все явственнее. Советское правительство принимало меры по укреплению обороны. Красная Армия оснащалась новой техникой, автоматическим оружием. В войсках шли напряженные учения. Они проводились в обстановке, приближенной к боевой.

В Великую Отечественную войну генерал-лейтенант И. С. Конев вступил командующим 19-й армией. Ночью 21 июня 1941 года ему позвонил начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев:

— Положение тревожное, Иван Степанович, будьте готовы к худшему.

Худшее началось на рассвете. Всей своей военной мощью фашистская Германия и ее сателлиты обрушились на мирные советские города и села.

Командующий 19-й армией получил приказ перегруппировать соединения армии из-под Киева в район Витебска. Эшелоны шли медленно. Противник постоянно наносил удары по железной дороге. Пути то и дело оказывались взорванными. Головному эшелону удалось прорваться к Рудне. Конев разыскал штаб Западного фронта, в распоряжение которого поступала армия.

— Соберите все, что имеется под рукой, товарищ Конев,— приказал ему командующий фронтом Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко,— и отбросьте немедленно противника от Витебска. С приходом армии организуйте устойчивую оборону в междуречье Западной Двины и Днепра.

Надо было выяснить обстановку. С небольшой группой работников штаба, радиостанцией и отделением охраны Иван Степанович, не ожидая подхода своих войск, отправился в Витебск. В пути стало понятно, что положение здесь гораздо более угрожающее, чем предполагал: под давлением многократно превосходящих сил врага разрозненные части и подразделения наших войск отходили на восток. Пришло единственно возможное решение — останавливать отступающих на выгодных для обороны рубежах, создавать сводные боевые части и воспретить врагу безостановочное продвижение на Витебском направлении.

Этим Иван Степанович с присущей ему настойчивостью и занялся. Он вышел из машины, снял плащ, чтобы видны были знаки различия. Спокойствие, четкие команды генерала сделали свое дело. В Витебск он вступил с несколькими стрелковыми подразделениями, двумя артиллерийскими батареями, десятком танков.

На центральной площади города Конев увидел офицера и с ним несколько бойцов. Это был майор Рожков из 37-й стрелковой дивизии, которой в 30-е годы командовал Иван Степанович.

— Много у вас людей? — спросил Конев.

— Человек двадцать было утром. Теперь больше. В Витебске принял под командование роту Осоавиахима и рабочее ополчение. Правда, оружия маловато. Да и патронов почти нет. Дал команду собрать что есть на поле боя. Организовал оборону на Западной Двине и принял на себя командование гарнизоном.

— Товарищ майор, ваши действия одобряю. Держитесь до утра. Придут подкрепления.

Он оставил в распоряжении майора Рожкова пехотинцев и танки, а сам пошел на батарею, которая заняла открытую позицию у реки. Здесь, как полагал Конев, проходило направление главного удара врага. И действительно вскоре в сопровождении танков противник двинулся к мосту. Начался ожесточенный бой. Красноармейцы Рожкова забрасывали вражеские танки бутылками с горючей смесью. Несколько танков запылало. Артиллеристы со своей позиции поддержали пехоту. Так совместно отбили первую атаку.

Прошло некоторое время. Противник подтянул самоходные орудия и стал бить по артиллерийской батарее. Она приняла бой. По разрыву снарядов Конев понял — сейчас накроют. Приказал расчетам отойти в укрытие. Сам прилег в окоп. Командир батареи немного замешкался, и его сразил осколок. Тогда командующий армией принял на себя управление огнем. В эти минуты в нем как бы жили два человека: командир батареи и полководец. Один

из них указывал цели, корректировал огонь. Другой анализировал все увиденное в первые сутки войны. Иван Степанович уяснил главное — чтобы остановить врага, нужно вести активную оборону и, не ожидая полного сосредоточения своих войск, нанести по врагу внезапный контрудар. Более трех суток шли бои. Противник вынужден был отказаться от наступления вдоль магистрали Витебск — Смоленск и приступил к перегруппировке...

10—12 июля на центральном участке советско-германского фронта развернулось грандиозное сражение, вошедшее в историю Отечественной войны как Смоленское. И в том, что в те дни наступление гитлеровцев на Москву захлебнулось, важную роль сыграла 19-я армия, которая, отходя, наносила противнику ощутимые потери. Так же сражались 16-я и 20-я армии Западного фронта — соседи 19-й. И не случайно начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «На участке группы армий «Центр» создается невыгодная для нас обстановка. Войска несут большие потери...»

В Смоленской оборонительной операции И. С. Конев проявил себя как талантливый военачальник, способный руководить сражениями большого масштаба. 11 сентября Ивану Степановичу присваивается воинское звание генерал-полковника, а на следующий день он назначается командующим войсками Западного фронта. Назначение И. С. Конев принял с благодарностью, но и с ощущением огромной ответственности.

Всего лишь месяц командовал он Западным фронтом. Но в иных условиях такого напряжения не испытывал и за год. Вот где потребовалась полководческая мудрость Ивана Степановича, чтобы, опираясь на выгодные рубежи, построить глубокоэшелонированную оборону и, сдерживая противника, наносить ему возможно большие потери. Особенно трудно было тогда, когда гитлеровцы, начав наступление по плану «Тайфун», прорвали оборону советских войск и, несмотря на героическое сопротивление защитников столицы, захватив ряд городов, вышли в район Вязьмы.

В создавшейся тяжелой обстановке для координации сил обороны Западный и Резервный фронты сливаются. Командование этим огромным объединенным фронтом поручается генералу армии Георгию Константиновичу Жукову. И. С. Конев становится его первым заместителем.

Не менее сложная обстановка была в те дни и на Калининском направлении. Возникла реальная угроза прорыва нашей обороны и захвата Калинина. Иван Степанович, облеченный чрезвычайными полномочиями, прибыл в город. Выяснилось, что в Калинине войск почти нет. А жители города волновались. Слухи наплывали один на другой: между Калинином и Москвой неприятель выбросил большой воздушный десант... целые подразделения немцев, переодетых в нашу форму, будто бы бродят по городу... перерезана железная дорога... Точно было известно лишь то, что

немецкие танки прошли город Зубцов и движутся в направлении Калинина и Москвы. Конев прикинул: в Калинине они могут быть через два-три дня. И тут он применил старый суворовский прием, приказав принести койку в кабинет военкома:

— Хочу отдохнуть с дороги,— сказал он. Снял сапоги, не раздеваясь, прилег на нее, укрылся шинелью.

В городе сразу стало известно: заместитель командующего фронтом отдыхает. Значит, все будет хорошо. Люди успокоились. А Конев немедленно занялся организацией обороны. Используя чрезвычайные полномочия, он остановил на станции эшелон с частями дивизии генерала Поленова, приказал им выгрузиться и занять оборону к западу и юго-западу от Калинина. Затем дивизия генерала Горячева получила приказ: форсированным маршем двигаться к Калинину.

Нетрудно было понять, что для врага Калинин — лишь этап на пути к Москве. Сложнее было вскрыть намерение гитлеровского командования. Проанализировав данные разведки и допросив пленных, Иван Степанович разгадал замысел врага — вбить клин в нашу оборону и нарушить оперативное взаимодействие войск Западного и Северо-Западного фронтов; приказал командарму-31 генералу Юшкевичу вывести главные силы в район Торжка и занять там прочную оборону.

Ночью Конев приехал в Ржев в армию генерал-лейтенанта Масленникова:

— Приказываю всеми дивизиями перейти через Волгу и ударить по тылам наступающего противника.

У Конева уже тогда созрел план такой обороны, которая бы помогла задержать наступающего врага. Но сам город удержать не удалось. Зато и гитлеровцы не смогли осуществить свой замысел. Воины вовремя выдвинутой вперед дивизии генерала Горячева встали насмерть на северо-восточной окраине города. Продвижение противника в этом направлении было задержано.

На следующий день Иван Степанович докладывал начальнику Генерального штаба: «Авангарды Гота на отрезке шоссе Калинин — Медное разгромлены. Северо-восточнее города организован сплошной стабильный фронт». У аппарата в этот момент оказался Верховный Главнокомандующий, который продиктовал следующий ответ: «...Ставка решила образовать Калининский фронт в составе 30, 31, 29 и 22-й армий и отдельных дивизий, действовавших на этом направлении. Командующим фронтом назначен генерал-полковник Конев. Желаем успеха»...

5 декабря войска фронта, реализуя замысел командующего, перешли в контрнаступление. Ударная группировка успешно форсировала Волгу. Враг, неся большие потери, предпринял ряд сильных контратак, но остановить наступательный порыв советских воинов не смог. Кольцо окружения вокруг Калинина почти сомкнулось. В ночь на 16 декабря противник, почувствовав угро-

Военный совет Северо-Западного фронта (слева направо): генералы И. К. Смирнов, Ф. Е. Боков, И. С. Конев и М. П. Пронин. 1943 г.

зу, начал в панике бежать, бросая боевую технику и вооружение. В город вступили советские войска.

О полководческом почерке Ивана Степановича Конева емко сказал Борис Полевой: «У хороших полководцев, как и у хороших писателей, есть свой творческий почерк... Был свой особый почерк и у маршала Конева. Очень индивидуальный, ярко выраженный почерк, который можно проследить во всех проведенных им операциях».

Западный, Калининский, Северо-Западный, Степной, 2-й Украинский, 1-й Украинский фронты. Сотни боев, десятки сражений, главным образом наступательных, провел он в дни Великой Отечественной войны. И, как утверждают исследователи, ученые, ни одна из операций в сущности не походит на другую, являясь отражением передовых концепций советской военной стратегии, талантливо и умело воплощенных.

— Есть шахматисты,— говорил генерал армии И. Е. Петров,— которые могут играть, не глядя на доску: вся доска, все расположение фигур у них в уме. Так и Конев может представить себе расстановку соединений, не глядя на карту, точно сказать, что против них стоит и на какой местности.

Вот почему Иван Степанович такое большое внимание уделял тщательному изучению сил противника во всех мелочах и деталях.

Обычно, как только принималось решение на проведение операции, он тотчас же отправлялся в армии, корпуса, дивизии и там, используя свой богатейший опыт, готовил войска к боевым действиям.

— Изучение противника и плацдарма будущего наступления надо проводить не отвлеченно, а визуально,— учил Иван Степанович подчиненных.— Все надо предварительно осматривать и заранее прикидывать в уме. Все возможные варианты, которые могут возникнуть в ходе боя. Недаром говорят: не зная броду, не суйся в воду... Полководец должен не стесняться ползать на брюхе по передовой...

Конев всемерно стремился массировать силы и средства на избранных направлениях ударов, добивался тесного сочетания огня и действий войск, а также широкого маневра на поле боя.

— Что такое маневр? Каковы его сущность и значение в достижении победы? — ставил вопрос маршал Конев перед слушателями Военной академии Генерального штаба.— Мне представляется, что маневр является неотъемлемой и составной частью операции и боя... Цель маневра — занять выгодное положение по отношению к противнику для нанесения решительного удара. Он может осуществляться также средствами огневого поражения для массированного воздействия по наиболее важным вражеским объектам.

И действительно, с помощью маневра в годы войны Конев не раз достигал победы над врагом. Так было и в Корсунь-Шевченковской операции. Совместными ударами войск 1-го и 2-го Украинских фронтов было осуществлено окружение крупных сил противника, его корсунь-шевченковской группировки. Немецкое командование для спасения окруженных войск перебросило несколько танковых дивизий из других районов. Однако советское командование, предвидя такой ход событий, создало внешний фронт окружения, второе кольцо вокруг блокированной группировки. Развернулись напряженные бои. Окруженные гитлеровцы предпринимали настойчивые атаки, пытаясь вырваться из кольца. В то же время на внешнем фронте шли тяжелые бои с крупными танковыми силами врага, пытавшимися соединиться с окруженными. Операция грозила затянуться.

Вот в такой сложной обстановке И. С. Конев и принял смелое решение — перегруппировать 5-ю гвардейскую танковую армию, чтобы не дать возможности окруженным соединиться с пробивающимися к ним на помощь силами противника. Конечно, это был риск, но риск обоснованный. Полководец точно рассчитал все возможные варианты этого маневра и был твердо уверен в успехе. Через семь дней с группировкой врага было покончено. За успешное проведение этой операции Ивану Степановичу присваивается звание Маршала Советского Союза.

У Конева удачно сочеталось умение правильно определять кризисные моменты обстановки с настойчивостью и несгибаемой волей в достижении поставленной цели, подкрепленной огромной организаторской работой. При этом принятое решение он отстаивал с присущей ему откровенностью и прямотой. В этом плане характерен такой пример.

В июне 1944 года Конева вызвали в Москву. Состоялся телефонный разговор с Верховным Главнокомандующим. Речь шла о разработке плана новой фронтовой наступательной операции с целью разгрома противника в Прикарпатье и освобождения Западной Украины.

Такой план был разработан. При докладе о нем в Кремле присутствовали члены ГКО, Политбюро ЦК ВКП(б), представители Ставки и Генштаба.

— Как нам представлялось,— вспоминал Иван Степанович,— был это обстоятельный и хорошо продуманный план. Однако он вызвал возражения со стороны Верховного Главнокомандующего.

— А почему два удара? — зажигая трубку и разгоняя рукой сизый дымок, спросил он.— Может быть, два удара и не стоит наносить? Пусть вместо двух ударов будет один мощный, сокрушительный!

— Прошу вас,— заявил Конев,— взять за основу оперативный план фронта и утвердить его. Фронт — крупное войсковое объединение. И мы в силах самостоятельно решать боевые задачи...

Присутствовавшим казалось, что Верховный Главнокомандующий вот-вот возразит Коневу, пожурит его за напористость и поступит по-своему. Однако он по-прежнему размеренно ходил по кабинету, о чем-то раздумывая. Потом вдруг остановился возле Ивана Степановича, пытливо посмотрел на него и с характерным акцентом бросил:

— Вы очень упрямы! — И после некоторой паузы, пряча усмешку в усы, добавил:— Что ж, может быть, это и неплохо. Когда человек так решительно отстаивает свое мнение, значит, он убежден в своей правоте.

Позднее Иван Степанович заметил по этому поводу:

— Скажу откровенно, не упрямство владело мною, а убежденность в своей правоте. Мне был вверен фронт, насчитывающий более миллиона человеческих жизней, и я отвечал не только за выполнение плана предстоящей операции, но и за жизнь людей, которых пошлю в бой.

Подтверждением правоты Ивана Степановича стал блестящий результат Львовско-Сандомирской операции, достигнутый войсками фронта: была разгромлена немецко-фашистская группа армий «Северная Украина», создан Сандомирский плацдарм, сыгравший важную роль для подготовки Висло-Одерской операции. За отличное выполнение задач, проявленное при этом мастерство, доблесть и мужество 325 соединений и частей 1-го Украинского

Маршал Советского Союза И. С. Конев и генерал-полковник К. С. Москаленко на командном пункте в Карпатах. 1945 г.

фронта награждены боевыми орденами, а 160 воинов удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них — командующий войсками фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев.

В годы войны многие журналисты стремились написать о Коневе. Сделал такую попытку и Борис Николаевич Полевой, предложив написать о нем очерк.

— Чепуха,— довольно резко заявил командующий.— Великие подвиги, о которых надо писать, совершают люди, сами идущие в атаку. А вы — очерк о Коневе! Кому он, этот очерк, сейчас нужен? О генералах, товарищ батальонный комиссар, уместно будет писать после войны, когда Красная Армия Берлин возьмет. Не раньше.

Иван Степанович подошел к карте Европы, висевшей на стене.

— А Берлин, вон он еще где. До Берлина нам с вами далековато.

— Ну а после того, как... возьмем Берлин?

— Тогда пожалуйста,— скупо улыбнулся командующий.— Тогда и беритесь за нашего брата.

При всей строгости Иван Степанович чутко относился к подчиненным. Два-три его искренних, по-комиссарски душевных слова снимали скованность у бойцов, и они охотно делились с «большим начальством» своими заботами и надеждами. Особенно

глубоко уважал Конев тех людей, которые добросовестно выполняли свой служебный долг. В этой связи характерен один эпизод, происшедший после ликвидации корсунь-шевченковской группировки противника. Конев возвращался на танке в штаб. И вдруг гул мотора стих. Командующий отрывается от своих мыслей. Что случилось?

Впереди целая колонна тяжело нагруженных грузовиков застряла у переправы. Дорогу танку преграждает лейтенант с интендантскими погонами. Приняв, очевидно, командующего фронтом за командира танка, он резко потребовал, чтобы тот помог вытащить застрявшие машины.

— Не можем. Торопимся,— ответил Конев и приказал водителю трогаться.

Танк заурчал. Но лейтенант бросился наперерез машине:

— Ты что же, друг, русского языка не понимаешь? — закричал он на того, кого принимал за командира танка.— Там наша бригада, слышишь, бой ведет, последние боеприпасы добивает, а тебе лень машины со снарядами вытащить. Хоть давите гусеницами — не пропущу!

Конев отдал короткое распоряжение и спрыгнул на землю. С помощью стального троса танк перетягивал застрявшие машины через ручей. Командующий шагал по протопанной в снегу стежке, то и дело поглядывая на часы. Лейтенант бойко руководил «операцией». Но когда ему сказали, что тот, кого он принял за командира танка, Маршал Советского Союза Конев, оробел, подбежал к командующему, вскинул руку к виску:

— Товарищ Маршал Советского Союза. Я не знал...

— Правильно действуете, лейтенант! Как фамилия? Пастухов? Соломахин, запишите его данные. Правильно действуете, старший лейтенант Пастухов. Одобряю настойчивость.

Устная молва об этом случае долго ходила по войскам. Задержать командующего в пути — это же ЧП фронтового масштаба.

— Простить себе не могу, что допустил эту историю,— рассказывал адъютант маршала.— Поздно вылез из танка. Ведь «мессеры» вдоль дороги так и ходили. Представляете, что могло случиться? Ну, а когда он приказал машины эти чертовы вытаскивать, что я мог сделать?

Далее адъютант подтвердил факт досрочного присвоения Пастухову воинского звания — старшего лейтенанта. И добавил:

— Наш такие вещи помнит. Забудешь сделать — проверит, узнает, что не выполнил,— шкуру спустит. Спрашивал потом, выполнен ли его приказ.

В период подготовки Висло-Одерской операции, главной политической целью которой было полное освобождение Польши от гитлеровской тирании, исключительно важная роль отводилась танковым объединениям и соединениям фронта.

— Мы с вами стоим на пороге фашистской Германии,— отмечал Конев на совещании руководящего состава 3-й гвардейской танковой армии.— Необходим еще один прыжок на пути к полной победе. Нам выпала большая честь одними из первых ворваться в пределы этой страны. Чем ближе к заветной цели, тем ожесточеннее будет борьба. Задача эта нам по плечу... Не ввязывайтесь в мелкие стычки, обходите узлы сопротивления, не задерживайтесь в городах, выходите на оперативные просторы, не оглядывайтесь по сторонам... Танковые войска — это стальная стрела, которая должна успешно проникнуть в глубь Германии.

В этом — еще одна особенность полководческого почерка маршала Конева. Совершив прорыв даже на сравнительно узком участке фронта, он смело вводил в него танковые войска с заданием стремительно двигаться вперед.

Командовавший в годы войны и армией и фронтом генерал армии И. Е. Петров подчеркивал: «Со стороны можно подумать, что наш маршал, как азартный игрок, вгорячах бросает на стол все свои козыри. А вдруг неприятель контрударом залатает прорыв и танки окажутся, как изволят выражаться наши противники, в мешке. Так это, может быть, и выглядит, если смотреть со стороны. Но мы-то... штабники, видим кулисы, мы знаем, что происходит за сценой до того, как поднимается занавес. Тут Иван Степанович работает как бухгалтер. Умело и точно все подсчитывает. Все как есть. И возможности транспорта и снабжения, учитывает даже характер своих командиров и командиров противника. Только когда все рассчитано, расставлено, подвезено, тогда и отдается приказ о наступлении... И заметьте, что ни на 2-м, ни на 1-м Украинском фронте он при таких рискованных маневрах ни разу не засадил в окружение ни одного корпуса, ни одной дивизии».

К этому можно добавить, что Иван Степанович Конев рассматривал танковые рейды в оперативную глубину как самую эффективную форму наступления. Но при этом считал, что рейд только тогда результативен, когда проводится в тесном взаимодействии всех родов войск. И подчеркивал: обязательно авиации. Она должна играть огромную роль и в подавлении опорных точек, и в уничтожении подтягиваемых резервов противника, и, наконец, в сопровождении танковых колонн с воздуха. Без этого прорыв мог стать дорогостоящей авантюрой.

Лучшим подтверждением сказанного служат многие операции, в том числе и Висло-Одерская. Всего два дня потребовалось войскам И. С. Конева, чтобы разгромить не только тактические, но и ближайшие оперативные резервы противника. Вот что пишет о начале наступления войск 1-го Украинского фронта немецкий историк второй мировой войны Курт Типпельскирх: «Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по

Маршал Советского Союза И. С. Конев вручает награду младшему лейтенанту М. С. Герасименко. 1-й Украинский фронт. 1945 г.

категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту... Глубокие вклинения в немецкий фронт были столь многочисленны, что ликвидировать их или хотя бы ограничить оказалось невозможным. Фронт 4-й танковой армии был разорван на части, и уже не оставалось никакой возможности сдержать наступление русских войск».

Наиболее блистательный марш-маневр танковых сил Конев осуществил в последний день войны в операции против мощной, более чем миллионной группировки фельдмаршала Шернера, войска которого не сложили оружие после официальной капитуляции. Все дивизии Шернера, находившиеся на территории Чехословакии, начали форсированное движение на Прагу с целью продолжить всеми средствами борьбу с Красной Армией. Но этому помешали танковые армии Рыбалко и Лелюшенко. Совершив марш-маневр из разных пунктов, они догнали дивизии Шернера на дорогах в чешских Рудных горах и, с ходу атаковав их с тыла, стремительно овладели горными перевалами, вышли на тылы и коммуникации основных сил группы армий «Центр», достигли Праги с двух направлений и как бы прикрыли ее стальным кольцом.

Но все это будет впереди. А второго апреля 1945 года в Ставке рассматривался стратегический замысел Берлинской операции, в соответствии с которым задача разгрома берлинской группиров-

ки противника возлагалась на войска 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом и авиацией дальнего действия. Окончательным сроком начала операции было установлено 16 апреля.

Как отмечает Г. К. Жуков, Верховный Главнокомандующий не согласился с одним — разграничительной линией между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, обозначенной на карте Генштаба. Тут он указал маршалу Коневу:

— В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произойдет, и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин.

На Берлинском направлении, как это было впоследствии установлено, у противника находилось около миллиона человек, более 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов, а в самом Берлине спешно формировался двухсоттысячный гарнизон.

— Приходилось ли кому-нибудь из военачальников этой или другой войны решать более сложную задачу, чем которую предстоит сейчас решать Маршалам Советского Союза Жукову и Коневу в этом сражении, втянувшем в себя несколько миллионов солдат, десятки тысяч орудий, танков, самолетов? — задавался вопросом в своих фронтовых записях Борис Полевой.— А между тем лицо Конева спокойно. Я бы даже сказал, обыденно. И вот опять из-за канала послана очередь, где-то у самых ног маршала цвикнула пуля и, взвизгнув, отрикошетила, или, как говорят солдаты, ушла за молоком. Он только посмотрел в ее сторону и продолжал по телефону отдавать приказ, связанный с боями в Потсдаме...

Ведя ожесточенные бои с противником, войска двух фронтов соединились юго-восточнее Берлина, отсекли от города главные силы 9-й и часть сил 4-й танковой армии фашистов. 25 апреля завершилось окружение собственно берлинской группировки войск. А на следующий день «Правда» писала: «Берлин окружен советскими войсками. Эта весть молнией облетит весь земной шар, вызовет новую волну восхищения доблестью и искусством Красной Армии, породит в сердцах советских людей чувство еще большей благодарности своей армии-освободительнице. Раздавшийся вчера в Москве радостный салют явился торжественным отзвуком грохота тысяч советских орудий, разящих врага вокруг Берлина и на улицах германской столицы. Берлинская операция вызывает изумление современников, она будет привлекать самое пристальное внимание историков. Красная Армия на протяжении последних лет поражает мир невиданными еще по размаху и эффекту военными операциями. Поход к Берлину венчает золотой список побед советского оружия... Окружение Берлина решает судьбу обороняю-

щей его группировки. Берлинский гарнизон обречен, никакая сила не сможет пробить кольцо советских войск. Окружение Берлина наносит германской армии страшный удар не только военного, но морального и политического значения. Этим ударом Германия разрезается на куски. Советские войска схватили фашистскую Германию за горло».

1 мая И. С. Конев получил директиву Ставки. Войскам фронта, который он возглавлял, предписывалось завершить ликвидацию окруженной вражеской группировки южнее Берлина и передать занимаемую полосу войскам 1-го Белорусского фронта, во взаимодействии со 2-м и 4-м Украинскими фронтами приступить к разгрому девятисоттысячной группировки немецко-фашистских войск в Чехословакии. А 2 мая в Берлине раздался телефонный звонок из Москвы. Верховный Главнокомандующий сообщил об утверждении плана операции по освобождению Праги.

— Готов? — спросил Верховный.

— Готов! — ответил Конев.

— Ну с богом, начинай!..

«Памятное напутствие,— вспоминал И. С. Конев.— С богом, так с богом! Хоть с чертом, лишь бы освободить Прагу и поставить точку на освобождении Европы от фашизма. ...Придется действовать осмотрительно, чтобы спасти от разрушения древнюю Прагу. Поэтому город не бомбить. Ни в коем случае...»

Салют в честь освобождения Праги стал предпоследним салютом войны на Западе. Последний военный салют — салют Победы, данный из тысячи орудий, прозвучал в Москве через несколько часов.

Подписанный 8 мая 1945 года в Берлине акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии положил конец второй мировой войне в Европе. Это была священная народная война «не ради славы, ради жизни на земле». С первого до последнего ее дня шел в строю и Иван Степанович Конев.

Особенно радостным для него стал день 24 июня 1945 года, когда состоялся Парад Победы в Москве.

— Именно тогда я впервые почувствовал по-настоящему праздник,— отметит Иван Степанович спустя годы.

В мае 1945 года на встрече командования 1-го Украинского фронта с группой американских генералов и офицеров произошел интересный эпизод. Корреспондентка одной из американских газет привезла только что вышедший в свет красочно оформленный номер военного журнала американских вооруженных сил. В нем целую страницу занимал дружеский шарж, созданный на основе известной васнецовской картины «Три богатыря». Богатыри, как им и полагается, сидели на своих мохнатых богатырских конях. У них, правда, были сегодняшние знакомые черты. В Илье Муромце, сидевшем в центре, легко узнавался Георгий Константинович Жуков, в Добрыне Никитиче — Иван Степанович Конев, а в

Алеше Поповиче — Константин Константинович Рокоссовский — прославленные советские маршалы. В подписи значилось: «Русские богатыри». В ней выражалось прежде всего признание полководческого искусства выдающихся советских военачальников, их глубокая связь с народом, который одержал победу в жестокой борьбе с фашизмом, принес освобождение многим странам мира.

...Прошли десятилетия. В 1965 году заслуженному полководцу подрастающая юность присвоила новое звание — «Комсомольский маршал». Для молодежи он снова стал старшим по званию. Миллионы юношей и девушек нашей страны начали под командованием маршала Конева замечательный поход поколений по местам боевой и трудовой славы советского народа. Эстафетой подвига назвал его Иван Степанович. «Глядя в глаза юности, мы и сами молодеем»,— любил повторять он. И нередко добавлял:

— Нас, военных людей, военачальников, иногда представляют уж слишком однобоко. С одной стороны, как огрубевших в годы суровой службы солдат. С другой — как людей сугубо профессиональных. То есть мало что знающих, кроме своей военной профессии. Я считаю это глубоким заблуждением. При всем том, что мы разного происхождения, кто из рабочих, кто из крестьян, все мы, пришедшие в Красную Армию с Великим Октябрем, одухотворены революцией. И это выше всех различий. Идеи Маркса, идеи Ленина вошли в плоть и кровь каждого из нас. И ленинский призыв учиться, учиться и учиться стал для нас законом жизни.

Ивану Степановичу Коневу часто писали по разным вопросам разные люди. Одним он помогал в трудоустройстве, другим — в определении своего места в жизни, третьим — в поиске истины. Как-то летом 1963 года, когда Конев отдыхал в Крыму, в гости к нему пришли артековцы. Ребята много говорили о своих делах, делились с маршалом своими мыслями и заботами.

— А что вы, Иван Степанович, любите больше всего? — спросили они в конце беседы.

— Больше всего, ребята, люблю трудиться. Каждую хорошую работу люблю. В детстве — столярничать, затем — пилить лес, потом — работать с людьми, познавать труд военного человека. В конце концов, по-моему, не так важно, что делает человек, кто он по профессии, чем он занимается, а как он делает свое дело... Терпение, способность, физическую силу — все можно выработать в себе, если по-настоящему захотеть, если не давать себе поблажек. Бесцельно прожитые годы, дни, часы и минуты никому никогда не восстановить...

Так выражал свою главную мысль, свою жизненную позицию Иван Степанович. По рассказам очевидцев, он постоянно учился, возил с собой целую библиотеку. Увлекался чтением Ливия, а также наших классиков. Он мог свободно приводить в разговоре примеры из Гоголя, Пушкина, Льва Толстого, Фрунзе, Клаузевица. Любил цитировать Маяковского, Твардовского, Багрицкого, Свет-

Маршал Советского Союза И. С. Конев на учениях. Слева — рядовой Я. И. Папка, в центре — рядовой Н. М. Голот

лова. Часто размышлял о духовном мире Кутузова, Багратиона, Дениса Давыдова. Довольно легко читал по-английски. Его любимое произведение — «Песня о Буревестнике» А. М. Горького, а любимые стихотворные строки — «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой».

Боевые друзья маршала вспоминают и такой пример, который ярко характеризует отношение Ивана Степановича к литературе, искусству вообще. В первые послевоенные дни Коневу сообщили, что в штольнях каменоломни на Эльбе обнаружены сокровища Дрезденской галереи.

Через час командующий стоял уже в каменном распадке, где находились картины. Ему доложили, что в общем-то шедевры целы, но близкие разрывы бомб, сброшенных англо-американской авиацией, раскачали камни, своды пещеры. В помещение затекла вода, полотна отсырели, покрылись плесенью.

— Надо сейчас же все эвакуировать в сухие помещения,— сказал маршал и распорядился отвести для этого летний дворец Саксонских королей, оказавшийся совершенно целым.

Участвовавший в этой поездке Б. Н. Полевой так описывал данный эпизод. По просьбе Ивана Степановича лучшие реставраторы-художники, срочно прилетевшие из Москвы, Ленинграда и Киева, восстанавливали картины. Любуясь «Сикстинской мадонной», которая как бы шагала по облакам в голубом сиянии небес,

прижимая к груди очаровательного малыша, маршал пришел к неожиданному решению:

— Знаете что, отберите десять наиболее ценных полотен, я отправлю их в Москву для немедленной реставрации. Самолетом.

— «Сикстинскую мадонну» самолетом? — удивилась искусствовед Наталья Соколова.— А если самолет упадет?

— Это отличный самолет. Мой самолет. Опытнейший экипаж... Я сам на этом самолете летаю.

— Но вы же маршал, а она мадонна,— совершенно искренне произнесла Соколова.

Маршал рассмеялся:

— Что верно, то верно. Разница кое-какая есть...

Чуть позже Иван Степанович заметит:

— А ведь что там ни говори, вовремя мы освободили «Сикстинскую мадонну» Рафаэля, «Спящую Венеру» Джорджоне, картины Тициана, Рубенса, Рембрандта, Ван Дейка и других мастеров живописи.

— Это точно, товарищ маршал,— подтвердил офицер из трофейного управления фронта.— Такого трофея у союзников нет. Это будет, как мне представляется, достойной компенсацией за музеи советских городов, которые гитлеровцы разрушили, разграбили, сожгли.

— Вы так полагаете? — Конев обернулся и сурово посмотрел на произнесшего эти слова офицера.— А я вот думаю, вряд ли на это пойдет Советское правительство.

— Но ведь немцы сколько всего награбили.

— Мы не гитлеровцы.

— Но позвольте, товарищ маршал, а Наполеон? Лувр простотаки трещит от его трофеев. Он ведь тащил с собой сокровища Московского Кремля. А сколько награбили англичане для своего Британского музея!

— Вот именно награбили, нагребли, накрали. Мы советские воины, а не Наполеон и не английские империалисты,— раздельно, будто диктуя, говорил маршал.— Понятно это вам, товарищ подполковник?

— Так точно, товарищ маршал. Вы, конечно, правы,— спешит ретироваться ученый спутник (но отступал он, подчеркивает Б. Н. Полевой, без всякого энтузиазма).

— Конечно, казалось бы, справедливо все это забрать,— как бы думая вслух, произносит Иван Степанович.— Но ведь все это принадлежало не Гитлеру, а немецкому народу. Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается. Немецкий народ вечен...

И сегодня, зная решение Советского правительства о возвращении Дрезденской галереи, мы невольно думаем: как же правильно рассуждал этот дальновидный человек!..

3 Зак. 1521. Кучеров

Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и И. С. Конев среди артиллеристов

Как-то после одного из комсомольских походов, в котором участвовал Иван Степанович, к нему в гости приехал Б. Н. Полевой.

— Я ожидал увидеть усталого человека,— рассказывал он.— Шутка ли в такие годы отгрохать на вездеходе по бездорожью сотни две километров, участвовать в разборах, целыми днями иметь дело с шумной, любопытной, задиристой публикой! Ничуть не бывало. Я увидел перед собой загорелого, бодрого человека с молодым блеском в глазах.

Иван Степанович рассказывал увлеченно, приводил интересные факты о том, как ребята относятся к ответственному поручению, а затем после небольшой паузы добавил:

— Вот кое-кто ворчит — молодежь, молодежь. Такая-то она и эдакая-то. Не в нас, мол, растет, не то у нее на уме. Старшее поколение, что там греха таить, любит поворчать. Мы-де другими в эти годы были, не то что наши сыновья да внуки. Чепуха! Мы, солдаты гражданской и Великой Отечественной войн, с гордостью можем сказать, что смена у нас растет замечательная и что есть у нас кому передавать дела... Ей есть, что защищать, есть, что свято хранить, есть, во имя чего бороться! Мы уверены, что советская молодежь, юные ленинцы всегда будут верны славе своих отцов, матерей, старших братьев и сестер.

Высокие партийные и деловые качества, беспримерное мужество и героизм в борьбе с врагами нашей Родины, теплота и чуткость к людям снискали Ивану Степановичу Коневу любовь и уважение советского народа и воинов Вооруженных Сил. Память о талантливом полководце, общественном и государственном деятеле живет в названиях улиц Москвы и Ленинграда, Львова

и Вологды, гиганта теплохода, бороздящего воды Черного моря. Имени маршала И. С. Конева удостоено одно из старейших военных училищ — Алма-Атинское высшее общевойсковое командное. На его родине, в деревне Лодейно, воздвигнут бронзовый бюст и открыт мемориальный музей.

В Москве на доме по улице Грановского, где жил маршал, и во Львове на здании штаба Краснознаменного Прикарпатского военного округа, которым он командовал, установлены мемориальные доски.

И. С. Конев страстно стремился поделиться с подрастающим поколением своим богатейшим боевым и жизненным опытом. В помещении Центрального Комитета ВЛКСМ у него был свой постоянный кабинет. Из-под его пера вышло немало работ. Центральное место среди них занимают книги «Записки командующего фронтом» и «Сорок пятый». Само его имя, овеянное боевой славой, служило и служит делу военно-патриотического воспитания советских юношей и девушек.

Выдающиеся заслуги И. С. Конева высоко оценены Советским государством. Он дважды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, двумя орденами Кутузова I степени, орденом Красной Звезды, высшим советским военным орденом «Победа», Почетным оружием. И. С. Конев удостоен также звания Героя ЧССР и МНР, награжден многими орденами и медалями ряда социалистических стран и других государств.

Вступив в двадцать лет в партию большевиков, свято выполняя заветы В. И. Ленина, он прожил жизнь борца, патриота и интернационалиста.

СЧАСТЬЕ СОЛДАТА

Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский (1896—1968)

Исконный русский город Великие Луки. Вот уже более восьмисот лет стражем стоит он на берегу реки Ловать. Сколько непрошеных гостей ломали свои копья о щиты защитников родных очагов, а значит и всей земли русской. Не счесть памятников ратной славы на великолукской земле. Свято чтут их стар и млад. Но одним из памятников гордятся особо. Это бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза Константина Константиновича Рокоссовского, установленный в городе.

Великие Луки — город раннего детства прославленного полководца. А отроческие годы Константина Константиновича прошли в Варшаве, куда по службе перевели его отца — железнодорожного машиниста.

Трудными были эти годы. Рано пристрастившийся к чтению, тянущийся к знаниям подросток не мог получить законченного образования. Погиб в железнодорожной катастрофе отец. Не вынесла тяжелой утраты и вскоре скончалась мать. Четырнадцатилетнему Константину пришлось самому думать, как жить дальше, как заработать хотя бы на кусок хлеба. Он становится

чернорабочим на той же чулочной фабрике, где работала и его мать. Высокий, мускулистый, с симпатичным открытым лицом, он сразу пришелся по душе товарищам по работе.

Весной 1912 года волна забастовок докатилась до Варшавы. 1 мая прекратили работу трикотажники фабрики. Вместе с другими рабочими вышли они на улицы с Красным знаменем. В рядах демонстрантов находился и Константин Рокоссовский. Два месяца, которые он затем провел в тюрьме Павиак, оказали большое влияние на его судьбу. Здесь он познакомился с большевиками, впервые услышал имя Ленина.

В 1914 году Рокоссовский зачисляется в 5-й Каргопольский драгунский полк. Три года окопной жизни многому его научили. Он видел, какая непреодолимая пропасть лежала между офицерами и солдатами, понимал, что с угнетением человека человеком нужно настойчиво бороться. Поэтому в 1917 году он связывает свою судьбу с большевиками. Товарищи по эскадрону, полку тянулись к лихому драгуну, прислушивались к советам молодого конника. А он, хотя и не был еще большевиком (в партию К. К. Рокоссовский вступил в 1919 году), при каждом удобном случае говорил: «Простому трудовому народу одна дорога — ленинская».

Вот за эту убежденность, прямоту и честность и избрали Константина Константиновича помощником командира Каргопольского красногвардейского кавалерийского отряда. Да, было такое время, когда командира избирали на собраниях и митингах. Но от этого ответственность его не снижалась, а возрастала вдвойне: он отвечал за боевую готовность подразделения перед партией, старшими начальниками и своими боевыми побратимами. Требуя от бойцов соблюдения строгой революционной дисциплины и порядка, Рокоссовский личным примером показывал, как нужно служить молодой Республике Советов, как защищать ее от врагов в смертельном бою.

...Район реки Ишим. Отдельному кавалерийскому дивизиону приказано выбить крупные силы белогвардейцев из села Вакоринское.

— Только внезапность, решительность, дерзость помогут нам выполнить эту задачу,— говорит Рокоссовский красным кавалеристам.

— Не дадим белякам опомниться, единым махом из села вышибем,— заверяли командира бойцы.

И не только вышибли, но и разгромили наголову, захватили у врага артиллерийскую батарею. Эта была большая по тем временам победа.

Памятно было для Рокоссовского 7 ноября 1919 года — вторая годовщина Великого Октября. Этот день он встретил в бою. Отдельный кавалерийский дивизион под его командованием ворвался в станицу Караульную. Здесь размещался штаб Омской группы колчаковцев во главе с генералом Воскресенским. В

яростной схватке, всего на какую-то долю секунды упредив выстрел в него колчаковского генерала, Рокоссовский наносит ему смертельный удар. Но в этом бою пуля достает и его.

Недолго пролежал он в госпитале. Не долечившись до конца, снова в родной части. И опять бои, бои. Один за другим освобождаются сибирские города. Военный талант Рокоссовского замечен, его назначают командиром 35-го кавалерийского полка. В составе войск Красной Армии этот полк участвует в разгроме банд барона Унгерна.

В 1924 году молодой командир поступает в Высшую кавалерийскую школу, ставшую затем Кавалерийскими курсами усовершенствования командного состава (ККУКС). Вместе с Рокоссовским учились здесь и другие будущие видные советские военачальники. «Особую симпатию в группе вызывал к себе элегантный и чрезвычайно корректный Константин Константинович Рокоссовский. Стройная осанка, красивая внешность, благородный, отзывчивый характер и великолепная спортивная закалка, без которой кавалерист — не кавалерист,— все это притягивало к нему сердца товарищей. Среди нас, заядлых кавалеристов, он заслуженно считался самым опытным конником и тонким знатоком тактики конницы» — вот так характеризовал своего боевого товарища Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, который в то время в одних аудиториях с Рокоссовским овладевал теорией военного искусства.

Позднее Рокоссовский учится в Москве на Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава, где значительно углубляет свои знания в области тактики и оперативного искусства, знакомится с образцами новой техники и вооружения, которые в то время начали поступать в части и соединения Красной Армии.

Командуя в те годы 5-й отдельной Кубанской кавбригадой, которой пришлось принять участие в боевых операциях на КВЖД, а затем в Белорусском военном округе 7-й Самарской имени английского пролетариата кавалерийской дивизией, Рокоссовский развивает в себе оперативное мышление, творческую самостоятельность, умение работать с людьми.

Г. К. Жуков так отзывался о нем: «Рокоссовский был очень хорошим начальником. Блестяще знал военное дело, четко ставил задачи, умно и тактично проверял исполнение своих приказов. К подчиненным проявлял постоянное внимание и, пожалуй, как никто другой умел оценить и развить инициативу подчиненных ему командиров. Много давал другим и умел вместе с тем учиться у них. Я уже не говорю о его редких душевных качествах — они известны всем, кто хоть немного служил под его командованием».

В начале 1936 года комдив Рокоссовский назначается командиром 5-го кавалерийского корпуса. Горячее это было время — предвоенные пятилетки. Набирая темпы, мужала страна, мужала

и армия. Все более механизированным становился труд рабочего, колхозника. Широким потоком шла новая техника и в войска. Склонный к анализу, обобщениям, Константин Константинович размышлял о роли подвижных соединений в будущей войне. Преданный всей душой коннице, он видел, что не она, а танки, моторизованные войска будут решать теперь судьбу наступательных операций.

— Конницу рано, конечно, списывать со счета,— говорил он,— но опыт военных действий в Западной Европе показывает, как важны для достижения победы танки, артиллерия на мехтяге, пехота, посаженная на машины.

И когда генералу Рокоссовскому предложили принять командование 9-м механизированным корпусом, он с радостью согласился. Комкор думал теперь об одном: как можно быстрее привести соединение в боевую готовность. Ведь людей, прибывших на укомплектование, приходилось обучать начиная с азов.

А время не ждало. Фашистская Германия, упоенная своими успехами на Западе, уже проводила операции на Балканах. Война подступала к границам СССР.

Рокоссовский трудился, не щадя сил, особое внимание уделяя подготовке командиров и штабов. Командно-штабные учения, военные игры проводились с учетом обстановки, которая может возникнуть в начале войны. Но люди есть люди. Им нужен отдых, чтобы снять напряжение, набраться новых сил для завтрашнего штурма новых рубежей боевой готовности.

Сам командир корпуса любил в свободное время посидеть на бережке с удочкой, отвлечься от повседневных забот. Как хорошо думалось в эти часы! Вот и 21 июня 1941 года, подведя итоги очередного командно-штабного учения, он, обращаясь к командирам дивизий, предложил:

— А не организовать ли нам завтра рыбалку?

— Да, сейчас на Случе благодать,— согласились комдивы.

Так и решили: раненько утречком — на реку. Только не сбылись эти мирные планы.

Не успели разойтись командиры и штабные работники, позвонили от пограничников: перебежчик-ефрейтор утверждает, что утром немцы нападут на нашу страну.

Без указаний штаба Киевского Особого военного округа комкор не мог объявить боевую тревогу. «Нужно все держать наготове»,— решил Рокоссовский. И, доведя до командиров и штабов свое решение, направился домой хотя бы немного отдохнуть. В садах и парках Новоград-Волынского веселилась молодежь. Сколько счастья, спокойствия было в льющейся с открытых эстрад музыке, в задорном смехе юношей и девушек.

«Неужели через несколько часов фашисты посмеют посягнуть на все это? — думал Константин Константинович.— Неужели?..»

А в это время начинал воплощаться в жизнь зловещий план внезапного нападения на СССР (план «Барбаросса»). Уже стояли наготове вблизи нашей границы танковые армады, уже были подвешены бомбы к самолетам с желтыми крестами на крыльях.

...Около четырех часов утра 22 июня дежурный по штабу корпуса прибыл на квартиру Рокоссовского.

— Товарищ генерал! Получена срочная телефонограмма из штаба 5-й армии.

Рокоссовский, еще не ознакомившись с текстом телефонограммы, понял: война! Через считанные минуты генерал находился уже в помещении штаба. Нужно было немедленно вскрыть секретный пакет. А сделать это можно только по распоряжению Председателя Совета Народных Комиссаров СССР или народного комиссара обороны СССР. Телефонограмма же была подписана заместителем начальника оперативного отдела штаба армии.

«Как же поступить в этом случае?» — возник вопрос у комкора. Решил посоветоваться с Луцком (штаб армии), Киевом (штаб округа), Москвой. Но связи не было: все линии оказались поврежденными.

Вот тут-то и проявилось умение генерал-майора К. К. Рокоссовского мыслить высшими категориями. Не страшась ответственности, он вскрыл пакет. Изучив его содержание, спокойно, как всегда отдавал распоряжения на учениях и в обыденной обстановке, приказал:

— Объявить боевую тревогу. Командиров дивизий вызвать ко мне.

Через несколько часов соединения корпуса уже были в движении. Шли на запад, к границе. Не имея связи со штабами армии и округа, не зная, что происходит справа и слева, комкор Рокоссовский действовал так, как подсказывал его командирский опыт. Когда появилась связь, получил приказ нанести совместно с другими соединениями контрудар в направлении на Дубно. Личный состав корпуса сражался мужественно, героически. Под натиском превосходящих сил врага приходилось держать подвижную оборону, вести упорные бои за каждый населенный пункт, высоту, переправу.

В тех лесистых, болотистых местах гитлеровцы продвигались только по большим дорогам. Знал это Рокоссовский! Поставив орудия, часть танков в кюветах, на возвышенностях у шоссе, а некоторые — прямо на дороге, приказал пехоте окопаться, остальным танкистам тщательно замаскироваться на лесных опушках и в оврагах. Расчет оказался правильным. Не ожидая засады, противник в открытую двигался по шоссе. Артиллеристы подпустили фашистов на дистанцию прямого выстрела и открыли по ним огонь. На дороге образовалась чудовищная каша — обломки мотоциклов и бронемашин, тела убитых.

В ходе боев под Новоград-Волынским К. К. Рокоссовский

был отозван в Москву. Здесь Константина Константиновича ознакомили с обстановкой, сложившейся на Западном фронте: шли ожесточенные бои в районе Смоленска, под Ярцевом выброшен крупный воздушный десант противника.

Чтобы прикрыть это направление и не допустить продвижения немецко-фашистских войск в сторону Вязьмы, наше командование решило создать сильную подвижную группу. Командовать ею и было поручено К. К. Рокоссовскому.

Но обещанные дивизии еще не подошли, и, используя предоставленное ему Ставкой право подчинять себе все, что встретит по дороге от Москвы до Ярцева, Рокоссовский объединяет разрозненные части, буквально на ходу формирует штаб и не только организует стойкую оборону, а и наступает. Отвоевывает у противника Ярцево.

У каждого, кто сталкивался с ним в те дни, сразу же складывалось твердое убеждение: спокойствие и уверенность командира армейской группы опираются на трезвый расчет и сознание своих сил. Подобное поведение Рокоссовского перед лицом очевидной и несомненной опасности немедленно передавалось подчиненным. Вот один из таких примеров.

В первые дни сражений под Ярцевом наблюдательный пункт Рокоссовского находился близко к линии фронта. Вместе с генералом И. П. Камерой Константин Константинович отправился к расположению пехоты. В это время из-за высоты появились солдаты противника и за ними танки. Советские пехотинцы, а затем и гаубичная батарея открыли огонь по врагу. Бой складывался в нашу пользу. Но вдруг над полем появились «юнкерсы». Они стали пикировать на окопы наших солдат. И советские бойцы не выдержали и побежали... Генералы стояли и наблюдали за боем. Послышались голоса:

— Стой! Куда бежишь? Назад!

— Генералы стоят... Назад!

Вид спокойно стоящих генералов производил сильное впечатление. Паника прекратилась.

Никогда не переставал Рокоссовский заниматься вопросами боевой подготовки войск. Будучи противником шаблона, он, не задумываясь, нарушал его, если это помогало делу. Так, он пришел к выводу, что ячеечная система размещения, при которой каждый солдат сидит в своем окопе, мешает правильно строить оборону. И в сентябре 1941 года, будучи уже командующим 16-й армией, он отменяет предусмотренную уставом ячеечную систему и заставляет рыть траншеи. «Я, старый солдат,— писал Рокоссовский,— участвовавший во многих боях, ...и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а я остался один. Уж если ощущение тревоги не покидало

меня, то каким же оно было у человека, который, может быть, впервые в бою!..»

В те дни армия Рокоссовского стала грозной силой для врага. Она перехватила основную магистраль Смоленск — Вязьма и стойко сражалась с фашистами. О ее боевых делах заговорила Москва: 16-я нередко упоминалась в сводках Совинформбюро.

— Это хорошо,— делился командарм своими мыслями с членом Военного совета армии А. А. Лобачевым,— что о нас много пишут и говорят. Но об этом должен знать каждый боец, ведь признание народа прибавляет силы, зовет на новые подвиги.

...Уже два дня длился бой с врагом, пытающимся прорвать нашу оборону на Ярцевском направлении. В нужный момент на решающем участке командующий 16-й армией ввел в бой «катюши». Первые же залпы батареи накрыли наступающую немецкую пехоту с танками.

— Вот это эффект! — приговаривал Константин Константинович, стоя на бруствере окопа и наблюдая, как бегут враги.

— Да они и на соседнем участке побежали! — воскликнул кто-то из стоящих рядом с командармом штабных командиров, протягивая ему бинокль.

14 октября, когда битва под Москвой уже разрасталась, Рокоссовский принял Волоколамский участок обороны, а через два дня враг нанес по частям 16-й армии удар огромной силы. Пришелся он по левому флангу, по позициям 316-й стрелковой дивизии генерала И. В. Панфилова.

Бойцы Рокоссовского, верные воинскому долгу, оказывали упорное сопротивление врагу и били его беспощадно. В «Правде» в те дни сообщалось о подвиге танкового экипажа младшего политрука Бармина. Он участвовал в трех танковых атаках, зажег и вывел из строя немало вражеских машин.

Героический экипаж дал клятву: удержать свой участок, хотя бы это ему стоило жизни. Гитлеровцы бросили против Бармина 40 танков. Под метким огнем 5 фашистских машин запылали, остальные в замешательстве остановились и повернули обратно.

В середине ноября враг после оперативной паузы вновь перешел в наступление по всему Западному фронту от Калинина до Тулы. Фашистам казалось, что теперь-то уже никакая сила не остановит их. Но такая сила нашлась. В ходе этих боев 16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково совершили свой всемирно известный подвиг панфиловцы.

Их было 28, и возглавлял группу политрук Василий Клочков. С утра вражеская авиация обрушила на позицию наших воинов бомбовый удар. Затем в атаку двинулись фашистские автоматчики. Панфиловцы отбили их атаку. Тогда противник бросил в бой 20 танков и новую группу автоматчиков.

— Не так уж страшно,— сказал Клочков,— меньше чем по танку на человека.

Командующий 16-й армией генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский и член Военного совета армии А. А. Лобачев в дни контрнаступления под Москвой

Гранатами и бутылками с горючей смесью, огнем противотанковых ружей наши бойцы подбили 14 танков. Остальные повернули назад. Но вскоре противник возобновил атаку. В этот раз 30 бронированных машин ринулись на окопы панфиловцев. И тогда политрук произнес:

— Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!

Тяжело раненный он со связкой гранат бросился под вражеский танк и мужеством своим, силой своей ненависти к врагу заставил остановиться стальную громадину.

Четыре часа длилась ожесточенная неравная схватка. 18 танков, сотни солдат потерял противник на этом рубеже. Советские воины, показав легендарную стойкость, преградили врагу путь к Москве. Немалые потери понесли и панфиловцы: почти все они пали здесь смертью храбрых. Все 28 участников боя были удостоены звания Героя Советского Союза.

А фашистские войска рвались к Москве. Смертельная угроза, нависшая над столицей, еще не миновала. В то же время Рокоссовский, как и многие бойцы и командиры, понимал, что враг выдыхается. В последние дни ноября и в начале декабря 1941 года он еще предпринимал активные действия, пытался выиграть время, закрепиться и во что бы то ни стало удержаться на рубежах вблизи Москвы. Но этому не суждено было сбыться. Наши войска перешли в контрнаступление.

8 декабря в результате ожесточенного боя, доходившего до ру-

копашных схваток, 16-я армия сломила сопротивление противника в районе Крюкова. Фашисты побежали на запад, бросая оружие и технику.

Главный удар командарм-16 наносил на Истринском направлении. Для обхода водохранилища с севера и юга он подготовил две группы подвижных войск.

Гитлеровцы подорвали дамбу Истринского водохранилища, лед треснул, осел. Хлынувшая вода образовала мощный поток, непреодолимый для наступающих. Вот тут и сыграли свою роль подвижные группы. Ударами с севера и юга во взаимодействии с натиском войск, наступавших с востока, они вынудили врага к отступлению.

Рокоссовский обладал прекрасными организаторскими способностями. Это сразу почувствовали солдаты и генералы Брянского фронта, командующим которым он был назначен в июле 1942 года. Генерал армии П. И. Батов в книге «В походах и боях», вспоминая о тех днях, писал, что генералы и офицеры управления фронта считали службу с Константином Константиновичем большой школой. Рокоссовский не любил одиночества, стремился быть ближе к деятельности своего штаба. Чаще всего его видели у операторов или в рабочей комнате начальника штаба. Придет, расспросит, над чем товарищи работают, какие встречаются трудности, поможет советом, предложит обдумать то или другое предложение. Все это создавало удивительно добрую рабочую атмосферу, когда не чувствовалось ни скованности, ни опасения высказать свое суждение.

Одной из прекрасных черт командующего было то, что он не только умел ценить полезную инициативу подчиненных, но и вызывал ее своей неутомимой энергией, требовательным и человечным обхождением с людьми. К этому нужно прибавить личное обаяние человека широких военных познаний и большой души. Преждевременные морщины на молодом лице и седина на висках говорили, что перенес он в жизни немало. Речь немногословна, движения сдержанные, но решительные. Предельно четок в формулировке боевых задач для подчиненных. Внимателен, общителен и прост. Вместе с тем это был сильный, волевой человек, требовательный и суровый в сложной обстановке, умеющий приказать и добиться безоговорочного выполнения приказа. Его решительность и твердость проявлялись и тогда, когда приходилось перед Ставкой отстаивать свое мнение.

...19 ноября 1942 года началось историческое контрнаступление советских войск под Сталинградом, в результате которого были окружены отборные немецкие войска.

Донской фронт под командованием Рокоссовского должен был уничтожить окруженного противника. О настроениях и чувствах, с которыми он начинал свою работу под Сталинградом, можно судить по письму жене и дочери (о том, что они живы и здоровы,

К. К. Рокоссовский в окопах под Сталинградом

он узнал, находясь весной в госпитале после ранения). В нем Константин Константинович выражал твердую уверенность, что недалеко то время, когда фашисты будут уничтожены, что противник будет бит так же, как били его при Александре Невском, под Грюнвальдом и еще много кое-где.

План разгрома окруженной вражеской группировки был прост и ясен: нанести мощный удар с запада на восток, расчленить 6-ю армию Паулюса и уничтожить. Для усиления войск фронта Ставка выделяла только что укомплектованную и полностью готовую к боям 2-ю гвардейскую армию под командованием Малиновского. В ходе дальнейших событий маршал Василевский поставил вопрос о направлении этой армии южнее Сталинграда. Рокоссовский возражал против подобной постановки дел и до конца отстаивал свое мнение в Ставке. План действий, предлагаемый им, был смел, интересен, но рискован. И поэтому Ставка приняла предложение Василевского.

Надо отметить, что войска Рокоссовского не имели «огромного превосходства» над противником в силах и средствах, как это изображают буржуазные историки. Соотношение сил было таким: численность наших войск —212 тысяч, противника —250 тысяч, орудий и минометов соответственно 6860 и 4130, танков — 257 и 300, боевых самолетов 300 и 100. Таким образом, распола-

Командующий Центральным фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский вручает медаль «За оборону Сталинграда» генерал-лейтенанту авиации С. И. Руденко, 1943 г.

гая превосходством в орудиях и самолетах, войска Рокоссовского численно уступали врагу в людях и танках.

Гитлеровцы еще надеялись вырваться из смертельного мешка. Они даже отклонили предъявленный им ультиматум о сдаче. Рокоссовскому оставалось только одно — применить силу. Атака началась. Казалось, ничто живое не могло остаться в окопах противника, но уцелевшие вражеские солдаты упорно сопротивлялись. Каждый день, каждый час приближали неминуемый конец окруженных. Наконец 26 января 1943 года у Мамаева кургана встретились войска 21-й армии и защитники города — чуйковцы. 6-я армия вермахта агонизировала. И когда 27 января войска Рокоссовского приступили к уничтожению расчлененных вражеских группировок, немецкие солдаты начали группами сдаваться в плен.

Количество пленных составило свыше 90 тысяч солдат и офицеров, в их числе были 24 генерала. Великая битва на Волге закончилась.

После разгрома противника Донской фронт переименовывается в Центральный и его соединения срочно перебрасываются в район Ельца.

Еще ранней весной 1943 года командующий Центральным фронтом в служебной записке на имя Верховного Главнокоман-

Генерал армии К. К. Рокоссовский на оборонительных рубежах инженерно-саперной бригады. 1943 г.

дующего изложил свои мысли об организации обороны Курского выступа, образовавшегося в результате наступления советских войск зимой 1942—1943 годов, высказал некоторые предположения на лето. Наиболее вероятным участком фронта, где противник попытается развернуть свое решающее наступление, писал он, будет Курская дуга. Исходя из своих выводов, одобренных затем Ставкой, Константин Константинович создает на угрожаемом направлении высокие плотности сил и средств. Так, на правом крыле в полосе протяженностью 95 километров он сосредоточивает 58 процентов всех стрелковых дивизий фронта, 70 процентов артиллерии, 87 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок. Здесь же расположились войска второго эшелона и фронтового резерва. И, как показали развернувшиеся затем события, предвидения Рокоссовского оправдались.

Командующий Центральным фронтом в эти дни часто выезжал в войска, с тем чтобы проверить ход возведения оборонительных полос, вникал в замыслы командующих армиями, беседовал с солдатами. Однажды произошла встреча с сержантом Иваном Петровичем Сединым — первым номером станкового пулемета.

— Замер я у пулемета,— рассказывал сержант.— Рокоссовский подошел к нему, взялся за рукоятки. Спрашивает меня:

— Вы первый номер?

— Так точно,— отвечаю.

Посмотрел на меня генерал, улыбнулся и говорит:

— Враг вон с той опушки в атаку пойдет — как стрелять будете?

Показал я командующему стрелковую карточку[1].

Посмотрел он, проверил. Правильно, говорит, составлена. Мелковата только траншея у вас. А в остальном отличная.

В ночь на 5 июля в полосе обороны фронта были захвачены саперы противника. Они показали: наступление немецко-фашистских войск назначено на три часа утра, противник уже занял исходное положение.

Рокоссовский задумался: верить или не верить сообщению «языков». И следовательно — проводить или не проводить заранее намеченную артиллерийскую контрподготовку? Полководческая интуиция подсказала: проводить!

В 2 часа 50 минут гром орудий разорвал предрассветную тишину, царившую над степью, прокатился над позициями обеих сторон в обширной полосе фронта южнее Орла. Противник решил, что советская сторона сама перешла в наступление.

В стане врага наступила растерянность. Немецко-фашистские войска несли потери, лишались первоначальной ударной мощи.

Рокоссовский уверенно, спокойно делал свое дело. Поддерживая тесную связь с Генеральным штабом, информируя его о положении на фронте, штаб командующего не допускал перерывов связи и с армиями.

Позднее, в своих мемуарах Константин Константинович напишет: «Сражение на Курской дуге заставило меня снова задуматься и о месте командующего. Многие большие начальники придерживались взгляда, что плох тот командующий армией или фронтом, который во время боя руководит войсками, находясь большее время на своем командном пункте, в штабе. С таким утверждением нельзя согласиться. По-моему, должно существовать одно правило: место командующего там, откуда ему удобнее и лучше всего управлять войсками.

С самого начала и до конца оборонительного сражения я неотлучно находился на своем КП. И только благодаря этому мне удалось все время чувствовать развитие событий на фронте, ощущать пульс боя и своевременно реагировать на изменения обстановки.

Я считаю, что всякие выезды в войска в такой сложной, быстро меняющейся обстановке могут на какое-то время отвлечь командующего фронтом от общей картины боя, в результате он не сумеет правильно маневрировать силами, а это грозит поражением. Конечно, вовсе не значит, что командующий должен

---

[1] Графический документ (схема) управления огнем.

всегда отсиживаться в штабе. Присутствие командующего в войсках имеет огромное значение. Но все зависит от времени и обстановки».

Со своего КП он контролировал положение.

Выдержав удар гитлеровцев, советские войска перешли в контрнаступление. И ровно через месяц, в первый раз с начала войны, 5 августа 1943 года, в московское небо взметнулись залпы артиллерийского салюта в честь победы под Орлом и Белгородом.

...Приближалось четвертое военное лето. К этому времени от гитлеровских захватчиков была очищена огромная территория. Но еще стонала от фашистов Прибалтика, большая часть Белоруссии, Правобережной Украины и Молдавии.

К проведению операции «Багратион» — одной из крупнейших операций Великой Отечественной войны по освобождению Белоруссии привлекались четыре фронта: 1-й Прибалтийский, 3-й Белорусский, 2-й Белорусский и 1-й Белорусский.

Генерал армии К. К. Рокоссовский — командующий 1-м Белорусским фронтом провел большую подготовительную работу на местности. В результате у него созрело необычное решение: на правом крыле фронта нанести первый удар в направлении на Бобруйск, второй — на Слуцк. На левом крыле наступать на Люблинском направлении.

Рокоссовский понимал, что такое решение было необычным. Ведь испокон веков считалось, что нельзя распылять силы, надо наносить концентрированный удар в одном направлении. Почему же Константин Константинович решил иначе?

А дело в том, что при одном ударе командование фронта не имело возможности сразу ввести в бой крупные силы — не было доступных дорог, местность изобиловала болотами, густо стояли леса. Противник же мог свободно перебросить свои войска в район главного удара.

Замысел же Рокоссовского позволял сразу ввести в сражение крупные силы и тем поставить врага в трудные условия.

Теперь этот замысел нужно было отстоять в Ставке при окончательном обсуждении плана «Багратион».

Соображения Рокоссовского о наступлении войск левого крыла на Люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подверглось критике. Верховный и другие представители Ставки настаивали на том, чтобы нанести один главный удар — с плацдарма на Днепре (район Рогачева). Дважды командующему 1-м Белорусским фронтом предлагалось выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. Рокоссовский после каждого такого «продумывания» с новой силой отстаивал свое решение. Убедившись, что он тверд в своем мнении, Верховный Главнокомандующий утвердил план операции в том виде, как представил его Рокоссовский.

— Настойчивость командующего фронтом,— отметил он,— доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха.

Большой объем подготовительной работы пришлось провести командующему фронтом. Облазив передний край 48-й армии генерала П. Л. Романенко, Константин Константинович убедился, что наступать ей на этом участке будет невозможно. Поэтому он приказал командарму перегруппировать силы на плацдарм 3-й армии у Рогачева и действовать вместе с войсками А. В. Горбатова.

Рокоссовский вместе с представителем Ставки Верховного Главнокомандования Г. К. Жуковым побывали в расположении войск 3-й армии, заслушали доклад командарма Горбатова о том, как планируется наступление. Рокоссовский при этом обнаружил, что решение, выработанное штабом армии, сильно отличалось от данных им указаний. Но, взвесив еще раз доводы Горбатова, командующий фронтом без колебаний утвердил их.

Такой творческий подход к выработке решений, умение чутко относиться к мнению подчиненных — замечательные качества военачальника. И Рокоссовский поступался своим собственным решением в пользу решения подчиненного, если видел, что тот предлагает более правильное, обещающее больший успех.

Наступление войска 1-го Белорусского фронта начали утром 24 июня двухчасовой артиллерийской подготовкой. За пять дней, прорвав оборону врага на 200-километровом фронте, они окружили его бобруйскую группировку и продвинулись в глубину до 110 километров, проходя 22 километра в сутки.

В результате Белорусской операции была разгромлена группа армий «Центр» и нанесено крупное поражение группе армий «Северная Украина», освобождена Белоруссия, большая часть Литвы, значительная часть польских земель к востоку от Вислы. Советские войска форсировали реки Неман, Нарев и подошли к границам Восточной Пруссии. А позднее достигли Вислы и захватили на ее западном берегу обширные плацдармы. Заслуги командующего 1-м Белорусским фронтом были по достоинству оценены. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1944 года К. К. Рокоссовскому было присвоено воинское звание Маршала Советского Союза.

Но впереди были новые бои. Осенью 1944 года уже проглядывалась ясная победная перспектива войны, а 1-й Белорусский фронт стоял на главном направлении, нацеленном на Берлин. Рокоссовский, как командующий, вправе был рассчитывать, что именно его фронту будет поручена почетнейшая задача — штурмом взять логово фашистского зверя — столицу Германии.

Но его надеждам не суждено было сбыться. В середине ноября он был назначен командующим 2-м Белорусским фронтом. Это было настолько неожиданно, что Рокоссовский решил прямо

спросить у Верховного, почему его с главного направления переводят на второстепенный участок.

Получив разъяснение, что он ошибается, что от тесного взаимодействия 1-го и 2-го Белорусских фронтов, а также 1-го Украинского зависит успех предстоящей решающей операции, Рокоссовский выехал к месту нового назначения.

Еще в начале ноября 1944 года при разработке планов осенне-зимней кампании советское Верховное Главнокомандование пришло к убеждению, что для успешного наступления на главном — Берлинском направлении необходимо прежде разгромить восточно-прусскую группировку противника. Именно такой разговор шел в Ставке, куда Рокоссовский был вызван во второй половине ноября.

— Вы должны все время помнить о необходимости тесного взаимодействия с 1-м Белорусским фронтом,— подчеркивал Верховный Главнокомандующий. И красным карандашом вывел на карте, предоставленной ему Рокоссовским, стрелу, нацеленную на фланг противника.— Тем самым вы поможете Жукову, если наступление его войск замедлится.

Основные силы фронта маршал сосредоточил на направлении главного удара — на левом крыле.

При подготовке к предстоящим боям Рокоссовский смело опирался на коллективный опыт. По его предложению была создана так называемая штаб-квартира, где сообща обдумывались планы, принимались решения, заслушивалась информация офицеров-направленцев, обсуждались всевозможные предложения, шел обмен мнениями об использовании различных родов войск, об организации взаимодействия между ними. Тут же Рокоссовский отдавал необходимые распоряжения. В результате руководящий состав фронта постоянно был в курсе происходящих событий и быстро на них реагировал. Командующий и штаб избавлялись от необходимости тратить время на вызов всех руководителей управления, родов войск и служб, на заслушивание длинных и утомительных докладов. Все это способствовало успешному выполнению задач, поставленных перед 2-м Белорусским фронтом. Как известно, наступление началось на шесть дней раньше —14 января 1945 года и делалось это по просьбе союзников, попавших в тяжелое положение в Арденнах. Стремительность и непрерывность боевых действий явились важнейшим условием успеха в этой сложной наступательной операции, проведенной в короткий срок, что позволило высвободить войска 2-го Белорусского фронта для участия в Берлинской операции.

Хотя война шла к концу, но фашистская армия сохраняла еще свою боеспособность. Гитлеровские главари лишь на одном Берлинском направлении сосредоточили более миллиона солдат, а также большое количество вооружения и боевой техники.

Войска Рокоссовского совместно с войсками маршалов Жуко-

ва и Конева готовились к последним, завершающим боям Великой Отечественной войны.

16 апреля бойцы Рокоссовского услышали доносившуюся с юга канонаду — это 1-й Белорусский фронт начал Берлинскую операцию. Небывалое воодушевление охватило всех. Солдаты понимали, что наступают последние недели войны, что там, южнее, их товарищи штурмуют Берлин, и спешили быстрее подготовиться, чтобы прийти им на помощь.

В ночь на 20 апреля Рокоссовский доложил Верховному Главнокомандующему, что в назначенный срок фронт готов перейти в наступление.

По установленному сигналу его войска форсировали Одер на широком фронте и нанесли решающий удар севернее Берлина.

Пройдет всего несколько дней, и командование фашистских войск подпишет акт о безоговорочной капитуляции. Война в Европе закончится. Советские люди будут праздновать Победу. Отпразднуют ее и солдаты Рокоссовского.

Вспоминая позднее те дни, Константин Константинович писал: «Победа! Это величайшее счастье для солдата — сознание того, что ты помог своему народу победить врага, отстоять свободу Родины, вернуть мир. Сознание того, что ты выполнил свой солдатский долг, долг тяжкий и благородный, выше которого нет ничего на земле!»

Через несколько дней после завершения войны стало известно, что 24 июня состоится Парад Победы. Давая указания Генштабу о подготовке к нему, Верховный объявил:

— Принимать парад будет Жуков, а командовать Рокоссовский.

В этот знаменательный день Рокоссовский проснулся рано и к 8 часам был уже на Красной площади.

Кремлевские куранты начинают бить 10 часов.

— Парад, смирно! — командует Рокоссовский и трогает с места коня. Чувство торжественного волнения овладевает маршалом. Наступают минуты, которые будут наградой за более чем 30-летнюю его военную жизнь. Навстречу движется Жуков.

— Товарищ маршал, войска действующей армии и Московского гарнизона для Парада Победы построены!

Жуков принимает рапорт.

Два прославленных полководца объезжают войска.

Начинается торжественный марш сводных полков. Командующий парадом наблюдает их продвижение. Вот идет и его, Рокоссовского, 2-й Белорусский фронт. С чувством радости и гордости смотрит он на своих однополчан, видит знакомые, ставшие родными лица. Сколько дней и ночей они провели вместе, сколько боев, неудач и побед осталось позади.

Война кончилась, но военная служба продолжалась. Рокоссовский возглавил Северную группу войск, которая располага-

лась на территории Польской Народной Республики.

В условиях мирного времени главнокомандующий стремился найти такой стиль руководства войсками, который бы отвечал ленинскому требованию быть ближе к массам, к командирам, рядовым бойцам.

...7 ноября 1949 года. Личный состав штаба и управлений Северной группы войск собрался на плацу. «Наверное, с праздником 32-й годовщины Великого Октября будет поздравлять нас начальство»,— переговаривались между собой прибывшие на построение.

10.00. Из здания штаба вышла группа генералов и офицеров. Впереди Рокоссовский. Когда Константин Константинович подошел ближе, все увидели, что он в форме маршала Польши.

Пораженные неожиданностью, офицеры и генералы замерли.

Рокоссовский обошел строй, каждому пожал руку. А через несколько минут машина с маршалом Польши взяла курс на Варшаву.

Учитывая польскую национальную принадлежность маршала Рокоссовского и его популярность в польском народе, президент Польской Народной Республики обратился к Советскому правительству с просьбой направить Константина Константиновича для службы в Войске Польском.

Советское правительство, исходя из дружественных отношений между СССР и Польшей и учитывая, что маршал Рокоссовский полностью предоставил решение этого вопроса Советскому правительству, согласилось удовлетворить просьбу президента Польской Народной Республики.

Став во главе Войска Польского, Рокоссовский остался все тем же доступным, чутким, деликатным человеком.

Однажды зимним вечером машина маршала Польши шла по Познанскому шоссе. Погода была ненастной. Неожиданно Рокоссовский увидел через ветровое стекло женщину на дороге.

— Остановите, пожалуйста,— проговорил Константин Константинович.

Путницу пригласили сесть в машину. Женщина оказалась из впереди лежащей деревни. Рокоссовский расспрашивал ее о жизни на селе, о том, где она была во время войны, воевал ли кто-нибудь из ее родных и близких.

Когда ее подвезли к дому и она вышла из машины, шофер спросил ее:

— Бабушка, вы знаете, с кем ехали?

Она покачала головой:

— Не знаю.

— С маршалом Рокоссовским.

Машина пошла дальше. А женщина еще долго-долго стояла и смотрела ей вслед. Ей не верилось, что рядом с ней в машине сидел один из знаменитых людей в Польше.

С кем бы ни встречался Рокоссовский — с польским ткачом, моряком, шахтером, солдатом — все с радостью, уважением и любовью отзывались о нем.

При обучении личного состава Войска Польского Константин Константинович широко использовал свой богатый опыт, приобретенный во время службы в Советских Вооруженных Силах.

Семь лет Рокоссовский возглавлял армию народной Польши и сделал много для ее укрепления. В ноябре 1956 года, выполнив свою миссию, он возвратился на Родину. Снова Маршал Советского Союза встал в боевой строй Советских Вооруженных Сил.

В конце своей жизни маршал Рокоссовский ведет большую общественную работу, обобщает опыт войны, передает его молодому поколению. Константин Константинович регулярно выступал со статьями в центральных газетах и журналах.

Но главное содержание его жизни в этот период — работа над воспоминаниями. Три года он отдал этой работе. Книга вышла под названием «Солдатский долг».

Это был последний подвиг Константина Константиновича Рокоссовского, прошедшего славный путь от солдата до прославленного маршала.

В Центральном музее Вооруженных Сил СССР в одной из витрин находится парадный мундир Рокоссовского со всеми наградами, которых более сорока. Среди них: две Золотые Звезды Героя Советского Союза, семь орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, шесть орденов Красного Знамени, ордена Суворова и Кутузова I степени, К. К. Рокоссовский удостоен высшей советской военной награды — ордена «Победа» и награжден Почетным оружием.

Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище носит имя Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. В столице нашей Родины — Москве одна из улиц названа бульваром Маршала Рокоссовского.

Родина помнит своего верного сына.

ДЫХАНИЕ ВЕТРА КРАСНОГО

Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский (1898—1967)

Весна 44-го шумела молодой листвой на улицах освобожденной от фашистов Одессы. И хотя еще пахло дымом и гарью и «виллис» медленно петлял между попадающимися на пути грудами битого кирпича, оборвавшихся с домов балконов, чугунных решеток, кусков кровельного железа, генерал армии Малиновский хорошо чувствовал тонкий аромат южной весны, памятный с самого детства. Это будоражило его, навевало мысль о том, что вот ведь как сложилась военная судьба: вчера, 10 апреля, войска фронта освободили родной город. Город, в котором родился, откуда подростком ушел воевать еще в империалистическую. И вот теперь, спустя тридцать лет, он вернулся — разве не подарок судьбы! Он со своими бойцами принес героической Одессе долгожданную свободу.

Малиновский тронул за плечо шофера:

— Поворачивай направо, проедем к товарной станции.

— Есть, товарищ командующий! — крутанул баранку молоденький сержант.

Адъютант, чернявый старший лейтенант, тут же обернулся и с недоумением посмотрел на генерала. Тот коротко бросил ему:

— Успеем.

В серое, покосившееся здание Одессы-товарной, стены которого были изрядно выщерблены пулями, командующий вошел один, приказав старшему лейтенанту и сержанту оставаться в машине. Адъютант не на шутку встревожился. Лишь закрылась за командующим дверь, он выскочил из «виллиса». Закурил. Нервно прошелся взад-вперед возле машины. Потом отбросил папиросу и решительно направился вслед за генералом. Но Малиновский в этот момент появился на улице вместе с небольшой сухонькой женщиной в темной косынке и лоснящейся на солнце телогрейке. Женщина громко, смешивая русские и украинские слова, говорила ему:

— Да мабуть жив он. Весовщиком робыл туточки. Но це давно было. Крепкий дедок,— женщина оценивающе окинула взглядом генерала армии.— Никак родичи вы?

— Дядя мой,— смущенно пробасил Малиновский.

— Вот я и кажу! — всплеснула руками женщина.— Он тут недалече живе, чи пятая, чи шестая хата во-он по той улице,— показала она.

— Спасибо! — Малиновский широко зашагал в ту сторону, куда показала женщина, мимоходом сказав адъютанту:— Пошли.

Он узнал осевший бревенчатый потрескавшийся сруб с облезлой краской, где родился, а потом жил под его крышей уже тринадцатилетним юнцом, когда из-за крайней нужды пришлось вернуться сюда из села Сутиски, оставив там больную мать — кухарку земской больницы. Тогда он решился на отчаянный шаг — ушел от помещика, на которого гнул спину в батраках. «Может, в городе, живя у дяди-железнодорожника, что-нибудь да заработаю, чтобы маму вылечить»,— с надеждой думал он. Нанялся мальчиком в галантерейный магазин. Безрадостная жизнь. Единственным светлым пятном для него в то время были книги. У дяди их много. Вечерами читал запоем. Особенно о подвигах русского воинства. Как он мечтал тогда и сам совершить подвиг!

Вспомнив сейчас все это, Малиновский разволновался, нетерпеливо постучал в дом. Потом еще. Тихо. Никого?

Адъютант кинулся к небольшому оконцу, белевшему в полуметре от земли, согнувшись, забарабанил по стеклу. Занавеска отдернулась, показалось бородатое лицо глубокого старика.

— Папаша, откройте! К вам товарищ командующий,— попросил его адъютант.

Старик скрылся. Через минуту за дверью послышалось шарканье ног, стукнул засов. Протяжно заскрипев, дверь отворилась. Пригнувшись, чтобы не задеть взлохмаченной головой косяк, старик вышел во двор и встал во весь рост перед генералом.

Малиновский отступил на шаг. Вглядываясь в морщинистое лицо высокого, ссутулившегося и сухого деда, он с трудом узнавал знакомые черты.

— Здравствуйте, дядя! Это я, Родион, сын Якова... Не признали? — взволнованно сказал Малиновский, шагнув вперед.

Щетинистые, с проседью брови старика изумленно выгнулись дугой, глаза расширились, заслезились. Недоверчиво покачивая головой, он вымолвил:

— Родион?.. Родька!.. Брешешь.

— Ну точно я, племянник ваш! — развел руками генерал.— Родион Яковлевич Малиновский. Здравствуйте, дядя.

Старик не мог поверить, что статный генерал армии, стоявший перед ним, и есть тот самый сорванец Родька, его племянник, который в 14-м году, когда мальчишке не было и шестнадцати, тайком забрался в воинский эшелон и уехал на первую мировую войну. Он еще некоторое время приглядывался к генералу, а когда, наконец, дошло до него, что это действительно так, не сдержал слез радости, бросился к нему в объятия.

Адъютант, в не меньшей степени изумленный такой встречей, не знал, что делать, и стоял истуканом, растерянно улыбаясь. Потом, видно, сообразив, свидетелем какого события он стал, побежал к калитке, у которой урчал подъехавший «виллис». Он вытащил из него увесистый вещмешок с мясными консервами и другой съестной всячиной — НЗ командующего — и бросился с ним в дом. Через несколько минут появился на пороге, чтобы доложить генералу, что стол накрыт. И тут услышал поначалу поразившие его слова старика:

— Эх, Родька, хворостина по тебе иссохлась. Я ее сразу, как ты убег из дома на фронт, из лозы вырезал. Ждал, покуда назад заявишься. А ты возьми, да и возвратись.— Старик зашелся жиденьким смехом:

— Только теперь рука не поднимется — ген-не-рал! Охо-ох-о!

Малиновский тоже расхохотался:

— Да уж не конфузь, дядя, перед подчиненными.— Обратился к адъютанту:— Ну, что у тебя?

— Все готово, товарищ командующий!

— А как у нас со временем? — генерал посмотрел на часы.— М-да,— покачал он головой,— не бежит времечко, а катится. Не получится с застольем, пора ехать.

— Как?.. Куда? — засуетился старик.— Ты же не поведал мне о себе ничего. Где носило-то тебя?

— Легче сказать, где не носило, дядя. Как тогда ушел в солдаты, так солдатом и отмериваю военные дороги.

— К-хе... Генералом...

— Это по званию, дядя. А по долгу я солдат. Вот и сейчас очень надо торопиться, пока фриц не очухался — гнать его дальше с земли нашей советской.

— Гони, Родион, бей ирода. Сколько зла он натворил!

— Отомстим ему сполна. Прощай, дядя!

Они крепко, по-мужски обнялись...

Малиновский спешил в штаб фронта, куда он пригласил командующих армиями, войска которых с ходу форсировали Днестр и захватили плацдарм на его правом берегу. Создались благоприятные условия для разгрома немецко-фашистских войск в Молдавии и на Балканском направлении. Однако пока «виллис» катил по укатанной грунтовке, генерал окунулся в воспоминания, навеянные встречей с дядей. В памяти проносились картины его военной юности.

Империалистическая война. Доброволец Малиновский зачислен пулеметчиком 256-го пехотного Елизаветградского полка 64-й дивизии. Бой в районе Сувалки. Это было тоже весной, в марте 15-го года. Запомнилась хлипкая, слякотная зима, он лежит у пулемета, перепачканный грязью, отбивая атаку немцев. Точным огнем поддерживает своих соседей с фланга... Первая боевая награда: за бой у Кавальвари молодой солдат Малиновский получает Георгиевский крест IV степени.

За что же он тогда воевал?.. Он почитал за честь храбро сражаться с врагом. Но он видел, насколько бесправен простой человек, которого царь гонит на жестокую бойню. Под Сморгонью его тяжело ранило. Лечение, потом опять пулеметная команда. Формируется русский экспедиционный корпус для действий на стороне союзника России — Франции. Начальник пулемета Малиновский назначается во второй особый пехотный полк этого корпуса.

Как же долго и длинно добирались они до Марселя — в теплушках через Сибирь и Маньчжурию, пароходом через два океана — Тихий и Индийский, затем Суэц, Средиземное море... Только в апреле 16-го года оказались они на французской земле. В лагере Майи замучали парады и строевые смотры. Муштровали целый месяц. И снова фронт: сначала в районе Реймса, потом под Сюлери и фортом Бримон. Здесь в окопах, вдали от Родины, Малиновский узнал о февральской революции в России. Солдаты избирают его председателем ротного комитета. Он глубоко понимал думы и настроения солдата, это осталось у него на все последующие годы жизни. Он и сам был солдатом до мозга костей.

Вспомнив то бурное время, генерал почувствовал, как заныла его левая рука. Непроизвольно он начал растирать ее другой рукой, что не ускользнуло от адъютанта. Старший лейтенант обернулся и обеспокоенно спросил:

— Вам плохо, товарищ командующий?

— Ничего, ничего. Старая рана дает о себе знать, видно к дождю.

Это в бою под фортом Бримон разрывная пуля раздробила Малиновскому руку. В апреле 17-го. Он не мог залеживаться

в госпитале из-за бурных событий в России. Недолечившись, вернулся в полк. Бригада требовала немедленного возвращения на Родину, но союзники настаивали на продолжении военных действий. Малиновский твердо стоял за интересы солдат: «Мы не хотим воевать! Мы требуем возвращения в Россию!» Открывшаяся рана вынудила его снова лечь в лазарет. И тут пришла радостная весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции.

Но долго еще пришлось мыкаться Малиновскому на чужбине, прежде чем он вновь ступил на родную землю. Французское правительство разоружило русский экспедиционный корпус. Малиновский вспомнил, как ему после пришлось писать в своей автобиографии: «С ноября 1917 года по январь 1918 года — чернорабочий в районе Бельфор». Но одно дело писать, а другое — почувствовать на себе гнет эксплуататоров... А потом снова служба, уже в иностранном легионе 1-й марокканской дивизии, бои против солдат кайзера в Пикардии. Воевал он храбро, его даже наградили французским военным крестом.

Наконец в 19-м году русских солдат собрали в лагере близ Сюзаны. Вот где старались белые агитаторы, чтобы уговорить их вступить в армию генерала Деникина. Но Малиновский вместе с подавляющим большинством солдат решительно отверг все предложения и посулы. Он требовал скорейшего возвращения на Родину. Только его настойчивость, страстное желание стать в ряды борцов за Советскую власть в России позволили ему вырваться с частью таких же русских патриотов-солдат с чужбины.

Во Владивостоке вернувшихся солдат укрывали от колчаковцев революционно настроенные железнодорожники. Они перевозили их на запад, помогали перейти линию фронта. Так после долгих мытарств и скитаний Малиновский оказался под Омском, где встретился с разведчиками 240-го Тверского полка 27-й стрелковой дивизии. С этого дня началась в его жизни новая страница. Хотя не обошлось и без казуса, о котором теперь Малиновский вспомнил не без улыбки. Французский военный крест и солдатская книжка на французском языке чуть не стоили ему жизни: красноармейцы приняли его за переодетого белого офицера. Но все же он вступил в Красную Армию и был счастлив.

И опять бои, яростные атаки теперь уже на фронтах гражданской войны. Сколько раз он мог быть сражен белогвардейской пулей, освобождая Омск, Ново-Николаевск, станцию Тайга и Мариинск. Пуля его не достала. Свалил его сыпной тиф, который тоже не щадил в то время ни старого, ни малого. А ему пошел двадцать первый год от роду.

После госпиталя Малиновского направили в школу подготовки младшего командного состава. В конце 20-го года в Нижнеудинске он принял пулеметный взвод 246-го стрелкового полка. Если бы его спросили сейчас о том, как складывалась служба молодого командира, он бы ответил, видимо, одной фразой: «Пос-

Красные командиры (слева направо): Г. Н. Корчиков, Р. Я. Малиновский и В. Я. Наволочный. 1923 г.

ле взводного стал начальником пулеметной команды, помощником, а затем командиром батальона». Но тогда, конечно, пришлось попотеть, заниматься самообразованием, работать над собой и работать. В 26-м он вступил в ряды Коммунистической партии. Этот день не забудет никогда. Помнит и строки из своей аттестации за тот год: «Военного образования не имеет, является в этой области талантом-самоучкой. Благодаря своему упорству и настойчивости путем самоподготовки приобрел необходимые знания в военном деле. В моральном отношении безукоризнен. Должности командира батальона соответствует. Заслуживает командирования в Военную академию».

Учиться он хотел страстно. Малиновский сам чувствовал, что одного боевого опыта и двухмесячного обучения в школе младших командиров для профессионального военного явно недостаточно. Нужны были твердые и глубокие знания. Хоть и сказано было о нем его командирами «талант-самоучка», но на этом далеко не уедешь. Три года учебы в Военной академии имени М. В. Фрунзе лишний раз это подтвердили. Зато потом, уже начальником штаба кавполка, будучи офицером штабов Северо-Кавказского и Белорусского военных округов, начальником штаба 3-го кавалерийского корпуса, которым в то время командовал вдумчивый и волевой начальник С. К. Тимошенко, Малиновский сумел утвердиться как грамотный, всесторонне подготовленный красный командир.

Нет, в то время никак не мог он оторваться от службы, чтобы съездить на денек-другой в родную Одессу, повидаться с родственниками. Однажды было собрался. Но...

Грянул фашистский мятеж в Испании. Советские люди восприняли как свое кровное дело оказание помощи свободолюбивому испанскому народу. Малиновский пишет рапорт за рапортом, чтобы его отправили выполнять интернациональный долг. После многих дней томительного ожидания ответа наконец услышал слова:

— Ваша просьба удовлетворена!

В Валенсии в советском посольстве он получил короткий инструктаж, затем встретился с советником Яном Карловичем Берзиным.

— Поедете в штаб республиканской армии в распоряжение нашего военного атташе комбрига Горева. Он выполняет роль советника у генерала Миахи,— сказал Берзин.

Малолитражный «опель», на котором Малиновский отправился в путь, был далеко не новым, и до Мадрида он добрался лишь к рассвету. Горев выглядел утомленным. В то время как раз шли бои под Лас Росасом и Махадаондой, где отбивались яростные атаки фашистов. Расточать любезности комбригу было явно некогда. Сухим военным языком он предложил Малиновскому направиться в район Галапагар и там найти генерала Купера — им был советский доброволец Г. И. Кулик.

— Будете на фронте уже не полковником Малиновским, а колонелем Малино,— закончил разговор В. Е. Горев.

Под этим псевдонимом и находился Родион Яковлевич в рядах республиканской армии с января 37-го по май 38-го года.

Что больше всего он запомнил, сражаясь под знаменем Испанской республики? Конечно же, людей, с кем свела судьба. Замечательные патриоты, интернационалисты. Командир 12-й интернациональной бригады генерал Лукач — он же Матэ Залка, венгерский революционер, писатель, активный участник Октябрьской революции и командир Красной Армии, грудь которого украшал орден Красного Знамени. С первой же встречи этот незаурядный человек расположил к себе, Малиновскому казалось, что знает он его хорошо и давно.

— Помогайте, помогайте, полковник Малино,— говорил генерал Лукач.— Фашисты снова атакуют Мадрид, теперь здесь, на нашем направлении.

В гражданском костюме Малиновский и появился в республиканских траншеях. У передовой, укрывшись от вражеского пулеметного огня под неказистым мостиком, он встретился с оказавшимся тут же другим легендарно храбрым солдатом, знаменитым генералом К. Сверчевским, который под псевдонимом генерал Вальтер в то время командовал 14-й интернациональной бригадой. Как раз эти две бригады —12-я и 14-я — нанесли тогда контрудар по флангу и тылу наступавшей на Мадрид фашистской

группировки. Он был эффективным. И хотя республиканцам не удалось полностью разгромить мятежников — такая задача была просто непосильной, однако вторая решительная операция фашистов против Мадрида оказалась сорванной.

Еще не забыть Малиновскому народного героя Испании Энрике Листера — командира одной из первых дивизий Народной армии. Шла Харамская операция, и Малиновский был назначен к Листеру советником. Его предупреждал кто-то: мол, не сработаешься. За Листером укрепилась репутация командира храброго, тактически грамотного, но не терпящего постороннего вмешательства, а тем более опеки. Листер немного владел русским языком, побывал до этого в Советском Союзе, где работал бригадиром забойщиков на строительстве Московского метрополитена, и посылал к чертовой матери всех, кто под горячую руку совался с неразумными советами.

В пастушеский домик, в котором размещался командный пункт дивизии, угодило несколько снарядов — засуетились санитары, забелели бинты. Начался пулеметный обстрел. Листер в этой напряженной ситуации вдруг предложил колонелю Малино прогуляться. Они прохаживались от домика до дворовой изгороди и обратно. У генерала вид человека, совершающего послеобеденный моцион. Пришлось Малиновскому показать, что посвистывающие пули и его беспокоят не более, чем мухи: он понял, что Листер устраивает ему своеобразный экзамен, и будто невзначай тронул рваный след пули на рукаве.

— Колонель Малино! — с улыбкой воскликнул Листер.— Мы еще не отметили нашу встречу. И подозвал адъютанта...

Да, к удивлению многих Малиновский с Листером сработался очень хорошо. Дивизия Листера ожесточенно дралась за господствующую высоту. Она переходила то к мятежникам, то к республиканцам из рук в руки. Малиновский хорошо помнил, с каким волнением наблюдал Листер со своего КП у Каса Сола за контратакой 66-й бригады — последнего его резерва. На командном пункте Листера появился молоденький советский капитан — инструктор при командире бригады. Он был ранен, но лицо его сияло, когда он докладывал об успешной атаке бригады... «Жаль, не запомнилась фамилия этого капитана,— подумал теперь Малиновский.— Похож парень на моего адъютанта. Многие наши офицеры остались в памяти. Они были героями на испанской земле, и в нынешнюю Великую Отечественную войну многие из них сражаются геройски».

Да... Испания, Испания. Сколько патриотов сложили свои головы за тебя, за твою свободу, которую так и не удалось отстоять.

Но сколько еще предстояло пережить печальных потерь друзей, товарищей, наших бойцов уже в эту войну с гитлеровским фашизмом! Тяжелые, невосполнимые жертвы... Война есть война. Она

еще не окончена, хотя и гонят наши войска врага с родной земли. Но потери неизбежны. И его, командующего фронтом, теперь забота, чтобы их было меньше.

Одной из причин поражения республиканской Испании было именно то, что ей не хватало до конца преданного революции хорошего высшего командования. Оно состояло в основном из генералов старой королевской армии, чья пассивность нередко граничила с предательством. С горечью сейчас вспоминались эти «вожди». Малиновский и другие советские военные советники ставили их в известность о подготовке операций лишь накануне, чтобы франкисты раньше времени не прознали об их проведении. Но война рождает больше героев — это непреложная истина, в которой он убедился. В битвах за Мадрид выдвинулась целая плеяда преданных народу офицеров. «Когда-нибудь я обязательно напишу об Испании, о гневных ее вихрях,— подумал Малиновский.— Вот кончится война и напишу...» (Он потом напишет волнующие воспоминания этого периода своей жизни под названием «Гневные вихри Испании».)

...В штабе Малиновского ждала шифровка: ему предписывалось вступить в командование войсками 2-го Украинского фронта. «Что же, Ставке виднее на этот счет»,— решил Малиновский и приказал адъютанту снова собираться в дорогу. Вот опять как подгадала военная судьба — он возвращался туда, где в 41-м начал свою борьбу с гитлеровскими полчищами. После Испании он был старшим преподавателем кафедры службы штабов Военной академии имени М. В. Фрунзе. А в марте 41-го получил назначение в Одесский военный округ командиром 48-го стрелкового корпуса. Здесь его и застала война. Корпус был сосредоточен в районе города Бельцы и с первых же дней вступил в тяжелые бои, прикрывая нашу границу по реке Прут. Силы были слишком неравные. Части корпуса, обороняясь, отходили на Котовск, Николаев, Херсон. Под Николаевом противнику удалось окружить корпус. Но генерал-майор Малиновский сделал все, чтобы корпус успешно прорвал вражеское кольцо. В то время командующий Южным фронтом генерал-полковник Я. Т. Черевиченко так аттестовал командира 48-го стрелкового корпуса: «Тверд, решителен, волевой командир. С первых дней войны товарищу Малиновскому пришлось принять совершенно новые для него дивизии. Несмотря на это, он в короткий срок изучил особенности каждой дивизии. В сложных условиях боя руководил войсками умело, а на участке, где создавалась тяжелая обстановка, появлялся сам и своим личным примером, бесстрашием и уверенностью в победе воодушевлял войска на разгром врага. В течение месяца воины корпуса Малиновского бессменно вели упорные бои с превосходящими силами противника и вполне справились с поставленными перед ними задачами. Сам Малиновский за умелое руководство представлен к награде». Вскоре ему было присвоено звание

Командование Южного фронта (слева направо): дивизионный комиссар И. И. Ларин, генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский и генерал-майор авиации К. А. Вершинин

генерал-лейтенанта. Он был назначен командующим 6-й армией, затем Южного фронта. Под его руководством 57-я и 9-я армии в январе 42-го года совместно с войсками Юго-Западного фронта перешли в наступление в районе Барвенково и Лозовая, захватили на правом берегу Северского Донца обширный плацдарм и нанесли значительный урон противнику: в его пехотных дивизиях осталось тридцать — пятьдесят процентов штатного состава.

Бои за Сталинград. В тяжелые дни этой битвы партия и правительство поручили Малиновскому командовать войсками 2-й гвардейской армии. Именно эта армия во взаимодействии с 5-й ударной и 51-й армиями в сложных условиях зимы разгромила танковую группировку Манштейна, пытавшуюся деблокировать окруженные гитлеровские войска, и отбросила ее остатки далеко от Сталинграда.

В условиях, когда противник пытался пробить по кратчайшему направлению коридор к армии Паулюса, Родион Яковлевич принял наиболее целесообразное решение: форсированным маршем перебросить головные силы армии для укрепления обороны по северному берегу реки Мышкова.

Сильные декабрьские морозы, снежные заносы — ничто не остановило воинов 2-й гвардейской. С ходу вступая в бой, они яростно бились за каждый населенный пункт, за каждый метр нашей земли. А командарм, умело наращивая силу ударов подхо-

дящими частями, уже готовился к переходу в наступление. Четкость, продуманность каждого маневра облегчили 2-й гвардейской армии успех. Противостоящие ей соединения войск Манштейна были разгромлены.

Вскоре Р. Я. Малиновскому снова доверили командовать фронтом, присвоили звание генерал-полковника. Он участвовал в освобождении Новочеркасска, Ростова-на-Дону, Донецкого бассейна...

...Первым нового командующего встретил начальник штаба 2-го Украинского фронта генерал Захаров.

— Матвей Васильевич! Очень рад тебя видеть, хорошо, что мы снова вместе,— обрадовался Малиновский. Он знал Захарова давно, еще по учебе в академии. Уже тогда восхищал его в этом командире большой боевой опыт. Захаров был участником штурма Зимнего, защищал Советскую власть в годы гражданской войны, зарекомендовал себя вдумчивым штабным работником на многих должностях. Великую Отечественную они начали на одном направлении. Захаров в те дни был начальником штаба Одесского военного округа, потом 9-й армии. Теперь им предстоит подготовить и осуществить наступательную операцию по освобождению Молдавии.

Вникнув в сложившуюся на фронте обстановку, командующий сделал вывод:

— Подготовительная работа нужна большая. Операция по замыслу Ставки масштабная, будем взаимодействовать с соседями. Но и нам, Матвей Васильевич, придется головы поломать. Ибо, как говорится, на бога надейся, а сам не плошай.

— Понимаю, Родион Яковлевич. Штаб уже имеет на этот счет предложения,— ответил Захаров.

— Вот и хорошо. Обсудим их в ближайшее время на Военном совете.

Малиновский ценил коллективное мнение, когда требовалось принимать важные решения. Он не стеснял подчиненных мелочной опекой, поощрял творчество командиров. Как нигде лучше, оно проявлялось на Военных советах. По-разному складывался на них разговор за то время, что он командовал армиями и фронтами. Бывали и споры, сомнения...

Однажды, например, на заседании Военного совета, когда Родион Яковлевич был командующим Юго-Западным фронтом, он стал свидетелем томительного молчания после того, как объявил о своем решении на проведение ночного штурма города Запорожья крупными силами. Было это в октябре 43-го. До этого в Великой Отечественной войне ночные штурмы при участии такого количества войск не проводились. И воцарилась на командном пункте гнетущая тишина. Малиновский невольно подумал: «Неужели я ошибся, не все предусмотрел и рассчитал?»

Проходит пять, десять минут... Напряжение нарастает. И вдруг встал командующий 8-й гвардейской армией генерал Чуйков:

4. Зак. 1521 Кучеров

— Смело! Правильно! Обязательно возьмем Запорожье!

И словно размагниченные, один за другим заговорили члены Военного совета, командиры корпусов, приглашенные на заседание. Каждый из них со своих позиций одобрял решение командующего. Только тогда Малиновский облегченно вздохнул.

Командующий фронтом понимал, что Ясско-Кишиневская операция — важное звено в серии операций, спланированных Ставкой на лето 1944 года. И Малиновский прикидывал варианты.

По общему замыслу нашим войскам предстояло прорвать оборону на двух далеко отстоящих друг от друга участках — северо-западнее Ясс и южнее Бендер и, развивая наступление по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить основные силы группы армий «Южная Украина». Но фронту Малиновского еще необходимо было развернуть стремительное наступление в глубь Румынии, с ходу форсировать Дунай.

И вот настало время заседания Военного совета фронта. Выслушав мнения начальника штаба, командующих армиями, Малиновский предложил: нанести основной удар в направлении Бахлуй, Фокшаны по наиболее, как он считал, уязвимому месту обороны врага в обход укрепленных районов. Решение командующего фронтом было встречено с одобрением.

— Обращаю особое внимание на обеспечение высоких темпов наступления,— сказал Малиновский.— Только при этом условии будет выполнена задача по уничтожению противника в районе Яссы — Кишинев и продвижению наших войск в глубь Румынии. Для этих целей считаю необходимым создать сильную подвижную группу. Какие будут предложения?

— Разрешите, товарищ командующий? — поднялся генерал Захаров.— В подвижную группу предлагаю включить 6-ю танковую армию, конно-танковую группу генерала Горшкова, 18-й танковый корпус. Во второй эшелон —53-ю армию.

— А резерв? — спросил Малиновский.

— В резерве будут два стрелковых корпуса. Кроме того, надо выдвинуть на направление главного удара 1-ю румынскую пехотную дивизию имени Тудора Владимиреску и югославскую бригаду. Товарищи рвутся в бой,— порывисто сказал Захаров.

— Добро. Только на нашем пути встретится немало водных преград. Форсировать их не так просто, как кажется на первый взгляд. Подходы ко многим рекам заболочены, значит, необходимо заранее позаботиться о материалах для сооружения гатей, настилов, строительства мостов.

Продумали, проработали и эту деталь. Доложили план наступления Ставке, которая утвердила решение Военного совета 2-го Украинского фронта.

Началась тщательная подготовка к наступлению. Где только не видели в эти дни Малиновского: на переднем крае, у артиллеристов, в танковом корпусе, у соседей на 3-м Украинском

фронте, где он вместе с генералом армии Ф. И. Толбухиным решал вопросы взаимодействия.

Встречался Родион Яковлевич и с адмиралом Октябрьским — командующим Черноморским флотом, контр-адмиралом С. Г. Горшковым — командующим Дунайской военной флотилией, которые должны были высаживать десанты, содействовать сухопутным войскам в форсировании Дуная. Несколько раз генерала армии Р. Я. Малиновского заслушивал представитель Ставки маршал С. К. Тимошенко. Когда до начала операции оставались считанные недели, Малиновский доложил ему:

— Думаю я, товарищ маршал, внести изменения в применение артиллерийских средств в начальный этап наступления.

— Какие?

— Соберу артиллерию в один кулак на направлении главного удара, а на других участках сокращу ее до минимума. Тогда там, где планируется прорыв, будет обеспечена высокая плотность огня.

— Ну-ка, ну-ка, посмотрим,— придвинул к себе карту Тимошенко. Ознакомившись с планом командующего фронтом, только и сказал ему:

— Что ж, изобретательно. Я вижу в этом большое искусство.

Утро 20 августа выдалось туманным и росным. Река Бахлуй парила стелящимся молоком. Кругом звенела тишина. И вдруг ее расколола мощная артиллерийская канонада. Четыре тысячи орудий и минометов открыли огонь по всей тактической обороне гитлеровцев на направлении главного удара, ошеломив их. А наши саперы уже наводили переправы. Войска фронта ринулись в наступление. Началась Ясско-Кишиневская наступательная операция, которой суждено было войти в историю Великой Отечественной войны как одной из крупнейших.

Находясь на командном пункте фронта, Малиновский внимательно следил за ходом наступления. Особо его интересовало продвижение 6-й танковой армии, которой отводилась очень ответственная роль. Она наступала между двумя другими подвижными соединениями — конно-танковой группой генерала С. И. Горшкова и 18-м танковым корпусом генерала В. И. Полозкова, которые обеспечивали прорыв армии с флангов. Таким оперативным построением подвижных войск командующий фронтом создавал благоприятные условия при вводе танковой армии в прорыв. Ей не нужно было тратить силы и отвлекаться ни для окружения кишиневской группировки противника, ни для обеспечения себя с флангов. Армия сосредоточивала все свои силы и средства для захвата Фокшанских ворот и стремительного продвижения в глубь Румынии.

Всего четыре дня наступления потребовалось, чтобы окружить фашистские войска. 24 августа Малиновскому доложили: танко-

вые части его фронта в районе Хуши соединились с подвижными группами 3-го Украинского фронта. В гигантском кольце оказались восемнадцать немецких дивизий.

— Что и требовалось доказать,— довольно пробасил Малиновский, пристукнув кулаком по столу, за которым сидел.

Уже через неделю после начала операции перестали существовать окруженные дивизии противника. Ясско-Кишиневская операция стала достойным вкладом в окончательный разгром гитлеровского фашизма, в развитие советского военного искусства. В сентябре 1944 года за успешное руководство войсками фронта в Ясско-Кишиневской операции Родиону Яковлевичу Малиновскому было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Впереди еще предстояли месяцы войны, упорные бои и нелегкие дороги, по которым маршал Малиновский пройдет с новыми победами. Будет весьма плодотворной его деятельность в качестве председателя Союзной контрольной комиссии в Румынии. Он приложит немало усилий, чтобы выполнялись в стране условия перемирия, в организацию на освобожденной территории гражданского управления и контроля за ним. Комиссия окажет большую помощь демократическим силам Румынии в образовании нового государства.

Потом Родиону Яковлевичу придется освобождать Венгрию. В октябре 1944 года он успешно проведет Дебреценскую наступательную операцию, в результате которой будут освобождены северная часть Трансильвании и почти все венгерское левобережье Тиссы. После этого войска 2-го Украинского фронта во взаимодействии с 3-м Украинским осуществят Будапештскую операцию, окружив и уничтожив 180-тысячную группировку врага, затем Венскую наступательную операцию, освободив столицу Австрии от гитлеровских войск. Закончит он войну в Европе на окраине Праги, к которой из Брно поспешат его войска на помощь восставшим трудящимся Чехословакии.

Но на востоке к тому времени еще будет тлеть очаг агрессии — милитаристская Япония. Осуществится крупнейшая в истории войн перегруппировка войск 2-го Украинского фронта на Дальний Восток. Теперь это уже будет Забайкальский фронт, которому отведена ведущая роль в разгроме Квантунской армии — главной ударной силы Японии. Во главе него партия и правительство назначат маршала Малиновского. И вновь здесь проявятся замечательные полководческие качества Родиона Яковлевича. Позже начальник штаба Забайкальского фронта уже известный нам генерал Захаров, впоследствии тоже Маршал Советского Союза, напишет о Родионе Яковлевиче: «В действие войск Забайкальского фронта по разгрому Квантунской армии, в подготовку и проведение операции Р. Я. Малиновский внес много нового, творческого... Нанести решающий удар там, где его меньше всего ждут,— так планировал командующий».

Да, Малиновский штурмовал перевалы Большого Хингана необычно: он ввел в первый эшелон фронта маневренную 6-ю гвардейскую танковую армию. Противник надеялся, что сотни километров безводных пустынь и горные хребты послужат ему надежной защитой. Но именно из этих предположений противника и исходил маршал Малиновский. Танковая армия штурмом овладела Большим Хинганом и стремительно вышла в центральные районы Маньчжурии, а затем к портам Дальний и Порт-Артур. Тогда за высокое полководческое искусство Родиону Яковлевичу Малиновскому было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вторую Золотую Звезду он получил позже, в мирные дни, в связи со своим шестидесятилетием. Родина высоко оценила полководческий талант Р. Я. Малиновского. Четыре ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, два ордена Суворова I степени, орден Кутузова I степени, многие медали, иностранные ордена. Награжден Родион Яковлевич и высшим полководческим орденом «Победа», Почетным оружием. Его имя присвоено Военной академии бронетанковых войск и гвардейской танковой дивизии. Память о нем живет в названиях улиц Москвы, Киева и других городов.

ПОМНИМ ВАШ ПОДВИГ

Маршал Советского Союза Леонид Александрович Говоров (1897—1955)

Апрель 1942 года. Осажденный, израненный, но несгибаемый Ленинград... В ту раннюю весеннюю пору Марсово поле выглядело необычайно суровым. Изрытое траншеями и окопами, испещренное ходами сообщений, оно напоминало поле боя. Эту мрачную картину в самом центре города дополняли стволы орудий и зенитно-пулеметных установок. Неподалеку в блиндажах находились бойцы — номера орудийных расчетов. Раздавались отрывистые слова команд, грохотали выстрелы. Пахло пороховой гарью.

Холодный, пронизывающий ветер гнал с Невы по растаявшим каналам крупную рябь волн. Их много, больших и малых водных артерий, вокруг Марсова поля. Голубым кольцом они окаймляли братскую могилу с величественным мраморным надгробьем.

Дрогнуло сердце генерала Говорова. Леонид Александрович стоял в задумчивости и видел в золотых строках, начертанных на памятнике, отблески пламенных лет. Ему казалось, и сейчас стучит пулеметная дробь октябрьского штурма Зимнего, слышится выстрел «Авроры» и тысячеголосое «ура!» на Дворцовой площади.

Генерал-лейтенант артиллерии Говоров три часа назад прилетел в Ленинград из столицы. Он был назначен заместителем командующего фронтом, руководителем группы войск, непосредственно обороняющих голодный, выстуженный блокадный город на Неве. Леонид Александрович решил, не теряя времени, осмотреть сражающийся Ленинград. Его влекло сюда, к Марсову полю, к пульсирующему, будто живое сердце, огню революции. Он всем своим существом необычайно остро чувствовал ту высочайшую ответственность, которая легла на его плечи. В смертельной схватке с жестоким и сильным врагом, в тягчайших испытаниях нужно выстоять и победить. Генерал слышал, как ветер высвистывал слова: «Выстоять и победить!» В то время они были самыми значительными в его жизни.

Леониду Александровичу едва минуло 45 лет. Бледное, немного одутловатое лицо. Темные с проседью волосы, тщательный пробор, резко очерченные брови и коротко подстриженные усы. Серьезные серые глаза смотрели, казалось, не очень приветливо. Постепенно в беседе они теплели, оживали, и через некоторое время в них уже загорался огонек неподдельного интереса к собеседнику.

Чуть выше среднего роста, сухощавый, подтянутый, Говоров в то же время выглядел несколько мешковатым. Видимо, оттого, что ходил неторопливо и как бы с прижатыми к корпусу руками. Голос его, глуховатый в обычном разговоре, приобретал высокое звучание при публичных выступлениях. Говорил он тогда зажигающе, и светились вдохновением глаза бойцов.

Леонид Александрович торопился в Смольный. Здесь находился командный пункт осажденного Ленинграда. В старинном, известном каждому советскому человеку здании были штаб фронта, областной и городской комитеты партии, горисполком. Отсюда тянулись линии связи в штабы армий и дивизий по кольцу блокады, в партийные комитеты заводов и фабрик. Через Смольный осажденный Ленинград связан с Москвой, со всей Советской Родиной.

Сама обстановка в Смольном ко многому обязывала всех тех, кто трудился в штабе. Это чувствовалось. Люди как-то по-особому подтягивались. Здесь решались проблемы борьбы Ленинграда на внешних и внутренних линиях обороны. В те памятные дни это было главным содержанием всех усилий ленинградской партийной организации, войск и всех трудящихся. О том суровом времени поэт-фронтовик Эдуард Асадов писал:

Было нам всяко: и горько, и сложно.
Мы знали: можно, на кочках скользя,
Сгинуть в болоте, замерзнуть можно,
Свалиться под пулей, отчаяться можно,
Можно и то, и другое можно —
И лишь Ленинграда отдать нельзя!

Обстановка сложилась так, что генерал Говоров находился в самом городе, а командующий Ленинградским фронтом генерал-

лейтенант М. С. Хозин в это время был в районе Малой Вишеры, за Ладогой. Здесь размещался командный пункт фронта. Отсюда осуществлялось непосредственное руководство боевыми действиями армий и дивизий.

— Искренне рад вашему назначению,— приветливо встретил Говорова Андрей Александрович Жданов.— Теперь будем трудиться вместе.

— Мне тоже очень приятно,— дружески отозвался Леонид Александрович.

— Помню вас. Ведь мы немного знакомы,— продолжал Жданов.— Еще в 1939, в районе Выборга встречались.

— Верно, Андрей Александрович. Память у вас хорошая. Мне тогда приходилось слушать ваши выступления. Запомнились они.

Жданов тут же перевел разговор на проблемы осажденного города.

— Постарайтесь как можно быстрее вникнуть в обстановку; хорошенько разобраться в ней. Положение чрезвычайно тяжелое...

— Понимаю, Андрей Александрович.

— Вот, взгляните на карту...— Жданов повел речь о первоочередных задачах блокадного Ленинграда.

Андрея Александровича Жданова партия наделила огромными полномочиями. Он был не только членом Военного совета фронта, но и первым секретарем обкома и горкома партии, членом Политбюро ЦК. Сфера его деятельности была поистине огромна. Тем более, что в Ленинградскую область тогда входили Псковщина и Новгородщина. Обком непосредственно занимался хозяйственным развитием Крайнего Севера.

А. А. Жданов был наслышан о новом заместителе командующего фронтом: генерал-лейтенант артиллерии Говоров блестяще показал себя в сражениях под Москвой. Он находился на самом решающем направлении — был начальником артиллерии Западного фронта, войска которого сдерживали натиск врага. Г. К. Жуков, обычно скупой на похвалу, дал ему высокую оценку. Тогда же Говоров был выдвинут на должность командующего армией. У некоторых товарищей это вызвало недоумение.

Когда у Маршала Советского Союза Г. К. Жукова поинтересовались, чем было обусловлено выдвижение на должность командующего армией генерала-артиллериста, Георгий Константинович ответил:

«Мы исходили из двух важнейших обстоятельств. Во-первых, в период боев под Ельней генерал Говоров, будучи начальником артиллерии Резервного фронта, зарекомендовал себя не только как прекрасно знающий свое дело специалист, но и как волевой, энергичный командир, глубоко разбирающийся в оперативных вопросах; во-вторых, в нашей обороне под Москвой основная тяжесть борьбы с многочисленными танками противника ложи-

Командующий армией генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров и член Военного совета армии бригадный комиссар П. Ф. Иванов

лась прежде всего на артиллерию, и, следовательно, специальные знания и опыт Говорова приобретали особую ценность. Последующие события показали, что сделанный выбор был весьма удачен».

В жестоких боях, слившихся в непрерывное сражение на Бородинском поле, под Можайском, в районе Дорохова и Кубинки, генерал Говоров показал себя умелым командующим армией. Танковому тарану фашистов он противопоставлял быстро сосредоточиваемую артиллерию во взаимодействии с инженерными минно-заградительными отрядами. Особо проявились качества Говорова-военачальника, волевого, без промедления и решительно действующего. Его войска громили врага на подступах к столице.

Сохранилась служебная аттестация тех лет. Вот ее скупые строки: «Можайскую и Звенигородскую оборонительные операции провел успешно. Хорошо ведет наступательные операции по разгрому можайско-гжатской группировки противника».

В беседе с Говоровым, после его назначения на новую должность, Верховный Главнокомандующий дал ему вполне определенное задание:

— Не допустить разрушения Ленинграда осадной артиллерией немцев; превратить Ленинград в абсолютно неприступную крепость; накопить силы внутри блокады для будущих наступательных операций.

Да, чрезвычайно важно было наладить активную борьбу с осадной артиллерией врага. Говоров пошел на централизацию управления всеми огневыми средствами, включая и орудия Балтийского флота. Леонид Александрович сосредоточил в штабе артиллерии фронта все планирование методического уничтожения фашистских батарей. Выделил штабу артиллерии две авиационные корректировочные эскадрильи. Это позволило заметно повысить точность стрельбы, успешно бороться с вражескими батареями. Разительными были комбинированные удары бомбардировочной и штурмовой авиации.

Генералу Говорову удалось реализовать план выдвижения позиций тяжелой артиллерии далеко вперед. Часть орудий была переброшена через Финский залив на ораниенбаумский плацдарм. Увеличилась дальность стрельбы, что дало возможность вести огонь во фланг и тыл артиллерийским группировкам врага. Массированными были удары по командно-штабным пунктам.

Говоров требовал от подчиненных конкретного знания боевой обстановки, функциональных обязанностей. Отдельные командующие армиями и командиры дивизий при докладах пытались ограничиваться изложением общей тактической обстановки и своего решения в общем виде. По их мнению, «детали» должны были раскрывать специалисты: артиллеристы, танкисты, летчики, инженеры, интенданты... Леонид Александрович быстро положил конец этому, резко отклоняя подобные доклады:

— Потрудитесь доложить сначала все сами. Будет необходимо, я спрошу и у них.

Таким вот образом командующий фронтом быстро и безошибочно обнаруживал так называемые «белые пятна» в знании общевойсковыми командирами подробностей организации взаимодействия родов войск.

В свою очередь Леонид Александрович был чрезвычайно требователен к себе. С присущей ему скрупулезностью изучал каждую из возникающих проблем и добивался ее решения. А их было бесчисленное множество. Иногда боевые приказы и распоряжения своевременно не доходили до исполнителей, часто не соответствовали уже изменившейся обстановке, нередко обнаруживалась плохая организация управления войсками, разведки, а также слабое маневрирование. Это объяснялось тем, что в начальный период войны многие командиры еще не успели приобрести твердые навыки в ведении общевойскового боя, плохо знали тактику наступательных действий гитлеровцев.

В июне 1942 года Л. А. Говоров был назначен командующим Ленинградским фронтом. Он немедленно потребовал: во-первых, всемерно развивая жестокую и устойчивую позиционную оборону блокированного Ленинграда, придать ей и максимально активные формы и, во-вторых, выполняя эту задачу, создать из внутренних сил ударную группировку для крупной

операции. Эта общая формула замысла предусматривала параллельное решение трех важнейших задач, поставленных перед ним Ставкой Верховного Главнокомандования.

По решению командующего фронтом создавалось 110 мощных узлов обороны по секторам, строились тысячи различных инженерных сооружений. Город превращался в гигантский укрепленный район, похожий на неприступные старые русские крепости с фортами. На юге и юго-западе — ораниенбаумский плацдарм, Кронштадт и Пулковские высоты, на севере — железобетонный пояс Карельского укрепленного района, на востоке — Невская укрепленная позиция.

Леонид Александрович имел свой взгляд на способы ведения боевых действий. Главное, считал Говоров, никогда и ни при каких обстоятельствах командование и войска не должны оказаться перед фактом внезапного сосредоточения группировок врага на каком-то участке. Поэтому в системе обороны Ленинградского фронта произошли существенные изменения. Она стала более стабильной, глубоко эшелонированной, многополосной, противотанковой, противоартиллерийской и противовоздушной. Получила широкое развитие система сплошных траншей, которые связывали отдельные оборонительные районы и рубежи в одно целое.

Такая организация обороны позволяла осуществлять более широкий маневр живой силой и огневыми средствами как по фронту, так и из глубины, улучшала снабжение войск боеприпасами, надежно укрывала личный состав от воздействия наземного и воздушного противника.

Напряженнейший рабочий день Говорова заканчивался далеко за полночь за разведывательными картами и оперативными сообщениями. Он анализировал данные, обдумывал решения.

В ранние предрассветные часы Говоров любил оставаться в одиночестве. Подолгу стоял у светлеющего окна. Отдыхая, уходил мыслями в прошлое. Вспоминал далекое вятское село Бутырки, где крестьянствовали его родители, город Елабугу, где учился в семиклассном реальном училище, и, конечно, Петроград, где был студентом Политехнического института, а затем юнкером Константиновского артиллерийского училища. Но чаще всего память уводила его на фронты гражданской войны под Каховку и Перекоп. Вспоминалась и предвоенная служба в Красной Армии, учеба в Военной академии имени М. В. Фрунзе, в Академии Генерального штаба.

Но Леонид Александрович не давал прошлому заслонять сегодняшнее. Усилием воли возвращался к делам фронта. Сейчас то самое время, когда перед коротким сном надо все обдумать, тщательно взвесить, как говорится, разложить по полочкам происшедшее за день, наметить очередные планы. Подходил к столику, на котором привычная, до деталей знакомая картина: карта, общая ученическая тетрадь в жестком переплете и часы с ре-

Л. А. Говоров и комиссар полка Брикульс. Одесса. 1925 г.

мешком. Записи-пометки в этой тетради у Леонида Александровича короткие, бисерным почерком, по пунктам — первое, второе, третье... Здесь и движение снайперов на фронте, и производство тяжелых снарядов в городе, и противоэпидемные мероприятия, и быстро тающий лед на ладожской Дороге жизни...

Оставаясь один на один с картой, Леонид Александрович долго и мучительно выбирал вариант прорыва блокады изнутри. Оптимальным ему казался прямой удар через Неву у поселка Невская Дубровка. При этом варианте Ленинградскому и соседнему Волховскому фронтам предстояло преодолеть до встречи каких-то 12 километров. Так по карте... А в реальной обстановке все обстояло гораздо сложнее. Форсирование полукилометровой Невы там, где фашистскими артиллеристами давно пристрелян каждый метр, грозило срывом операции. В ответ на такое предложение оперативного управления Леонид Александрович в задумчивости сказал:

— Ничего, кроме кровавой бани для нас, нельзя ожидать.

В результате глубоких раздумий, бесконечных расчетов и продолжительного обмена мнениями с членами Военного совета Говоров принял решение проводить операцию не через Неву, а вдоль ее левого берега, начиная с участка 55-й армии генерала В. П. Свиридова, восточнее населенного пункта Колпино.

Четким выглядел замысел командующего. Его одобрили члены Военного совета фронта А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Т. Ф. Штыков, начальник штаба Д. Н. Гусев и командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц. Удар вдоль левого берега открывал возможности уже при атаке переднего края использовать танки, а широкая пойма Невы позволяла применить малые катера с десантом для захвата мостов через небольшую речку Тосна. И к тому же в этом случае эффективной могла быть поддержка пехоты артиллерией.

Но в действительности замысел нанести удар через Усть-Тосно на Мгу вдоль левого берега Невы оказался нереальным из-за большого сосредоточения немецко-фашистских войск на этом направлении. Генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн сумел воспользоваться этим обстоятельством. Немецко-фашистские войска, сковав наступление наших войск, сосредоточили на флангах прорыва свежие части, переброшенные с других фронтов. Напряженные бои, развернувшиеся на всем фронте, не прекращались ни днем, ни ночью. Ожесточенными были схватки в траншеях, блиндажах, дзотах.

Таким образом, наступательная операция не решила задач по прорыву блокады Ленинграда. Советское Верховное Главнокомандование понимало, что дальнейшее наступление вдоль левого берега Невы приведет лишь к бесперспективным изнурительным боям и излишним потерям. Поэтому поступил приказ: отвести войска на исходные позиции, прочно закрепиться и подготовить

новое, более решительное наступление.

Итак, наступать надо. Но где именно? Какой выбрать оптимальный вариант?

Леонид Александрович останавливается на плане удара через Неву в районе Невской Дубровки силами трех-четырех дивизий. Ставка Верховного Главнокомандования одобрила такое решение.

Таким образом, то, чего хотел избежать Говоров месяц назад — форсирование Невы на старом, избитом и пристрелянном участке в районе Невской Дубровки,— не миновало его. Но изменилась обстановка. Потребовалась помощь войскам Волховского фронта, против которых были брошены отборные фашистские дивизии. Они грозили локализовать наметившийся прорыв в районе Синявино.

Трое суток было отведено на подготовку боевых действий на новом направлении. За столь короткое время требовалось закончить все приготовления к сложной операции прорыва с форсированием водной преграды.

Генерал Говоров выехал в район Невской Дубровки вместе с начальником артиллерии полковником Г. Ф. Одинцовым и начальником инженерных войск полковником Б. В. Бычевским. Отсюда хорошо просматривалась река и будущий плацдарм. С этих позиций можно было вести точный прицельный огонь, оставаясь почти неуязвимым.

Сентябрьские бои 1942 года — войск Волховского фронта под Синявино и Ленинградского фронта в районе Невской Дубровки — были важной страницей летописи героической битвы за Ленинград. Развить успех нашим войскам тогда не удалось. Но несмотря на это наше наступление вынудило немецко-фашистское командование привлечь сюда крупные силы, предназначенные для штурма Ленинграда.

Напряженно и с увлечением Говоров вместе с членами Военного совета и штабом готовил операцию по прорыву блокады города Ленина. Разумеется, учитывая уроки осенних боев. В условиях зимы не нужны лодки и понтоны, но в то же время возникало немало других проблем. Противоположный берег Невы высок, обрывист, покрыт льдом. Понадобится много штурмовых лестниц, веревок с крючьями, шипов на ботинки. Но самое главное — переправа по льду тяжелых танков.

В ходе подготовки к прорыву командующему, его штабу предстояло учесть весь объем предстоящих задач, продумать все буквально до мелочей.

Леонид Александрович обычно не раскрывал характер своих оперативных планов. У него был определенный метод ориентации офицеров и генералов штаба: формулировка главных задач на ближайшее время.

— Необходимо отрабатывать действия шаг за шагом,— указывал Говоров начальнику штаба фронта генералу Дмитрию Ни-

Л. А. Говоров и А. А. Жданов. 1943 г.

колаевичу Гусеву.— Организуйте штабные занятия, учения и тренировки.

— Спланируем все,— отвечал генерал Гусев.— Используем это время с максимальной пользой.

— Верно,— одобрительно соглашался Леонид Александрович.— Каждому командиру и бойцу не мешало бы тщательно отрепетировать предстоящие действия. Чем лучше сумеют это сделать, тем меньше потерь.

— Задача ясна,— записывал в рабочую тетрадь указания командующего начальник штаба фронта.— Я вам доложу свои соображения.

— Не теряйте ни минуты времени,— сказал на прощанье Говоров.— Постарайтесь без промедления приступить к обучению людей.

Командиры и бойцы каждодневно учились преодолевать ледовые переправы, проводили боевые стрельбы. Сам Леонид Александрович находил время для занятий с командирами дивизий, начальниками родов войск, проводил вместе с ними летучки на картах и демонстрировал действия на местности.

Очень полезными были беседы с А. А. Ждановым. С ним Леонид Александрович многократно уточнял сложившуюся оперативно-тактическую обстановку, условия местности, возможности противника на каждом направлении.

Перед началом боевых действий Ставка Верховного Главнокомандования пополнила войска фронта пехотой, танковыми формированиями, реактивной артиллерией, новыми самолетами. Если раньше прорыв блокады предусматривался только с внешней стороны кольца, то теперь и внутренние силы города-крепости имели значительные ресурсы и их можно было использовать. По существу, в этом состояла основная идея планируемой операции: нанести одновременный удар с двух сторон.

Главная задача отводилась 67-й армии генерала М. П. Духанова, в которой была создана ударная группировка. Участок прорыва для удара через Неву выбирался несколько выше, чем район сентябрьских боев, ближе к Шлиссельбургу. Местность еще труднопроходимее, чем у Невской Дубровки. Берег на этом участке очень крутой. Здесь, конечно, не обойтись без саперов со взрывчаткой — иначе боевые машины могут завязнуть и оторваться от атакующей пехоты.

В последнюю ночь перед выходом дивизий в исходное положение на берег Невы их личный состав был ознакомлен с коротким приказом-обращением Военного совета фронта к войскам 67-й армии. «Перейти в решительное наступление,— говорилось в нем,— разгромить противостоящую группировку противника и выйти на соединение с войсками Волховского фронта, идущими с боями нам навстречу, и тем самым разбить осаду Ленинграда.

Военный совет Ленинградского фронта твердо уверен в том, что войска 67-й армии с честью и умением выполнят свой долг перед Родиной.

Дерзайте в бою, равняйтесь только по передовым, проявляйте инициативу, хитрость, сноровку!

Слава храбрым и отважным воинам, не знающим страха в борьбе!

Смело идите в бой, товарищи! Помните: вам вверены жизнь и свобода Ленинграда.

Пусть победа над врагом овеет неувядаемой славой ваши боевые знамена!

Пусть воссоединится со всей страной освобожденный от вражеской осады Ленинград!

В бой, в беспощадный бой с врагом, мужественные воины!»

Призывные слова дошли до каждого солдата, вызвали патриотический подъем и вдохновение.

Леонид Александрович высоко оценил работу политического управления фронта, политорганов, партийных и комсомольских организаций по созданию высокого наступательного порыва войск. В частности, с его одобрения проводились встречи воинов с рабочими делегациями из Ленинграда. Старые рабочие-питерцы, участники разгрома Юденича под Петроградом в 1919 году, напутствовали молодых бойцов в бой.

12 января 1943 года началось историческое сражение, которое стало одной из ярких страниц битвы за город Ленина.

Штурм занятого врагом берега Невы можно сравнить со знаменитым штурмом русскими войсками под командованием Александра Васильевича Суворова крепости Измаил. Незадолго перед боем бойцы и командиры побывали на могиле великого полководца и дали клятву бить врага так, как завещал Суворов. Сводный оркестр играл «Интернационал», и под его могучие аккорды стремительно шли в атаку воины. Перед самым штурмом более 2 тысяч солдат и офицеров подали заявление о приеме их в партию и комсомол.

Бои начались одновременным броском через Неву по льду четырех дивизий после ураганного огня всей сконцентрированной Говоровым артиллерии. Прямой наводкой она уничтожала береговые огневые точки врага. В центре шла 136-я дивизия генерала Н. П. Симоняка. Леонид Александрович особенно тщательно готовил ее как головную, от действия которой во многом зависел успех всего разыгравшегося сражения.

О бойцах, проявивших в тех боях беспримерный героизм, ленинградский поэт Анатолий Чепуров писал:

Люди Невской Дубровки
Так сражались, держались,
Что на каменной бровке
Дни и ночи смешались...

Под музейною крышей
Партбилеты, винтовки,
Вас я вижу и слышу,
Люди Невской Дубровки.

Продвинувшись вперед, дивизия вбила клин в расположение врага. Все глубже и глубже проникали войска, несмотря на ураганный огонь и непрерывные контратаки фашистов.

Говоров и члены Военного совета, большая часть руководящего состава фронта находились на командных пунктах армий и дивизий. Двое суток кипели бои в районе Невы. Яростны и скоротечны были воздушные схватки истребителей в воздухе, длительны штурмы зданий, дотов и блиндажей, где, бешено сопротивляясь, дрались фашисты. Ценою невероятных усилий удавалось выкуривать их оттуда.

Разумеется, не все получалось гладко, как по заранее спланированному сценарию. Случались досадные срывы и неувязки: то отстала одна из дивизий, то другая неожиданно оказалась с незащищенными флангами. А ведь от каждой из них во многом зависела судьба вершины клина, вбитого в боевые порядки врага. Порою Леонид Александрович с трудом сдерживался, стараясь ничем не выдать своего беспокойства и волнения в те минуты, когда вдруг захлебывалась удачно начатая атака и приходилось в который уже раз повторять все с начала. В таких экстремальных ситуациях особенно концентрируются воля и ум командующего, чрезвычайно важны четкость в работе штабов, безотказность связи, накал партийно-политической работы.

Войска Волховского фронта были уже совсем близко. До них,

как говорится, рукой подать — всего 8 километров. Но каких невероятных усилий стоило пройти эти километры на поле разыгравшегося боя!

Однажды в те напряженные дни Леониду Александровичу показали один трогательный человеческий документ. То было письмо начальника штаба полка 23-й гвардейской стрелковой дивизии Ленинградского фронта капитана Г. П. Масловского сыну Юрию. «Ну вот, мой милый сын,— писал коммунист-фронтовик,— мы больше не увидимся. Час назад я получил задание командира дивизии, выполняя которое живым не вернусь... Славному городу Ленина — колыбели революции — грозит опасность. От выполнения моего задания зависит его дальнейшее благополучие. Ради этого великого благополучия буду выполнять задание до последнего вздоха, до последней капли крови... Рассказывая тебе обо всем подробно, хочу, чтобы ты знал, кто был твой отец, как и за что отдал жизнь. Вырастешь большим — осмыслишь, будешь дорожить Родиной».

Генерал Говоров не мог скрыть охватившего его душевного волнения. Задумался. Его сыну Владимиру шел восемнадцатый год, юноша просился на фронт, в самое пекло. Но Леонид Александрович оставался непреклонен: «Ты хочешь воевать с фашистами немедленно? Но сначала научись военному делу, освой боевую специальность — тогда принесешь больше пользы для армии».

Спать в то время приходилось урывками: час-другой. То и дело изменялись время и направления ввода в бой дивизий и бригад, с работы над картой нужно было переключаться на поездки в войска, не выпуская из-под контроля ни одной детали в динамике широко развернувшегося сражения.

Враг пытался спасти положение, бросая в контратаки все новые и новые резервы. Говоров противопоставлял этому непрерывное наращивание силы ударов авиации, артиллерии.

Семь суток с неослабевающим упорством наступали советские войска и от Невы и из-за Ладоги. Об остроте напряжения боев можно судить по темпам продвижения —1—2 километра в сутки. Причем бои ни на минуту не прекращались и в ночное время. На 14 января расстояние между частями Ленинградского и Волховского фронтов составляло 4 километра, а через два дня сократилось до 1 километра.

Наконец, наступил день 18 января. Он вошел в историю легендарной Ленинградской эпопеи яркой незабываемой страницей. Кольцо блокады Ленинграда наконец-то разорвано! Военно-политический резонанс этой победы советских войск был огромен.

Люди высыпали на улицу. Улыбки, слезы. Город украшен флагами. В районе рабочих поселков № 5 и № 1 по-братски обнялись воины Ленинградского и Волховского фронтов. В тот день на лице Говорова впервые за долгие месяцы засветилась улыбка. Он был поистине счастлив от сознания свершенного.

После ожесточенных боев на фронте наступило короткое затишье. Наступательные действия велись лишь на отдельных направлениях, ограниченными силами с целью разведки и улучшения положения войск. Командиры и бойцы использовали это время для учебы на боевом опыте, накопленном в предыдущих сражениях.

Однажды к Говорову в землянку на берегу Ладожского канала был вызван командир 116-го инженерного батальона майор М. И. Соломаха.

— Здравствуйте, товарищ Соломаха,— поздоровался командующий, внимательно оглядев вошедшего.— Слышал много о вас. Знаю, что собираетесь провести ночную атаку высоты батальоном. Так это?

— Так точно, товарищ командующий.

— Скажите, пожалуйста, это решение продуманное или ничем не подкрепленная затея?

— Все построено на точном расчете. Дело в том, что дневные атаки пехоте не удаются. Фашистам каждый шаг виден на болотах. Саперы привыкли к действиям ночью. Вот и предлагаю захватить высоту и передать ее пехоте.

— Коротко, но не совсем ясно,— улыбнулся Говоров, продолжая с интересом разглядывать майора.

— По аэрофотоснимку мы построили в тылу точную копию фашистских укреплений и вот уже несколько ночей тренируемся гам. Каждый освоил свой отрезок дистанции. Вот план боя...

Командующий внимательно рассматривал схему участка, позиции врага. Долго уточнял все детали ночной атаки и остался доволен — чувствовалась основательная подготовка, глубокое знание дела.

— А вы лично пойдете с батальоном?

— И я, и мой заместитель по политической части. И весь штаб тоже.

Говоров разрешил этот необычный штурм лишь после того, как сам лично проверил одну из ночных тренировок батальона. И был доволен, когда ему доложили, что саперы отбили у врага высоту.

В последующие месяцы началась активнейшая подготовка командования, штаба и войск Ленинградского фронта к решающим сражениям за полный разгром фашистов под стенами невской твердыни. Говорову предстояло в те дни завершить Синявинскую операцию по овладению всей ключевой позицией врага — главными высотами в обширном болотистом районе Синявино. Трое суток гвардейские дивизии штурмовали мощный узел противника, полностью очистив его. Войска начали постепенную и скрытую переброску главных сил к центру, а затем на правое крыло.

В основе общего замысла Л. А. Говорова и А. А. Жданова,

Командующий Ленинградским фронтом генерал-полковник Л. А. Говоров и начальник тыла Красной Армии генерал-полковник А. В. Хрулев. 1943 г.

представленного в Ставку Верховного Главнокомандования, было стремление лишить противника возможности маневрирования и создать двойное окружение основных сил группы армий «Север».

В самый разгар подготовки к операции пришла приятная весть: Леониду Александровичу Говорову постановлением Совета Народных Комиссаров было присвоено звание генерала армии. Это означало признание его как полководца.

А впереди еще был решительный и полный разгром противостоящих вражеских войск.

11 января 1944 года Л. А. Говоров и А. А. Жданов на заседании Военного совета фронта подвели итоги подготовки войск к операции и объявили день ее начала. Леонид Александрович, как всегда, был лаконичен. Он подчеркивал: на правом фланге одной из наших армий появилась моторизованная бригада СС «Нидерланды». Она переброшена из Европы. Это усиление противника нужно учитывать.

Андрей Александрович Жданов, в свою очередь, обратил внимание на необходимость подъема партийно-политической работы, воспитания наступательного порыва у личного состава частей, длительное время находившихся на оборонительных позициях. «Действия в наступлении требуют большего напряжения сил, инициативы, мужества,— нацеливал он.— Поэтому и важна забота о высоком политико-моральном состоянии войск».

Операция по прорыву и полному разгрому немецко-фашистских

войск началась, по существу, еще в ночь на 14 января 1944 года внезапным авиационным ударом по наиболее важным целям в глубине обороны врага. Особое беспокойство Говорова вызывала сильная группировка тяжелой дальнобойной артиллерии в районе хутора Беззаботного, к югу от Стрельны. Вражеские батареи там были укрыты в прочных долговременных сооружениях и могли маневрировать огнем в обоих направлениях намечавшегося наступления советских войск.

В первый день операции войска 30-го гвардейского корпуса генерала Симоняка протаранили позиции главной полосы обороны гитлеровцев на глубину от 1,5 до 4,5 километра. Справа и слева части 109-го и 110-го корпусов генералов Алферова и Хазова еще продолжали с ожесточением взламывать первую позицию. Войска 2-й ударной армии генерала Федюнинского сражались за ключевые узлы дорог в районе Гостилицы.

Несмотря на яростное сопротивление врага, опиравшегося на мощный оборонительный рубеж, сила ударов наших войск наращивалась. Говоров все более убеждался, что все его предположения и расчеты подтверждаются. И когда подвижные группы 42-й и 2-й ударной армии замкнули кольцо вокруг красносельско-ропшинской группировки, он не смог скрыть от окружающих своей улыбки.

19 января столица нашей Родины Москва салютовала войскам Ленинградского фронта двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. Радио передало по стране приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Говорову с объявлением благодарности войскам и о присвоении соединениям и частям, отличившимся в этих боях, наименований Красносельских и Ропшинских.

27 января Военный совет Ленинградского фронта издал специальный приказ своим войскам в ознаменование победы. Его подписали командующий генерал армии Л. А. Говоров, члены Военного совета генерал-лейтенант А. А. Жданов, генерал-лейтенант А. А. Кузнецов, генерал-майор Н. В. Соловьев и начальник штаба фронта генерал-лейтенант Д. Н. Гусев. Этот приказ был обращен также и к морякам Балтийского флота, ко всем трудящимся города Ленина.

«В итоге боев,— отмечалось в нем,— решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника.

...Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы».

В этот вечер город Ленина салютовал доблестным войскам всего Ленинградского фронта. Говоров и Жданов решили дать салют стольким числом орудий, сколько их было в черте города.

Боевые действия теперь разворачивались на очень обширном фронте: на западе и юге — под Нарвой и Псковом, на севере — на Карельском перешейке.

Лесистая, бездорожная, с незамерзающими болотами местность чрезвычайно затрудняла действия наших войск. Советские соединения, наступавшие на Нарвском направлении, вели бои с целью уничтожения противника и одновременно производили перегруппировку сил и средств для перехода в общее наступление. Они освободили город Нарву, прорвали оборону врага между Нарвским заливом и озером Чудское, нанеся главный удар в юго-западном направлении на город Пярну. Тем самым были созданы благоприятные условия для полного очищения от немецко-фашистских захватчиков территории Эстонской ССР. На Псковском направлении наши войска овладели основными узлами коммуникаций врага и важнейшими опорными пунктами на пути в Прибалтику.

В итоге трехдневных наступательных боев советские войска прорвали первую полосу обороны противника на Карельском перешейке и, развивая наступление в глубину и в сторону флангов, расширили прорыв по фронту до 60 километров. Поставленные войскам задачи были выполнены.

Генерал Говоров подвел итоги только что закончившихся боев. Отмечал искусство командиров, их умение достигать решительных целей в наступлении на сильно укрепленную оборону врага. Сравнительно высокий темп наступления был обеспечен прежде всего значительным превосходством в силах и средствах над противником, гибким маневром в ходе операции, хорошей организацией ночных боевых действий, а также высокими морально-боевыми качествами советских воинов. Тут же Леонид Александрович вручил наиболее отличившимся командирам и бойцам награды Родины.

Командующий говорил не только об успехах и достижениях. Он подробно остановился и на недочетах, привел факты безответственного отношения к делу. Об одном таком эпизоде следует рассказать подробнее.

Во время наступательной операции на нарвском участке командир одного из корпусов дал в штаб фронта срочную заявку на бомбовый удар авиации по противнику перед атакой своих частей. Однако атака задержалась, а авиация об этом своевременно не была предупреждена. Бомбежка вражеских позиций успеха не принесла. Говоров слушал молча. Сидел, положа руки на стол и разминая пальцы, словно они озябли. Иногда поводил локтями по столу, как бы недовольно ворочаясь, посматривая исподлобья. На скулах заходили желваки.

Леонид Александрович сильно разгневался, вспылил. Немедленно дал указание начальнику штаба фронта подготовить приказ... об удержании с командира корпуса стоимости вылета авиационного полка. При этом Леонид Александрович раздраженно добавил:

— Пусть не тратит зря народные деньги.

Начальник штаба пытался доказать командующему, что не только генералу, но и его детям за всю жизнь не расплатиться за этот самый перерасход горючего и боеприпасов. Говоров стоял на своем до тех пор, пока А. А. Жданов, и то не без труда, уговорил его не подписывать такой приказ. Все знали, что добиться отмены приказа командующего фронтом или принятого им решения — дело очень трудное.

Для Леонида Александровича характерен и такой эпизод. Однажды Говоров присутствовал на совещании архитекторов только что освобожденного от блокады Ленинграда. Собравшиеся несколько смутились, когда Леонид Александрович спросил, не нужна ли им какая-либо конкретная помощь от него. Главный архитектор Н. В. Баранов с благодарностью отметил, что командование и войска, особенно артиллеристы и летчики, борясь с осадной артиллерией врага, и так неизмеримо много сделали для спасения архитектурных ценностей города. А сейчас они, архитекторы, размышляют уже о новом будущем городе. Говоров помолчал, задумавшись, а потом сказал:

— Да, конечно, очень важно будущее. Но не думаю, товарищ Баранов, чтобы вы забыли при этом о прошлом. Не знаю, как вам, а мне не раз за эти годы приходила мысль, что, кроме военных усилий армии и населения, сама архитектура Ленинграда — я имею в виду самый широкий смысл этого слова — во многом способствовала успеху борьбы за него в условиях осады. Как вы думаете?

Н. В. Баранов, как он впоследствии вспоминал, никак не ожидал такого оборота в разговоре с командующим фронтом. Главный архитектор и военачальник быстро нашли общий язык. Оба давно и глубоко изучили историю строительства Петербурга во всех аспектах: здесь прекрасно сочетались военная устремленность, боевое могущество и строгая красота эпохи.

Битва за Ленинград, по праву занявшая место в одном ряду с другими выдающимися победами Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, является героической эпопеей в истории нашей Родины, ярчайшей страницей летописи подвигов советских людей. Среди них и подвиг генерала Говорова, которого всегда будет помнить город на Неве.

На заключительном этапе одной из финальных операций, проведенных войсками Ленинградского фронта,— операции по разгрому финской армии на Карельском перешейке, на государственной границе с Финляндией, пришла радостная весть: Указом

Маршал Советского Союза Л. А. Говоров и прославленный полярник П. П. Ширшов. 1945 г.

Президиума Верховного Совета СССР от 18 июня 1944 года Леониду Александровичу Говорову было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Вскоре войска Ленинградского фронта успешно осуществили Таллинскую наступательную операцию и освободили Эстонию. Несколько позже — острова Моонзундского архипелага. 8 мая 1945 года в Курляндии перед нашими войсками сложили оружие две вражеские армии. Военный совет фронта доложил Ставке Верховного Главнокомандования, что в результате капитуляции немецко-фашистских войск Курляндский полуостров очищен от противника. Всего сдалось в плен более 189 тысяч солдат и офицеров, 42 генерала. Трехлетнее фашистское иго на временно оккупированных советских землях было низвергнуто.

Послевоенная деятельность Л. А. Говорова была такой же плодотворной и разносторонней.

Его заслуги по достоинству оценены Родиной. Ему присвоено звание Героя Советского Союза. Он награжден пятью орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, орденами Кутузова I степени, Красной Звезды, медалями и иностранными орденами, высшим советским военным орденом «Победа». Имя Л. А. Говорова увековечено в названии Радиотехнической академии Войск противовоздушной обороны, ленинградской улицы, теплохода на Балтике.

ЧЕРЕЗ ТРИ ВОЙНЫ

Маршал Советского Союза Федор Иванович Толбухин

(1894—1949)

На Правобережной Украине вовсю шумела весна 38-го года. По-весеннему радостно было и на душе высокого, стройного старшего политрука Евдокима Егоровича Мальцева. Он получил приказ о назначении комиссаром 72-й стрелковой дивизии и торопился к новому месту службы. Благо и ехать-то никуда не надо было. Штаб дивизии расположился в том же Винницком гарнизоне, где был расквартирован артиллерийский полк, в котором он был комиссаром.

Командира дивизии Федора Ивановича Толбухина вновь назначенный комиссар нашел в его просторном, скромно обставленном кабинете.

«Навстречу мне, оторвавшись от карты, разложенной на большом столе, поднялся высокий, русоволосый, с приятным, типично русским лицом комбриг,— вспоминал, спустя многие годы, генерал армии Мальцев.— Выслушав мой строго уставной доклад, Ф. И. Толбухин вышел из-за стола, поздоровался со мной и предложил сесть... Только теперь я заметил, что комбриг излишне

полноват. Густые волосы, зачесанные на пробор, голубые проницательные глаза, заметно обозначившийся второй подбородок...»

Понравилась комиссару прямота комбрига, его обстоятельный рассказ о положении дел в дивизии, о задачах, которые нужно решать немедля, о трудностях, недостатках в работе.

— А сами-то откуда родом? Кто родители? Велика ли семья? — поинтересовался Федор Иванович.

Внимательно выслушав ответ, улыбнулся:

— Так, значит, из орловских мужиков. Это хорошо. В первую мировую я воевал вместе с вашими земляками. Обстоятельные, трудолюбивые, спокойные люди. У меня о них остались приятные воспоминания. А я — ярославский.

Родился Федор Иванович в деревне Андроники на Ярославщине, в многодетной крестьянской семье. Хотя и трудно было, окончил церковноприходскую школу, потом учился в земском училище в соседнем селе Давыдково (ныне Толбухино). После смерти отца, чтобы облегчить жизнь семьи в деревне, Федора забрал с собой в Петербург его старший брат Александр. Скрепя сердце, со слезами на глазах проводила мать, Анна Григорьевна, своего сына в далекий путь. На руках у нее осталось еще четверо малышей.

Определили Федора в торговую школу, которую он окончил в 1910 году. Затем работал бухгалтером в Мариинском товариществе Клочкова и К° и продолжал учиться. Сдал экстерном экзамен за полный курс Петербургского коммерческого училища. Но торговца из него не вышло. В коммерческих делах разбирался плохо, был скромен, стеснителен и честен. Заповедь «не обманешь — не продашь» явно не подходила к его характеру.

Начавшаяся первая мировая война определила Толбухину другую судьбу. В декабре 1914 года он был призван на военную службу и после короткой учебы в школе шоферов направлен рядовым мотоциклистом на Северо-Западный фронт. А два месяца спустя поступил в Ораниенбаумскую офицерскую школу и по окончании ее был произведен в прапорщики. Попал на Юго-Западный фронт во 2-й пограничный Заамурский пехотный полк. Назначили Толбухина командиром роты.

Суровая фронтовая обстановка оказала влияние на формирование молодого офицера. В солдатских массах зрел протест против кровавой войны. Выходец из деревни, Толбухин не мог отделить себя от солдат. Он жил настроениями своей роты. Февральская революция застала Федора Ивановича в 13-м пограничном Заамурском полку. Солдаты избрали его в полковой комитет, где он выполнял обязанности секретаря, а в последующем председателя. Закончил первую мировую войну командиром батальона, штабс-капитаном.

После Великой Октябрьской социалистической революции Федор Толбухин возвратился в родную деревню. А в августе 1918 го-

да, когда общее собрание граждан Сандыревской волости избрало его военным руководителем, он сформировал военкомат. С этого времени, с организации военного обучения запасников, исчисляется срок его службы в Красной Армии. Летом 1919 года он уже на Западном фронте, после окончания школы штабной службы был назначен помощником начальника штаба по оперативной части 56-й стрелковой дивизии. Затем Федор Иванович занимал должность начальника штаба дивизии, начальника оперативного отдела штаба армии, принимал активное участие в боях с белогвардейцами на Северном и Западном фронтах.

Межвоенные годы для Ф. И. Толбухина были годами становления, духовного и теоретического роста, формирования его как военачальника. Он заканчивает курсы усовершенствования высшего комсостава, Военную академию имени М. В. Фрунзе, возглавляет штабы стрелковых корпусов, командует дивизией.

В июле 1938 года Ф. И. Толбухина вызвали в Москву. В назначенное время комбриг вместе с начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым был в приемной Генерального секретаря ЦК ВКП(б). Должен был решиться вопрос о назначении Толбухина на должность начальника штаба Закавказского военного округа. Федор Иванович очень волновался. Как отнесется к нему, бывшему штабс-капитану, женатому на дочери графа, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б)? Зашли в кабинет. Сталин поднялся из-за стола и, поглаживая усы потухшей трубкой, спросил:

— Так это и есть Толбухин?

— Да, это комбриг Толбухин,— поторопился ответить Б. М. Шапошников.

— Что же получается, товарищ Толбухин, царю-батюшке служили, а теперь Советской власти служим?

— Служил России,— ответил Толбухин.

— До каких же чинов дослужились у царя и какими наградами он вас пожаловал? — задал очередной вопрос Генеральный секретарь, кажется, пропустив мимо ушей ответ Толбухина.

— В последнее время был штабс-капитаном. Награжден двумя орденами — Анны и Станислава.

— Так-так, штабс-капитан с Анной на груди и женатый на графине.

С Федора Ивановича пот лил градом.

Сталин быстрым и пронзительным взглядом смерил высокого и тучного Толбухина.

— А орден Красного Знамени за что получили? — прохаживаясь вдоль стола, спросил он.

— За польский поход.

— Ну хорошо, вы свободны.

Уже окончательно растерянный Толбухин оставил кабинет. Через пять минут вышел и Б. М. Шапошников. Молча сели в маши-

ну, молча ехали в здание Генерального штаба. Только когда Федор Иванович остался с Б. М. Шапошниковым один на один, начальник Генерального штаба в своей обычной мягкой манере спросил:

— Ну что, батенька, здорово вы перетрусили?

— Было, товарищ командарм,— признался Ф. И. Толбухин.

— А все обошлось самым лучшим образом,— поблескивая стеклами пенсне, сказал Б. М. Шапошников.— Вы назначены начальником штаба Закавказского военного округа и награждены по предложению Генерального секретаря орденом Красной Звезды. Завтра награду вам вручат в управлении кадров. Желаю успехов!

В полную силу полководческий талант Федора Ивановича Толбухина раскрылся в годы Великой Отечественной войны. В июле 1942 года он был назначен командующим 57-й армией, которая в течение трех месяцев вела тяжелые оборонительные бои южнее Сталинграда, в районе Красноармейска. Особенно трудно пришлось в 20-х числах августа. Лавина за лавиной накатывались на наши позиции фашистские танки, за ними густыми цепями шла пехота, беспрерывно бомбила авиация. Враг рвался к командным высотам волжского берега, стремился зацепиться за южную окраину Сталинграда.

В самые трудные минуты командарм проявлял самообладание, непоколебимо верил в силу и стойкость своих войск. Своевременно раскрывая замыслы немецкого командования, он умело руководил и маневрировал прибывшими на помощь армии фронтовыми резервами, добиваясь срыва вражеских планов. Несмотря на большие потери, 4-й танковой армии генерала Гота так и не удалось прорваться на высокий берег Волги у Красноармейска. 57-я армия с честью выполнила свой долг перед Родиной.

Глубокую любовь и уважение снискал в тех боях командарм Толбухин среди своих подчиненных. Один из них, бывший командир 422-й стрелковой дивизии И. К. Морозов, вспоминая огненные дни и ночи 42-го, пишет: «С самого начала своих действий под Сталинградом и до перехода в контрнаступление 20 ноября 1942 года 57-я армия без шума, спешки, продуманно и организованно вела оборонительные бои и частные наступательные операции. Мы называли ее армией порядка и организованности и любили ее командование за исключительно внимательное и бережное отношение к людям, к воинам, в каком бы звании они ни были».

В бытность Ф. И. Толбухина командующим Южным фронтом к нему на пост начальника штаба фронта прибыл Сергей Семенович Бирюзов. В своих мемуарах о совместной работе с Толбухиным в то время он писал: «Федор Иванович Толбухин по моим тогдашним представлениям был уже пожилым, то есть в возрасте около 50 лет... Он производил впечатление очень доброго человека. Впоследствии я имел возможность окончательно убедиться

в этом, как в другом весьма характерном для Толбухина качестве — его внешней невозмутимости и спокойствии. Мне не припоминается ни одного случая, когда бы он вспылил. И не удивительно поэтому, что Федор Иванович откровенно высказывал свою антипатию к чрезмерно горячим людям...

Первое время командующий строго контролировал все мои действия. Это даже вызывало досаду. Но вскоре мне была предоставлена полная самостоятельность. Мы настолько сработались, что стали понимать друг друга с полуслова.

Я глубоко уважал Федора Ивановича. Он отвечал мне тем же, а самое главное, стал доверять во всем».

В июле 1943 года развернулось невиданное сражение на Курской дуге. В это время войскам Южного фронта было приказано прорвать сильно укрепленную оборону немцев на реке Миус и развить наступление на Сталино (ныне Донецк). Важно было здесь сковать противника.

Наступление началось 17 июля. Противник оказывал яростное сопротивление. Он стремился удержать Донбасс любой ценой. К участку, где наносился наш главный удар, немцы немедленно подтянули свои резервы, бросили большое количество авиации. Ценой огромных человеческих жертв им удалось приостановить наступление советских войск. И все же основная цель, которую преследовала Ставка,— сковать противника — была достигнута. Немецкому командованию не удалось снять с Миус-фронта и отправить под Курск ни одной дивизии.

Но сокрушить оборону гитлеровцев на реке Миус было необходимо, чтобы освободить Донбасс и развивать наступление в сторону Днепра. И такая задача была поставлена войскам Юго-Западного и Южного фронтов. Много размышлял Федор Иванович над тем, как организовать предстоящее наступление. И решил: «Рвать оборону будем на узком участке фронта сосредоточенным ударом авиации, артиллерии, танков и пехоты».

В предрассветных сумерках 18 августа бомбардировочная авиация нанесла удары по резервам противника, его железнодорожным станциям, штабам и пунктам управления. А затем заговорил «бог войны» — артиллерия...

Прильнув к окулярам стереотрубы, Толбухин отчетливо видел, как дружно поднялась пехота и рывком, вслед за танками, бросилась вперед. Но тут же танки и пехота потонули в непроницаемой завесе из гари и пыли, стеной взметнувшейся вдоль западного берега Миуса. Пульс боя позволяла чувствовать хорошо налаженная связь и грохот разрывов, перемещавшихся все дальше и дальше в глубь вражеской обороны.

К концу второго дня наступления противостоявшая Южному фронту группировка противника была расчленена на две части, а ее фланги оказались открытыми для ударов с севера и юга.

Взятый в плен гитлеровский офицер на допросе не скрывал

К. А. Гуров и Ф. И. Толбухин. 1943 г.

удивления, что советским войскам удалось преодолеть такие прочные оборонительные сооружения, и заявил:

— Вы прорвали Миус-фронт, и вместе с этим у немецкого солдата рухнула вера в самого себя и в своих начальников.

Толбухин решил перегруппировать свои подвижные войска, ввести дополнительно в прорыв кавалерийский корпус и ударом в южном направлении разгромить немецко-фашистскую группировку в районе Таганрога. Выполняя это решение, кавалерийский и механизированный корпуса отрезали пути отхода гитлеровским войскам из района Таганрога на запад.

Через три дня радио Москвы разнесло по всей стране приказ Верховного Главнокомандующего: «Войска Южного фронта,— говорилось в нем,— после ожесточенных боев разгромили таганрогскую группировку немцев и сегодня, 30 августа, овладели городом Таганрог. Эта победа, одержанная нашими войсками на юге, достигнута путем смелого маневра конных и механизированных соединений, прорвавшихся в тыл вражеских войск. В результате проведенной операции наши войска полностью освободили Ростовскую область от немецких захватчиков».

А вскоре Родине был возвращен и Донецкий бассейн — важный угольный и промышленный район юга нашей страны.

Не меньше чем уголь стране нужен был никопольский марганец и криворожская железная руда. Но путь к ним заслонял оборонительный рубеж гитлеровцев на реке Молочной. Немецко-фашистское командование придавало этому рубежу важное значение. И, пытаясь повысить стойкость своих войск, обещало за удержание обороны выплатить офицерам тройной оклад, а всех солдат наградить железными крестами.

Но тщетно. Умело маневрируя силами и средствами, своевременно перенеся главный удар на другое направление, командующий 4-м Украинским (так стал именоваться Южный фронт) еще раз показал, что советская школа военного искусства выше хваленой прусской. 23 октября 1943 года Москва торжественно салютовала освободителям Мелитополя — воинам 4-го Украинского фронта.

А Федор Иванович, поздравляя командармов, поторапливал их с продвижением к Днепру и Крымскому перешейку, чтобы не дать отступающему противнику опомниться. Для развития успеха он ввел в прорыв 19-й танковый корпус генерала И. Д. Васильева и 4-й гвардейский Кубанский кавалерийский корпус генерала Н. Я. Кириченко. В начале ноября наши передовые отряды, ворвавшиеся в ворота Крыма — на Перекопский перешеек, достигли Турецкого вала.

Знаменитый Турецкий вал, протянувшийся от Сиваша до Каркинитского залива и пересекающий весь перешеек, издревле известен как грозное укрепление. Этот вал десятиметровой высоты с прикрывающими подступы к нему глубокими рвами, запол-

ненными водой, в 1920 году, в период гражданской войны, пришлось штурмовать красноармейским полкам, руководимым М. В. Фрунзе, чтобы выбить из Крыма Врангеля. С ходу преодолеть столь мощный оборонительный рубеж было бы, бесспорно, серьезным успехом. Но ведь и немецко-фашистское командование так просто не уступит Турецкий вал. Слишком очевидно его значение для обороны Крыма.

Действительно, противник вскоре опомнился. Его крупный гарнизон, располагавшийся в Армянске, оказал упорное сопротивление нашим войскам, начал ожесточенные контратаки с целью вернуть утраченные позиции. Танкисты и кавалеристы оказались в тяжелом положении, несли большие потери. Генерал Васильев был ранен, но остался в строю и принял решение удерживать занятый район.

Ознакомившись с содержанием поступившей от него в штаб фронта телеграммы с просьбой выделить дополнительные войска для дальнейшего развития успеха, генерал армии Толбухин не скрывал своего волнения:

— Генерал Васильев — из героев герой! Можно ли представить, сколько солдатских жизней будет спасено, если мы уже теперь лишим врага возможности отсиживаться за Турецким валом и нам не нужно будет брать его штурмом, когда начнется Крымская наступательная операция. Немедленно сообщите Васильеву, что основные силы кубанцев, а также и войска Крейзера подходят к Перекопу.

Помощь воинам-героям была оказана своевременно. К утру к Перекопскому перешейку подошла конница Кириченко и стрелковые войска армии Крейзера. Совместным ударом они прорвали вражеское кольцо и соединились с частями 19-го танкового корпуса.

Успешный захват плацдарма на Сивашском направлении, Никопольско-Криворожская операция ставили перед войсками, руководимыми Толбухиным, на очередь освобождение Крыма. Совместно с войсками 4-го Украинского фронта в операции должны были принять участие войска Отдельной Приморской армии, занимавшей плацдарм на Керченском полуострове, Черноморский флот, Азовская военная флотилия, партизаны Крыма, авиация 8-й и 4-й воздушных армий и ВВС флота.

Подготовка к операции шла полным ходом. В соответствии с замыслом командующего фронтом солдаты и сержанты обучались действиям в составе штурмовых групп и отрядов, умению вести бой в траншеях и ходах сообщения, наступлению за огневым валом. Офицеры совершенствовались в управлении подразделениями, организации взаимодействия и боевого обеспечения. Вместе с начальником штаба и командующими родами войск Ф. И. Толбухин провел оперативную игру, в которой участвовали штабы армий, командиры корпусов и дивизий.

8 апреля после мощной артиллерийской подготовки и массированных бомбовых ударов нашей авиации по всему фронту началось наступление. К исходу третьего дня соединения 51-й армии, действовавшие с плацдарма на Сиваше, прорвали оборону противника. 19-й танковый корпус и резервная 77-я стрелковая дивизия, введенные с утра 11 апреля по приказу Толбухина в образовавшуюся брешь, устремились на Джанкой и уже к полудню овладели им.

Через пять дней были освобождены Симферополь, Евпатория, Феодосия, Ялта... Впереди, невидимый за грядой окружавших его гор, лежал Севастополь — город бессмертной русской ратной славы. Двести пятьдесят суток бились немецко-фашистские войска, чтобы войти в этот город. Теперь они надеялись отсидеться за его естественными укрытиями и мощными инженерными укреплениями.

Как лучше и быстрее разгромить врага? Ф. И. Толбухин выезжал в войска, совместно с командирами проводил рекогносцировку наиболее важных направлений, советовался с ними, заслушивал доклады и предложения начальника штаба, командующих родами войск.

В тылу были созданы учебные городки, и войска усиленно тренировались в условиях, максимально приближенных к боевым, особенно тщательно отрабатывая взаимодействие пехоты с артиллерией, танками, авиацией. По особому плану вели подготовку к штурму специально созданные штурмовые группы.

Как всегда, особое внимание Федор Иванович уделял заботе о людях.

— Командир полка должен знать каждого офицера своего полка,— говорил он,— чем он дышит, а командир роты — каждого солдата своей роты.

Федор Иванович берег личный состав армии, всегда стремился добыть победу малой кровью.

— Зарывайтесь поглубже в землю,— советовал он командирам дивизий, занимавших оборону.— Земля-матушка от всего спасет — и от огня и от непогоды.

Толбухин обладал исключительной работоспособностью. В периоды напряженных операций он по 3—5 суток не отрывался от карты и телефонов, лишая себя даже короткого отдыха. Личного для него не существовало, он горел на работе, отдавая себя делу без остатка.

7 мая в 10 часов 30 минут начался общий штурм Севастопольского укрепленного района. Главный удар наносился с востока и юго-востока на участке Сапун-гора — берег моря силами Приморской и левым флангом 51-й армий, вспомогательный — с северо-запада 2-й гвардейской армией.

Враг оказывал яростное сопротивление. Атаки переходили в рукопашные схватки. Каждая огневая точка бралась с боем, каждый окоп и изгиб траншей расчищался штыком и гранатой. Но

5. Зак. 1521 Кучеров

ничто не могло остановить советских воинов. Они метр за метром под губительным огнем упорно карабкались по каменистым склонам Сапун-горы. И к вечеру на ее гребне в полосе наступления 51-й армии генерала Я. Г. Крейзера затрепетали красные флаги. Почти одновременно с этим несколько южнее поднялись на Сапун-гору и высоту Карагач головные части 11-го стрелкового корпуса Отдельной Приморской армии.

К исходу 9 мая над Севастополем взвилось победное Красное знамя. Город был полностью освобожден. Еще два дня немецко-фашистские захватчики цеплялись за последний клочок крымской земли — мыс Херсонес. Но к полудню 12 мая они вынуждены были сложить оружие. Наступательная операция в Крыму завершилась. Конечно, Федор Иванович, как и все его боевые соратники, не представляли себе, что они останутся отдыхать под благодатным солнцем Крыма. Ожесточенная борьба с врагом продолжалась на других фронтах, все дальше и дальше продвигавшихся на запад. Мысли всех были устремлены туда. И все они от солдата до командующего фронтом с нетерпением дожидались приказа о своей переброске из Крыма, который стал глубоким тылом. Эта переброска осуществлялась по распоряжению Ставки. Приказ определил и дальнейшую судьбу Ф. И. Толбухина. Он становился командующим 3-м Украинским фронтом, который ему надлежало принять от Р. Я. Малиновского, переходившего на 2-й Украинский. В свою очередь, И. С. Конев перемещался на 1-й Украинский фронт.

Уже сами по себе организационные изменения для сведущего человека были косвенными признаками того, что на южном крыле советско-германского фронта на некоторое время наступает относительное затишье, именуемое в военном искусстве оперативной паузой. Вместе с тем Федор Иванович, обладавший стратегическим складом мышления, понимал, что это затишье знаменует для врага еще более сильную, чем прежде, грозу. Но как развернутся здесь события в ближайшем будущем, об этом пока что знают только в Ставке. Узнает в свое время и командование 3-го Украинского, надо только не терять времени даром и готовиться.

Такого же мнения придерживался и начальник штаба генерал С. С. Бирюзов, перешедший с 4-го на 3-й Украинский фронт вместе с Ф. И. Толбухиным. Вместе они приступили к детальному изучению противника и своих войск по документам и наблюдениям С. С. Бирюзова, который, выехав из Крыма раньше командующего, уже успел побывать в войсках.

Из первого знакомства с делами фронта у Федора Ивановича отложилось несколько моментов, в которых следовало разобраться обстоятельно. И самым важным был вопрос о Кицканском плацдарме, о выборе направления главного удара в предстоящем наступлении.

Совершая планомерные поездки на различные участки фронта,

Ф. И. Толбухин вместе с генералом Бирюзовым и группой генералов из фронтового штаба в один из июньских дней прибыл в 37-ю армию, расположенную на Кицканском плацдарме.

— Удачно приехали,— улыбнулся Федор Иванович, выслушав доклад командарма генерала М. Н. Шарохина о том, что проходит штабная летучка на картах, отрабатывается будущая наступательная операция.

Внимательно наблюдал командующий фронтом за ходом штабной игры. С присущим ему тактом выслушал и генерала Шарохина.

— О вашем варианте я знаю, друзья мои, немало думал над ним. По-моему, он интересен, заманчив. У штаба фронта есть данные, что противник ожидает наш главный удар не на участке вашей армии, а севернее Тирасполя. Там он и сосредоточивает свои основные силы.

Помолчав, видно, прикидывая что-то в уме, Федор Иванович продолжал:

— Но меня беспокоит, как вы укроете на таком пятачке усиленную армию? Как протолкнете ее через узкую горловину? Думали вы над этим?

Командарм шагнул к висевшей на стене карте, но его опередил генерал Бирюзов.

— Я знакомился с расчетами штаба армии и полагаю, что они реальны.

Но ответ Бирюзова командующего фронтом не удовлетворил. Он продолжал задавать вопросы командарму, начальнику штаба армии, артиллеристам, танкистам, тыловикам, как бы подводя присутствующих к выводу, что план смелый, многообещающий, но над ним предстоит еще много и упорно работать.

— Ладно,— резюмировал генерал Толбухин,— пораскиньте еще мозгами, обсудите все «за» и «против». Тут надобно семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Обмозгуйте и такой вопрос: что будете делать, если армия не сможет с ходу прорвать немецкую оборону южнее Бендер? Ответ доложите потом.

Вот так шаг за шагом велась работа по подготовке 3-го Украинского фронта к предстоящему наступлению. И когда в середине июля заместитель начальника Генерального штаба генерал А. И. Антонов передал предварительное распоряжение Ставки о переходе в наступление, собрался Военный совет фронта. Участники заседания детально обсудили достоинства и недостатки каждого возможного для наступления направления. К единому мнению не пришли. Начались споры. А Федор Иванович, спокойно выслушав каждого из присутствующих, предложил не горячиться.

— Нужно все спокойно обдумать,— заявил он.— А пока давайте еще раз проведем рекогносцировку на разных направлениях.

Одну рекогносцировочную группу возглавил командующий, другую — начальник штаба фронта. И когда, возвратившись из поездки в войска, вновь собрался Военный совет, генерал Толбухин принял предварительное решение: «Главный удар предпочтительнее наносить на левом фланге фронта, с Кицканского плацдарма».

Теперь, когда было объявлено решение, стало ясно, почему командующий фронтом два дня назад возглавил рекогносцировочную группу, отправившуюся на правый фланг фронта. Он еще раз своими глазами и собственным разумом хотел убедиться, что не здесь следует искать ключ к решению предстоящей задачи. И если сам он уже не пару дней назад, а, возможно, гораздо раньше пришел к заключению о предпочтительности в этом смысле Кицканского плацдарма, то в этом предстояло еще убедить и Верховное Главнокомандование. Оно ведь ясно и определенно высказалось за Кишиневское направление. Убеждать предстояло ему — никому больше.

От командующего фронтом требовалось немало мужества, чтобы пойти на такой шаг. Ведь ясно, что, если намеченный удар не даст ожидаемого результата, может возникнуть мотив: «Вам, товарищ Толбухин, предлагали наносить главный удар на Кишиневском направлении, а вы настояли на своем».

Однако настаивать не пришлось. Федор Иванович представил такие конкретные и весомые доказательства, так обосновал свое решение, что на совещании в Ставке, где рассматривались планы 2-го и 3-го Украинского фронтов на проведение Ясско-Кишиневской операции, его предложения были утверждены.

Началась детальная разработка операции. Оригинальность полководческого мышления Ф. И. Толбухина, смелость и глубина замыслов побуждали и командармов, командиров корпусов и дивизий творчески подходить к поставленной задаче. И все же самое главное, на что направлялись в дни, оставшиеся до наступления, усилия командующего, штаба фронта и всех служб, командиров разных степеней и рангов, заключалось в том, чтобы всеми доступными методами и способами заставить противника пребывать в неведении относительно истинных намерений и планов. Нужно было убедить врага, что готовится наступление на Кишиневском направлении. Интенсивно функционировали железнодорожные станции, на которых якобы разгружались войска. Создавалась видимость перегруппировки танков, артиллерии, пехоты. Включались радиостанции, невзначай «нарушавшие радиодисциплину».

Однажды, уже в канун наступления, Федор Иванович хитро улыбнулся и спросил начальника штаба:

— А что, Сергей Семенович, не слышал, не ругают еще солдаты своих генералов?

— Да вроде бы нет оснований,— не сразу понял вопрос Бирюзов.

Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин. 1944 г.

— Как нет? А на Перекопе, когда мы их заставляли туда-сюда маршировать, помнишь, говорили: «Гоняют без толку с места на место. Кодом пользуются таким, что и дитя малое расшифрует. Ну и генералы у нас...»

Толбухин весело рассмеялся.

— На этот раз надо бы им честить нас еще хлеще, поделом бы.— Затем, сразу став серьезным, сказал:— Думаю, Сергей Семенович, теперь уже противник не успеет, если даже и догадается что к чему.

Интересны и подробности хода Ясско-Кишиневской операции. Жаль, конечно, что в коротком очерке невозможно привести их. Но ее итоги говорят сами за себя. Окружением и ликвидацией группировки противника в районе Кишинева и Ясс, полным очищением междуречья Днестр — Прут, разгромом врага на левом берегу Прута завершилось освобождение Молдавской ССР. Из войны на стороне Германии была выведена королевская Румыния. Румынская армия повернула оружие против немецко-фашистских захватчиков.

За высокое полководческое мастерство в руководстве войсками в стратегической операции и успешное осуществление замысла Верховного Главнокомандования Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 сентября 1944 года Ф. И. Толбухину было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин и вице-адмирал Г. Н. Холостяков. 1945 г.

Особое место в полководческой биографии Толбухина занимают операции по освобождению стран Юго-Западной Европы от немецко-фашистского ига. Войска 3-го Украинского фронта под его командованием участвовали в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии. При этом Федор Иванович показал незаурядные способности в решении сложных военных и административных вопросов. Так, в Болгарской операции Толбухин учел все аспекты политического и оперативно-стратегического характера в стране и в целях избежания кровопролития 8 сентября 1944 года обратился к болгарскому народу с воззванием, в котором говорилось: «Красная Армия не имеет намерения воевать с болгарским народом и его армией, так как она считает болгарский народ братским народом. У Красной Армии одна задача — разбить немцев и ускорить срок наступления всеобщего мира».

С первыми лучами солнца 8 сентября наши войска без выстрелов пересекли болгарскую границу и устремились в глубь страны. В ночь на 9 сентября восставший болгарский народ взял власть в свои руки. Новое правительство, сформированное из представителей партии Отечественного фронта, объявило войну гитлеровской Германии. Начался освободительный поход наших войск. Болгарский народ всюду восторженно встречал советских воинов.

Жители городов и сел преподносили им хлеб-соль, забрасывали цветами. Ф. И. Толбухин был назначен председателем Союзной контрольной комиссии в Болгарии и с достоинством выполнял свои обязанности. В день 28-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота Народная община болгарской столицы назвала Федора Ивановича почетным гражданином Софии. Один из ее бульваров назван именем Ф. И. Толбухина.

34 раза столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам под командованием Маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина. За умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых были достигнуты выдающиеся успехи в разгроме немецко-фашистских войск, он был награжден высшим советским военным орденом «Победа». Парадный мундир Федора Ивановича украшали также два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова I степени, ордена Кутузова I степени, Красной Звезды и многие медали. Был награжден маршал и иностранными орденами и медалями. В канун 20-летия Великой Победы ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В Москве близ Самотечной площади Федору Ивановичу воздвигнут памятник. Сюда часто приходят люди, возлагают к подножию цветы, отдают почести прославленному полководцу.

В ОГНЕННЫХ СПОЛОХАХ

Маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков (1897—1968)

Генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков не торопит шофера, осторожно ведущего машину по улицам израненного и притихшего Тихвина. Да и не разгонишься здесь. На каждом шагу груды искореженного, опаленного огнем металла, недавно бывшего вражескими танками, пушками, автомашинами. Траншеи, окопы, воронки от снарядов и бомб. А вокруг — развалины. Отступая под натиском наших войск, фашисты сожгли почти все деревянные постройки, взорвали много каменных зданий. Не часто встречаются и горожане. Запуганные массовыми убийствами, истощенные голодом, люди еще не пришли в себя.

Боль и гнев переполняют сердце генерала. И лишь чувство исполненного долга, сознание исключительной важности Тихвинской наступательной операции для судеб Ленинграда вносит некоторое успокоение.

Знает Кирилл Афанасьевич, что запасов хлеба в Ленинграде осталось на 9—10 дней.

«Быстрее нужно восстановить движение по Северной желез-

ной дороге до района Мги,— думает он.— Это позволит возобновить перевозки продовольственных грузов, спасет от смерти тысячи людей, повысит обороноспособность города Ленина...»

К Ленинграду, ленинградцам отношение у генерала особое, родственное, хотя родился он в деревне Назарьево, неподалеку от небольшого подмосковного городка Зарайска. Юношей работал слесарем в Москве и владимирском городишке Судогде. А с Ленинградом сроднила его армейская служба. Еще до Великой Отечественной войны бился он с врагами Родины, защищая колыбель Октябрьской революции от военных провокаций буржуазной Финляндии.

Советское правительство с тревогой следило, как накалялась обстановка на наших северных рубежах, потому что провокации из-за кордона против Ленинграда могли позволить врагам нашей Родины сговориться о создании единого антисоветского блока. Миролюбивые советские предложения взаимовыгодного решения вопроса — отодвинуть границу на Карельском перешейке на несколько десятков километров к северу от Ленинграда и получить взамен вдвое большую территорию Советской Карелии — отклонялись реакционными деятелями Финляндии. А советские пограничники слышали ответ в виде выстрелов с той стороны.

Вот в такой сложной обстановке командарм 2-го ранга К. А. Мерецков был назначен командующим войсками Ленинградского военного округа. Напутствуя его, народный комиссар обороны порекомендовал:

— Как можно тщательнее изучайте театр военных действий округа в условиях всех времен года. Постарайтесь детально проанализировать состояние войск и их подготовленность на случай военного конфликта, опасность которого в связи с резким обострением международной обстановки быстро нарастает.

А через некоторое время К. А. Мерецкова пригласили в Центральный Комитет партии. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) детально ввел командующего округом в курс общей политической обстановки, рассказал об опасениях, которые возникли у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правительства.

— Нужно торопиться,— подчеркнул он.— Через две недели доложите свой план прикрытия границы и контрудара по Финляндии в случае ее нападения на СССР.

В установленные сроки план был утвержден. В округе развернулась огромная работа. Шла переподготовка личного состава в условиях, приближенных к боевым. Велось строительство укреплений, дорог, линий связи. Закончить все это до начала советско-финляндской войны не удалось, не хватило времени. Но все же, когда финские отряды в ряде мест начали вторгаться на территорию СССР и был получен приказ отбросить противника от Ленинграда, обеспечить безопасность границы в Карелии и Мурман-

Генерал армии К. А. Мерецков на учениях под Ленинградом

ской области, войска округа показали высокую боеспособность. Красная Армия сумела выполнить поставленную задачу и дать отпор агрессору достаточно быстро, намного быстрее, чем рассчитывали наши враги за рубежом (если они вообще допускали это в мыслях!), но медленнее, чем предполагало военное руководство в начале советско-финляндской войны.

Планируя и осуществляя прорыв линии Маннергейма, К. А. Мерецков накопил немалый опыт штурма долговременных укреплений. Именно здесь, в лесах и болотах Финляндии, он вывел на прямую наводку орудия большой мощности, впервые в Красной Армии создал штурмовые группы для захвата и подрыва дотов, оценил роль радиосвязи в управлении боем и многое другое. Вспоминая уроки сражений на Карельском перешейке, генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков не только сам использовал их в сходных боевых условиях, но и учил подчиненных командиров.

Случались в военной судьбе Мерецкова повороты, весьма неожиданные. В самый напряженный момент Любанской операции, проводимой Волховским и Ленинградским фронтами с целью разгромить фашистскую группу армий «Север» и деблокировать Ленинград, Волховский фронт был преобразован в Волховскую оперативную группу Ленинградского фронта, генерал К. А. Мерецков отозван в Ставку и назначен заместителем Г. К. Жукова, являвшегося главнокомандующим войсками Западного направле-

ния. Но и на западе, выполняя поручения Г. К. Жукова, а затем командуя 33-й армией, К. А. Мерецков не переставал думать о судьбе начатой им операции, о Волховском фронте. Не видя в его ликвидации ни оперативной, ни политической, ни какой-либо другой целесообразности, он тревожился, как там идут дела, удалось ли осуществить намеченный план хоть частично. Ведь в Волховский фронт были вложены мысли, дела и чувства не только его, генерала армии Мерецкова, но и многих других военачальников.

Так прошло полтора месяца. Готовя вверенную ему армию к боям, Кирилл Афанасьевич дни и ночи напролет проводил в войсках. Однажды, в начале лета 1942 года, там и разыскал его Г. К. Жуков.

— Срочно приезжай!

— А в чем дело? — спросил Мерецков.

— Здесь узнаешь. Торопись!

Приехал командарм на КП фронта, Жуков сердится: пока нашли, сколько времени прошло.

— Так я же у солдат в батальоне был,— отвечает Кирилл Афанасьевич.— Прибыл сразу оттуда, даже поесть не успел.

Георгий Константинович засмеялся:

— Значит, оба мы сегодня без обеда. Но ничего, пока машину готовят, успеем поесть.

А потом объяснил, что уже трижды звонил Верховный, требовал, чтобы Мерецков срочно прибыл в Москву.

Как был в полевой форме, весь в окопной грязи, так и явился генерал армии в приемную Верховного Главнокомандующего. И здесь ему не дали привести себя в порядок, сразу проводили в кабинет, где шло заседание Политбюро ЦК ВКП(б).

«Я почувствовал себя довольно неловко,— писал в своих воспоминаниях К. А. Мерецков,— извинился за свой внешний вид. Председательствующий дал мне пять минут. Я вышел в коридор, быстро почистил сапоги, снова вошел и сел за стол. Меня стали расспрашивать о делах на Западном фронте. Но это оказалось лишь предисловием, а главный разговор последовал позже.

— Мы допустили большую ошибку, объединив Волховский фронт с Ленинградским,— сказал Верховный.— Генерал Хозин, хотя и сидел на Волховском направлении, дело вел плохо. Он не выполнил директивы Ставки об отводе 2-й ударной армии. В результате немцам удалось перехватить коммуникации армии и окружить ее. Вы, товарищ Мерецков, хорошо знаете Волховский фронт. Поэтому мы поручаем вам лично вместе с товарищем Василевским выехать туда и во что бы то ни стало вызволить 2-ю ударную армию из окружения... Директиву о восстановлении Волховского фронта получите у товарища Шапошникова. Вам же надлежит по прибытии на место немедленно вступить в командование Волховским фронтом».

Опять знакомые пейзажи, старые боевые товарищи. Сердечная встреча, теплые рукопожатия... И сразу за дело. Где взять резервы для наступления? После тщательного анализа обстановки А. М. Василевский и К. А. Мерецков нашли возможным высвободить с других участков фронта несколько стрелковых частей и танковый батальон. Но их усилия успеха не принесли, пробить коридор к окруженной армии не удалось. Пришлось перебрасывать к месту прорыва новые части. Наращивал усилия и противник.

Сражение носило ожесточенный характер. Наконец гитлеровцы не выдержали. На десятый день боев наши танкисты, а за ними и пехота прорвали оборону врага и вышли на соединение с войсками 2-й ударной армии. Через несколько дней командование фронта предприняло новый встречный удар, обеспечивший вывод из окружения 16 тысяч шатавшихся от изнеможения воинов. Уставших, но не побежденных.

Беседуя с бойцами и командирами, вырвавшимися из мешка, генерал армии не переставал восхищаться их стойкостью, мужеством, верой в неминуемую победу над врагом.

— Такими людьми можно только гордиться,— говорил он,— рядовые бойцы, терпящие невероятные лишения, думают о том, чтобы вселить бодрость в других. На это способен только советский человек.

С тех пор прошли годы, но и сегодня посетители новгородского музея подолгу стоят в раздумье около необычного экспоната — железнодорожной шпалы, внимательно слушают рассказ экскурсовода.

...Их было шестеро: русские Анатолий Богданов, Александр Кудряшов, Александр Костров и Сергей Веселов, татарин Закир Ульденов и молдаванин Костя (фамилия его, к сожалению, пока не установлена). Отрезанные во время вражеской атаки от своего эскадрона, они уже пять суток пробирались к линии фронта. Шли ночами, ориентируясь по далеким сполохам артиллерийских выстрелов. Вот она вражеская передовая, рядом. Нужен еще бросок. Но наступил день. Укрылись в старом блиндаже, оборудованном в железнодорожной насыпи.

— Видно, насмерть стояли здесь наши пулеметчики, весь пол усеян гильзами,— сказал кто-то из друзей.

Помолчали... И вдруг Костя, подняв не успевшую еще потускнеть гильзу, приложил ее к лежавшей старой шпале:

— Смотрите, как выделяется,— сказал он.— Давайте письмо сочиним.

— Какое письмо? — удивились товарищи.

— А вот гильзы забьем в шпалу так, чтобы слова получились. Пусть все читают.

Предложение понравилось. Но что писать?

«Все равно мы победим»,— предложил Веселов.

— Длинно,— возразил Костров.— Давайте просто: «Мы победим!»

Изрядно потрудились бойцы. А закончив «письмо», вытащили шпалу из блиндажа и положили на тропе. Немало красноармейцев прошло потом здесь. И ни один из них не перешагнул равнодушно шпалу. Выбитые медью гильз слова ободряли смертельно усталых людей, давали им силы, чтобы пробиться через все преграды и вновь занять место в строю защитников Родины.

Генерал Мерецков хорошо знал, как нужен людям в бою высокий моральный дух, как важен он для достижения победы над врагом. Это была четвертая война, в которой он участвовал. Начинал, как и тысячи его сверстников, в юности связавших свою судьбу с большевистской партией. В двадцать один год стал комиссаром Владимирского красноармейского отряда, сражавшегося с белогвардейцами под Казанью.

В этих боях получил первое боевое крещение, узнал, что такое обстрел тяжелыми снарядами. Ощущение, прямо скажем, не из приятных. Над головой непрерывно свистит и гудит. Взлетают фонтаны земли и осколков. Трудно оторваться в такой момент от земли. Каждый стремится найти укрытие и только потом, чувствуя себя в относительной безопасности, начинает оглядываться по сторонам.

Еще большую растерянность вызывали налеты аэропланов. Да это и не удивительно, ведь большинство красноармейцев, сражавшихся рядом с Мерецковым, видели их впервые. Вот и получалось, сбросит аэроплан бомбу где-то неподалеку, никто не пострадал, а цепочка бойцов уже дрогнула, некоторые поворачивают назад. И только пример коммунистов помогал вчерашним рабочим и крестьянам побороть чувство страха, не поддаваться панике.

Умение воевать не приходит сразу. Это трудная наука, и не каждому она дается, в том числе не каждому командиру. Один становится настоящим военным, мужественно и расчетливо ведет людей к победе. Второй превращается в хорошего штабного работника, но под пулями теряется. Третий славится отвагой — однако не умеет руководить подчиненными. А четвертый вообще годен только на то, чтобы мечтать о ратных подвигах, лежа на диване. Кириллу Афанасьевичу повезло — человек, который своим личным примером и умными советами открыл ему глаза на то, каким должен быть вооруженный защитник Страны Советов, принадлежал к первой категории.

Фамилия его была Говорков. Бывший офицер, он, не колеблясь, сразу же после февральской революции стал на сторону большевиков и решительно пошел за партией Ленина. Его беседы, рассказы о старой армии, о воинском искусстве, о принципах организации боевой работы сыграли немалую роль в том, что решил Кирилл Мерецков стать красным командиром. Правда, вначале он полагал, что настоящий командир — это тот, кто смел

и силен, обладает громким голосом и хорошо стреляет. Большевистская выучка помогла уяснить, какое огромное значение имеет морально-политический фактор, сознание солдата, личный пример командира. Недолго пришлось К. А. Мерецкову шагать рядом с Говорковым. Но память о нем он сохранил на всю жизнь. И через десятилетия вспоминал Кирилл Афанасьевич тот сентябрьский день 1918 года, когда их отряд, вместе с другими войсками, перешел в наступление:

«Офицерские батальоны открыли сильный огонь, длинными очередями строчили их пулеметы. Нелегко было поднимать бойцов в атаку. Тогда Говорков встал впереди отряда в полный рост, позади себя поставил меня и знаменосца. Ребята запели «Вихри враждебные веют над нами...», и отряд ринулся на врага. Не прошли мы и нескольких шагов, как Говорков покачнулся. Я бросился к нему. У него из виска сочилась кровь. Не успел я послать за санитаром, как он скончался.

А огонь врага все сильнее. Что делать? Отступать? Зарываться в землю? Идти дальше? Бойцы смотрят на меня, кое-кто уже ложится. Я закричал и побежал к железнодорожной насыпи. Оглянулся — все бегут за мной, вроде бы никто не отстает. У насыпи залегли. Подползли ко мне ротные, спрашивают:

— Товарищ комиссар, окапываться или мы тут ненадолго?

Я оглянулся как бы по инерции, но Говоркова уже не видел. Медлить в тот момент было нельзя. Вспомнил уроки Говоркова, поставил ротным задачу, затем сказал:

— Как встану — вот и сигнал. Атакуем дальше!»

И красноармейцы, воодушевленные комиссаром, дружно поднялись в атаку, сцепились с золотопогонниками врукопашную и опрокинули их.

Шли годы. Получив академическое образование, накопив значительный опыт командной и штабной работы, Кирилл Афанасьевич вновь оказался в сходной обстановке. Только события теперь развертывались в республиканской Испании. Советские военные советники волонтеры Петрович (К. А. Мерецков) и Вольтер (Н. Н. Воронов) были приглашены каталонскими анархистами, чтобы помочь отбить у франкистов город Теруэль. Встретившись с лидером анархистов на одном из участков фронта, советские военные советники стали расспрашивать его об обстановке, о вооружении, о конкретных планах, а он на все вопросы заученно отвечал одно и то же: «Это все чепуха, а вот мои парни — что надо, они завтра же атакуют, захватят...» и т. д.

Но вот настал день наступления, а главного командира анархистов нигде не могли отыскать. Трудно предположить, что он струсил. Скорее, позабыл об условленном часе или просто отнесся наплевательски к собственным обязанностям. Ведь анархисты не признавали понятий «порядок», «армия», «государственный долг», «дисциплина». Тогда Петрович и Вольтер решили заменить

командира. Они вышли вперед, дали команду к атаке и пошли в полный рост. Бойцы закричали: «Браво!», но никто не поднялся. Идут они дальше, оглядываются: никто не шагает следом. Возвращаются к окопам, уговаривают, просят, стыдят... Ничего не помогает. Так и сорвалась эта атака. Теруэль остался в руках мятежников. Вот что такое моральный дух. Вот что такое сознание ответственности за выполнение приказа, за достижение победы над врагом.

Конечно, генерал армии К. А. Мерецков был уверен в высоком моральном духе подчиненных ему войск, знал, что советский патриотизм ведет на подвиги и солдата и генерала, помогает громить врага, брать бастионы, считающиеся неприступными. И планируя операции, он наравне с оружием и боеприпасами учитывал и моральный фактор.

Учитывал он и многое другое, что иные командующие не принимали во внимание во время работы над планами операций. Кое-кто относился к этому иронически. Но Верховный Главнокомандующий ценил эту черту характера генерала армии и уважительно называл его «хитрым ярославцем». Почему? Да потому, что испокон веков ярославские мужики славились на Руси своей обстоятельностью и смекалкой. Ни одного дела не начинали они, не узнав предварительно, что, зачем и для чего. Так и Кирилл Афанасьевич, прежде чем принять окончательное решение, обязательно связывался со Ставкой, с Генеральным штабом, зондировал, какие средства усиления может он при проведении той или иной операции получить, можно ли рассчитывать на помощь соседей и т. д. Поступать так подсказывал ему опыт, приобретенный за время работы начальником штаба Московского и Белорусского военных округов, начальником Генерального штаба.

Так было и при подготовке третьей операции с целью соединить Большую землю и осажденный Ленинград прочным коридором. Она получила кодовое наименование «Искра». Первые две — Любанская и Синявинская — не принесли желаемого результата. Однако были развеяны и мечты гитлеровского командования взять штурмом Ленинград. Не смог враг осуществить и запланированную им переброску своих войск на другие участки фронта, испытывавшие большую нужду в резервах.

Деблокировать город Ленина — вот мысль, которая пронизывала все дела Волховского и Ленинградского фронтов. Того же требовала и Ставка Верховного Главнокомандования. Этого ждала вся страна. Детально обсудив предстоящую операцию с представителями Ставки Маршалами Советского Союза К. Е. Ворошиловым и Г. К. Жуковым, командующий Волховским фронтом выехал в Ленинград, чтобы встретиться с командующим Ленинградским фронтом, в деталях согласовать с ним взаимодействие фронтов.

— Наш фронт и Ленинградский — это две руки, которые

должны сомкнуться и задушить немецкую группировку. Одной рукой не задушишь, так что роль правой и левой одинакова,— говорил он товарищам. Поэтому, встретившись с Л. А. Говоровым, спросил:

— Какое участие сможете принять вы в предстоящей операции?

— Мы можем нанести встречный удар, но в том месте, где ваши войска находятся близко к Ленинграду. На глубокую операцию у нас сил не хватит,— ответил Леонид Александрович.

После размышлений полководцы пришли к выводу, что прорывать блокаду следует на самом коротком направлении между Шлиссельбургом и Липками, где фронты разделяет всего двенадцатикилометровая полоса. Направление сложное, насыщенное мощными вражескими укреплениями. Зато и гитлеровцы меньше всего ожидали здесь наступления.

Согласовав предварительные сроки операции, рубежи встречи двух фронтов, генерал армии К. А. Мерецков возвратился в свой штаб. Началась кропотливая подготовка к наступлению. Командующий понимал, что атаковать вражеские узлы сопротивления в лоб — неразумно. Это вызовет большие потери. Но и полностью их обойти не позволяли специфические условия местности.

Нужно особо подчеркнуть, что все без исключения сражения, которыми руководил Кирилл Афанасьевич, были, по словам маршала Василевского, «невероятно тяжелыми по условиям выполнения».

Войскам фронта приходилось вести боевые действия на труднопроходимой, неудобной для маневрирования местности. Сложнейшей борьбе с врагом здесь сопутствовала не менее трудная борьба с природой. Чтобы воевать и жить, войска вынуждены были вместо траншей строить деревянно-земляные заборы, вместо стрелковых окопов — насыпные открытые площадки, на протяжении многих километров прокладывать бревенчатые настилы и гати, сооружать для артиллерии и минометов деревянные платформы.

Без устали напоминал Кирилл Афанасьевич подчиненным особенности театра военных действий, требовал учитывать, что леса, бездорожье, ограниченная видимость, глубокие снега, холода, заболоченность требуют от солдат сноровки, повышенной выносливости, умения действовать небольшими отрядами и в одиночку, быстро приспосабливаться к изменчивой погоде. Так поступил он и в этот раз. Разведчики, операторы, все сотрудники штаба фронта во главе с его начальником генерал-лейтенантом М. Н. Шарохиным по заданию командующего тщательнейшим образом изучали позиции противника, чтобы организовать наступление с максимальным эффектом, а нашим войскам понести наименьшие потери. Такова военная действительность. Планируя операции, военачальники не только понимают, что будут чело-

Волховский фронт. Разбор проведенной операции. В центре — генерал армии К. А. Мерецков

веческие жертвы, но и предусматривают возможные потери. Конечно, все это определяется примерно. Но важно не просчитаться, чтобы потом в результате недооценки ряда факторов не понести еще большие потери.

А факторов, обусловливающих успех в бою, множество. Один из главных — подготовка личного состава войск. И Мерецков приказал:

— На основе данных аэрофотосъемки создать в тылу наших войск учебные городки по примерному образцу тех узлов обороны, которые доведется затем преодолевать.

Инженеры быстро возвели подобие ледяного вала, дотов на болоте и различных полевых укреплений. Целый месяц войска, отрабатывая одновременно и вопросы взаимодействия, штурмовали эти городки. Репетировали гармоничное сочетание артиллерийского наступления с авиационным. Командующий фронтом регулярно проверял готовность частей и подразделений к наступлению, добиваясь, чтобы буквально каждый боец знал свой маневр. А командирам рот при каждом удобном случае говорил, как вспоминает начальник политического управления фронта генерал К. Ф. Калашников:

— У нас до сих пор считается проявлением храбрости, когда командир, увлекая бойцов, выбегает вперед с криком «За мной!». Слов нет, это мужественный поступок. Но прибегать к нему надо в исключительных случаях, если нет другого выхода. Такое руководство боем нередко приводит лишь к напрасным потерям. Командир должен быть там, где ему удобней управлять своей ротой.

Генерал армии К. А. Мерецков беседует с бойцами и командирами. 1942 г.

Учились все, используя опыт предыдущих боев, извлекая уроки из успехов и неудач. Но о сроках, месте и целях готовящегося наступления знали только те, кто участвовал в планировании и разработке документов. Пришло время, и командующий фронтом в общих чертах сообщил ближайшим своим помощникам все необходимые сведения. Водя указкой по карте, он рассказал, как тщательно выбирался участок прорыва. В обеих крупных операциях, которые фронт предпринимал до этого, целью было не только прорвать кольцо блокады, но и захватить магистральные дороги. Считалось: какой же прорыв блокады без освобождения транспортных узлов, через которые пойдут поезда на Ленинград! Но именно железнодорожные станции враг превратил в мощные узлы своей обороны и держится за них, можно сказать, зубами. Между тем жизнь убедила: дороги — далеко не главная проблема. Лишь бы разорвать вражеское кольцо, а дорогу везде проложить можно.

— Алексей Александрович,— обращается Мерецков к присутствующему на совещании члену Военного совета Ленинградского фронта А. А. Кузнецову,— говорят, сейчас даже по льду Ладоги тянут железную дорогу?

— Да, уже проложили километров двадцать.

— Вот видите. Кстати, достраивать ее, пожалуй, не понадобится, мы постараемся раньше пробить путь по суше.

— Ленинградцы — народ осторожный,— улыбнулся Кузнецов,— верят не словам, а делам.

— На этот раз осечки не будет,— заверил командующий.

Генерал армии К. А. Мерецков предвидел, знал, что будет трудно, очень трудно преодолеть те 6 километров укрепленной гитлеровцами полосы, которые приходились на долю Волховского фронта. Но он был твердо уверен в победоносном исходе операции. Тщательная подготовка, высокий наступательный дух войск вселяли эту уверенность. Не покидала она его и в самые трудные моменты операции, когда успехи за день исчислялись десятками, сотнями метров отвоеванной у врага советской земли.

Синявино, Липки, Рабочий поселок № 8... Здесь шли упорнейшие бои, здесь советские воины совершали подвиги. Комсомолец Яков Богдан бросился на ствол вражеского пулемета. Парторг роты старший сержант Александр Орлов, раненный в ходе боя, нашел силы, чтобы поднять товарищей в атаку и захватить огневую точку. Коммунист Д. И. Фокин, лежа на покрасневшем от его крови снегу, крикнул товарищам:

— Вперед, братцы! К Ленинграду!

И вот наступило 18 января 1943 года — день великого торжества воинов Волховского и Ленинградского фронтов, а вслед за ними всей Красной Армии, всего советского народа. Волховчане и защитники Ленинграда, сломив ожесточенное сопротивление гитлеровцев, соединились в районе рабочих поселков № 1 и № 5.

Когда операция выиграна, все, что с ней связано, кажется простым и ясным. Но это кажущаяся простота и ясность. Они достигнуты огромным напряжением сил и энергии, настойчивыми творческими поисками, строгими расчетами. После завершения операции «Искра» кто-то из журналистов спросил у генерала Мерецкова: «Как вам удалось добиться успеха в такой сложной операции?»

— А мы ее выиграли, еще когда готовились,— ответил командующий фронтом. За этим ответом большая жизненная правда, глубокий военный опыт.

Весть о прорыве блокады Ленинграда с быстротой молнии облетела фронт и тыл. В соединениях и частях прошли короткие митинги. Солдаты, офицеры и генералы клялись и впредь беспощадно громить врага и призывали воинов-однополчан к полному уничтожению оккупантов, засевших под стенами Ленинграда.

Почти двенадцать месяцев два боевых соседа — Ленинградский и Волховский фронты — вели то разгоравшиеся, то затухавшие бои в направлении на станцию Мга. Именно в этом районе произошел памятный для К. А. Мерецкова случай. Одна из армий по приказу командующего фронтом нанесла удар по гитлеровцам с целью отвлечь их силы, предназначенные для ликвидации только что созданного коридора к Ленинграду. Задачу свою армия выполнила. Представитель Ставки Верховного Главно-

командования Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов решил лично посмотреть результаты этих боев. Сопровождал его генерал армии К. А. Мерецков.

Побывав в штабе армии, военачальники прибыли на командный пункт дивизии, вклинившейся в расположение противника. Командир дивизии докладывал о сложившейся обстановке. Вдруг поднялась стрельба. Все выскочили из землянки.

— В чем дело? — спрашивает командующий у офицера, подбежавшего к комдиву.

— Прорвался вражеский десант автоматчиков при поддержке самоходно-артиллерийских установок и окружает командный пункт.

Мгновенно оценив создавшуюся ситуацию, К. А. Мерецков понял, что есть возможность пробиться к своим войскам. Но он не мог рисковать безопасностью представителя Ставки и приказал занять круговую оборону. А сам поспешил к телефону. Связался с командиром танковой бригады, расположенной неподалеку, и приказал прислать на выручку танки.

— Все машины выполняют боевые задания,— доложил комбриг.— Есть один танковый взвод, да и тот не в полном составе.

— Высылайте!

Минут пятнадцать отбивалась от наседавших гитлеровцев жидкая цепочка связистов, личной охраны и офицеров. Но вот показались танки. Обороняющиеся поднялись и вместе с танкистами отбросили фашистов от КП. Подоспевшая пехота завершила разгром вражеской группы.

Когда все стихло, в блиндаж вошел закопченный, пропахший пороховым дымом танкист и доложил:

— Товарищ генерал армии, ваше приказание выполнено. Прорвавшийся противник отброшен и разгромлен.

Климент Ефремович Ворошилов пристально посмотрел на танкиста и воскликнул:

— Кирилл Афанасьевич, да ведь это твой сын! — А потом, помолчав немного, маршал спросил:— Этот сын ваш единственный?

— Все тут мои дети,— ответил К. А. Мерецков, внутренне гордясь сыном.

И все же, как всякий отец, чей сын сражался на фронте, он нередко испытывал тревогу. Ведь в те дни лейтенанту Владимиру Мерецкову было всего 18 лет. Но он честно служил Родине. Храбро воевал. Там, на фронте его приняли в члены Коммунистической партии.

И если уж зашел разговор о семье генерала армии, то нужно обязательно сказать, что и жена его Евдокия Петровна была на фронте, много сделала для улучшения лечения и обслуживания раненых.

В итоге операции «Искра» и упорных многомесячных боев

инициатива под Ленинградом полностью перешла к советским войскам. Отныне внимание фашистского командования сосредоточилось на совершенствовании линии своей обороны, названной им «Северным валом».

Генерал армии Мерецков, внимательно следивший за действиями гитлеровцев, понимал, что, создавая «вал», противник стремится прикрыть подступы к Прибалтике, сохранить морские коммуникации. Видел он и состояние войск фронта, его соседей, перед которыми открывалась реальная возможность подготовить разгром группы армии «Север» и тем самым окончательно ликвидировать блокаду Ленинграда.

«А что замышляет Ставка?» — думал командующий фронтом.

И когда, прибыв по вызову в Москву, он узнал, что Верховное Главнокомандование планирует на 1944 год десять сокрушительных ударов по врагу, а первый из них будет нанесен на Северо-Западном направлении, несказанно обрадовался.

Определяя силы для решения задачи, а она включала в себя освобождение городов Новгород, Луга, наступление в направлении на Псков, Остров, Тарту, непосредственную подготовку к освобождению Прибалтийских республик, командующий фронтом задумался. Он понимал, что успех фронта немыслим без овладения уже на первом этапе операции Новгородом. Наши позиции подходили к нему так близко, что с переднего края было отчетливо видно дома, церкви. Гитлеровцы хвалились, что они превратили город в крепость. «Тысячелетний Новгород в наших руках,— писал один из фашистских авторов.— На улицах расположены позиции, в полуразрушенных башнях гнездятся огневые точки, наблюдательные пункты немецкой артиллерии, а под сводами разместилась пехота. Воины северной крови стойко обороняют новгородскую твердыню».

Как же взять город? Через лабиринт всевозможных исканий и вариантов К. А. Мерецков пришел к решению этого нелегкого вопроса. Он учел, что противник делает ставку не только на свои укрепления, но и на особенности новгородских позиций, прикрываемых с фронта широкой рекой Волхов, не замерзающей в устье даже зимой, так что в этом случае штурм потребует больших жертв, приведет к затяжным уличным боям, к разрушению уцелевших древних памятников. Надо идти в обход.

После скрупулезного изучения на месте различных участков, дополнительной разведки, наземной и воздушной, Кирилл Афанасьевич, проанализировав различные варианты предстоящей операции, приходит к окончательному выводу: главный удар надо наносить в 30 километрах севернее Новгорода, а вспомогательный — через верховья Ильменя. При этом атаку через Ильмень провести ночью, под покровом темноты, и, конечно, без всякой артиллерийской подготовки. Ставка на полную внезапность, выдержку и отвагу солдат, их умение действовать смело и дерзко.

А на севере от Новгорода перейти в наступление утром, после того как артиллеристы обрушат на врага тысячи снарядов.

Командующий фронтом уверен, что это откроет благоприятные возможности для развития наступления по сходящимся направлениям, окружения немецкой группировки. А угроза окружения заставит засевшего в Новгороде неприятеля отступить. Значит, уничтожение вражеского гарнизона произойдет не на улицах и площадях древнего города, а на флангах вражеской группировки.

— Пришел и на нашу улицу праздник,— говорил К. А. Мерецков ближайшим соратникам.— Теперь не враг, а мы диктуем свою волю: наступаем там, где хочется нам, точно определяем сроки и масштабы сражений.

И все же ночь на 14 января казалась Кириллу Афанасьевичу бесконечно долгой. С тревогой думал он о том, что сейчас происходит на льду Ильменя. А там, соблюдая полную тишину, шли батальоны. Люди были одеты в белые маскировочные халаты. Способствовала наступающим и разыгравшаяся метель.

— Наши передовые подразделения форсировали Ильмень,— докладывал на исходе ночи Мерецкову генерал Т. А. Свиклин, руководивший операцией.— Внезапность полная. Гитлеровцы застигнуты спящими. Атакуем опорные пункты, закрепляемся на плацдарме.

— Немедленно вводите в бой подкрепления. Будьте готовы к отражению контратак,— приказал командующий фронтом Свиклину, а сам поспешил на наблюдательный пункт артиллеристов, чтобы начать наступление на главном направлении...

Освобождение Новгорода прямо-таки окрылило Кирилла Афанасьевича. Он говорил: не просто взяли, а именно так, как задумали — поставили гитлеровцев в безвыходное положение и они отступили именно туда, где их ждал разгром.

То, что вчера было фрагментами боевой операции, что родилось в раздумьях и замыслах полководца, становилось явью.

Более полутора месяцев шли вперед советские войска. Фашистские захватчики были отброшены на 220—280 километров от Ленинграда, а южнее озера Ильмень наши войска продвинулись на запад до 180 километров. Гитлеровцы были изгнаны почти со всей территории Ленинградской области, а также части Калининской. Вступили наши войска и в пределы Советской Эстонии. Командующий фронтом уже прикидывал заранее, планировал, как волховчане приступят к освобождению Эстонии и Латвии, а возможно, и Белоруссии. Планировал. Но Ставка Верховного Главнокомандования решила иначе. Волховский фронт был ликвидирован, его армии передавались Ленинградскому, а сам К. А. Мерецков назначался командующим Карельским фронтом.

Эта перемена не очень-то обрадовала Кирилла Афанасьевича. Но в Ставке на просьбу о переводе на хорошо знакомое ему Западное направление ответили, что назначать на Карельский

фронт человека, не имеющего опыта ведения боев в Карелии и Заполярье, нецелесообразно.

— Всякому другому командующему пришлось бы переучиваться. На это ушло бы много времени. А его-то у нас как раз и нет,— подчеркнул в беседе с Мерецковым Верховный Главнокомандующий.

Да, времени действительного не было. Карельский фронт геройски воевал в обороне. Командование фронта за годы боев отлично изучило особенности местности и противостоящие вражеские силы. Но командным кадрам не доводилось участвовать в наступательных операциях широкого масштаба. Конечно, они научатся этому. Но когда? И Ставка решила наряду со сменой командования перебросить в Карелию еще и управление Волховского фронта.

— Теперь на нашем вооружении,— говорил К. А. Мерецков,— опыт двух фронтов. И главная задача для всех нас — на основе этого объединенного опыта готовить войска к наступлению.

Но чтобы готовить других, нужно самому разобраться в обстановке. Прежде всего узнать, не замышляет ли противник какую-либо каверзу. И командующий фронтом заслушивает начальника разведки. Затем доклады о ситуации на отдельных участках фронта. А выехав в войска, встречается с командующими армий, командирами корпусов, дивизий, полков, тщательно изучает местность.

Такие поездки приносили командующему большую пользу, позволяли собрать воедино ценный опыт офицеров, хорошо знавших Северный театр военных действий.

— Хотелось бы узнать ваше мнение о маневре в предстоящем наступлении.

Командир дивизии генерал-майор Г. А. Жуков, к которому обратился К. А. Мерецков, развернул карту. Доклад его был четок и аргументирован. Исходя из своего знания местности и данных разведки, он предложил атаковать противника не в лоб, а путем глубокого обхода его оборонительных позиций.

— А ведь это очень умная мысль,— поддержал комдива К. А. Мерецков.

Перед фронтом армии, в которую входила дивизия генерала Жукова, было особенно много «бараньих лбов». Так именовались оголенные ледниками и отполированные временем и ветрами вершины гор. А между ними протянулся сильно укрепленный рубеж. Попытка фронтального его прорыва стоила бы очень дорого. А предложение генерал-майора позволяло избежать излишнего кровопролития и траты средств, поэтому командующий фронтом без колебаний принял его. И как показало развернувшееся вскоре наступление, оно во многом способствовало успеху наших войск на этом участке.

Успех сопутствовал и общему наступлению фронта на Карель-

ском перешейке и в Южной Карелии. Ведя упорные бои в тесном взаимодействии с Ленинградским фронтом и Балтийским флотом, северяне наголову разгромили противостоящего им противника, отбросили его в глубь Финляндии. Финское правительство, видя неизбежность военного поражения, запросило у СССР перемирия, а вскоре заявило о разрыве с Германией.

Прошло еще два месяца упорных боев. Герои Заполярья освободили город Киркенес и ряд других значительных населенных пунктов Норвегии, дошли до города Нейден.

— Военный совет фронта считает возможным завершить на этом бои. Рассредоточившиеся группки немцев добивают борцы норвежского Сопротивления,— доложил генерал армии К. А. Мерецков в Ставку.

— Мы согласны с решением Карельского фронта,— ответил Верховный Главнокомандующий.— До получения указаний об использовании войск фронта надежно прикройте основные направления на достигнутых рубежах и создайте сильные резервы, а сами выезжайте в Москву.

В Москве Кирилла Афанасьевича ждала большая радость. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин вручил ему звезду Маршала Советского Союза. Ждало его и новое ответственное назначение.

Война на западе приближалась к концу. Дни фашистской Германии были сочтены. Но на Дальнем Востоке последний осколок сломанной оси Берлин — Рим — Токио — милитаристская Япония всеми силами стремилась затянуть войну. Недоброе поведение восточного соседа представляло серьезную опасность для наших границ. К тому же по настоянию союзников по антигитлеровской коалиции Советский Союз принял на себя обязательство через три-четыре месяца после капитуляции фашистской Германии выступить против Японии.

И вот теперь Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб разрабатывали стратегическую операцию на Дальнем Востоке, планировали перемещение войск, усиливали штабы и командный состав. Приморскую группу войск (ставшую впоследствии 1-м Дальневосточным фронтом) подчинили штабу бывшего Карельского фронта, перебрасываемого на Восток. Командующим назначили Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова.

— Хитрый ярославец найдет способ, как разбить японцев,— сказал при этом Верховный.— Ему воевать в лесу и рвать укрепленные районы не впервой.

Конечно, не впервой, но тут был особый случай. Перемещения с Запада на Восток проводились в обстановке строгой секретности. С целью дезинформации противника все штабные офицеры и генералы надевали погоны на несколько рангов ниже их действительных званий, а люди, имевшие широкую извест-

ность, меняли фамилии. Так и Маршал Советского Союза К. А. Мерецков стал генерал-полковником Максимовым. И это создавало определенные трудности, приводило к курьезным случаям.

Однажды, например, после совещания, которое К. А. Мерецков проводил в штабе Приморской группы и где впервые представился всем как генерал-полковник Максимов, один из офицеров подошел нему и спросил:

— Не слышали, говорят, приехал к нам маршал Мерецков?

— Нет,— ответил Кирилл Афанасьевич,— не слышал и не видел его вообще никогда.

Зато и японцы не сумели разгадать, ни какие лица крылись под чужими фамилиями, ни истинных масштабов развертывания войск, ни конкретной даты начала наступления. Почти всюду удалось застигнуть их врасплох.

Внезапность наступления войск 1-го Дальневосточного фронта была достигнута не только скрытностью подготовки, но и смелостью решений командующего, его творческим отношением к решению самых сложных задач. Случилось так, что перед самым началом наступления внезапно разразился ливень. Рушился замысел атаковать мощные железобетонные укрепления японцев глубокой ночью при свете слепящих противника прожекторов. Да и артиллеристы из-за дождя и тумана не видели целей, а стрельба наугад была бы мало эффективной.

— Что делать? Откладывать атаку?

Но К. А. Мерецков принимает неожиданное для многих находившихся в то время на командном пункте решение:

— Будем наступать без артиллерийской подготовки. Погода и внезапность на нашей стороне.

Что стоит за этим решением? Прежде всего умение полководца предвидеть развитие событий на поле боя и, конечно, безграничная вера в массовый героизм, в знание каждым солдатом и офицером своего маневра. И все же, когда по установленному сигналу тысячи воинов покинули траншеи и без единого выстрела двинулись на вражеские укрепления, напряжение достигло высшего предела. За сплошной стеной тропического ливня не видно ни зги. Теперь основной ориентир — расчетное время. Сумеют ли наши части в кромешной тьме внезапно ворваться в укрепленный район?

Сумели! Обнаружив наступающих, японцы выскакивали из укрытий, открывали стрельбу. Но поздно! Наступательный порыв советских воинов неудержим.

Однако неправильно было бы думать, что, дезорганизовав японскую оборону, наши части беспрепятственно пошли вперед. Командующий фронтом ежедневно в течение всей операции получал доклады о яростном сопротивлении противника, не сдававшего без боя ни одного населенного пункта. Приходилось маневри-

ровать силами и средствами, принимать ответственные решения.

На девятый день войны с Японией Маршал Мерецков приказал: для ускорения капитуляции Квантунской армии высадить воздушный десант в городе Харбине, где располагалось командование этой армии, и предъявить ему условия капитуляции. Это была смелая операция. Сто двадцать наших бойцов летели в самое, как говорится, пекло — в район, где находилась многотысячная вражеская группировка. Но командующий фронтом был твердо уверен, что настало время, когда японские самураи должны стать сговорчивее. Так и произошло на самом деле. Гарнизон Харбина не оказал сопротивления. Находившийся там начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Х. Хата был доставлен на командный пункт 1-го Дальневосточного фронта...

Отгремели последние залпы войны. Советские воины, заставившие милитаристскую Японию безоговорочно капитулировать, принесли мир и народам Дальнего Востока.

Заслуги Маршала Советского Союза Кирилла Афанасьевича Мерецкова по достоинству оценены Родиной. Ему присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Он награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени и медалями, а также иностранными орденами. Награжден он и высшим советским военным орденом «Победа», Почетным оружием. Его имя присвоено Благовещенскому высшему танковому командному училищу, улицам в Москве, Новгороде и других городах.

ТОЛЬКО ВПЕРЕД, НА ЛИНИЮ ОГНЯ

Маршал Советского Союза Андрей Иванович Еременко (1892—1970)

Военное лето 1942 года в Москве было в самом разгаре. Сюда не доносился грохот взрывов, но наметанный глаз Еременко по многим приметам определял, что столица, по сути дела, все еще остается прифронтовым городом. На душе скребли кошки. Тяжело было от госпитального безделья и своего бессилия.

Деятельная натура Андрея Ивановича начала тяготиться болезненной тишиной и белым уютом сразу же, как только чуть-чуть затянулись раны и он почувствовал себя окрепшим, почти здоровым, способным самостоятельно ходить, опираясь на палку. Генерал рвался туда, откуда его привезли несколько месяцев назад полуживого,— на фронт, где в огне сражений решалась судьба Родины, Советского государства, а значит, и его судьба — сына бедной многодетной вдовы из села Марковка Ворошиловградской области. Его характер был сродни корчагинскому. Еременко всегда стремился туда, где труднее,— на линию огня.

Ранение он получил, командуя 4-й ударной армией на Северо-Западном фронте. Случилось это во время налета вражеской

авиации. Подоспевших офицеров он попросил помочь добраться до командного пункта армии, никуда не доносить и не сообщать войскам о его ранении. Но на КП командующего уже ждали врачи. Они установили перелом обеих костей голени правой ноги, предложили ампутировать ее. Андрей Иванович отказался:

— Лечите, на то вы и врачи.

Пришлось ногу положить в гипс.

Ходить он, конечно, был не в силах, но и оставить армию в разгар тщательно разработанной и подготовленной им наступательной операции тоже не мог. В штаб фронта и в Ставку Верховного Главнокомандования обратился с просьбой разрешить остаться на своем посту до тех пор, пока задача армии не будет выполнена полностью. Этот своеобразный подвиг продолжался двадцать три дня. После выполнения 4-й ударной армией поставленной задачи ее командующий отправился в госпиталь.

Прошли долгие месяцы лечения, боли, вроде, отступили, и 1 августа 1942 года Андрей Иванович завел разговор с врачом об отъезде на фронт.

— Я чувствую себя совершенно здоровым, товарищ профессор,— сказал Еременко после того, как лечащий врач осмотрел его и удовлетворенно произнес: «Дела идут на поправку».— Знаете, никаких болей! Все как рукой сняло... Я решил подать рапорт Верховному Главнокомандующему с просьбой направить в действующую армию.

Профессор вскочил со стула и торопливо, нервно заходил по палате, потом с металлом в голосе воскликнул:

— Не больным, а врачам решать вопрос о выписке из госпиталя! По меньшей мере месяц-полтора и не думайте о фронте. Вы поняли меня?

— Понял, понял,— улыбаясь, ответил Андрей Иванович.— Но врачи, насколько мне известно, могут установить болезнь, успешно ее лечить, а точно определить момент выздоровления пока не научились.

Врач шутке улыбнулся, смягчился, предложил пройтись по палате. Андрей Иванович после пяти-шести шагов захромал, на лбу выступил холодный пот, нога заныла.

— Довольно! — воскликнул врач.— Вам надо основательно лечиться.

Пришлось признаваться, что рапорт уже подан.

...В кабинет Сталина Андрей Иванович вошел бодро, предусмотрительно оставив свою палку в приемной. Верховный выслушал доклад о прибытии, стоя за рабочим столом, подошел, поздоровался за руку и, пристально глядя на него, спросил:

— Значит, считаете, что поправились?

— Так точно, подлечился.

Кто-то из присутствующих заметил: «Видимо, рана еще беспокоит, ходит-то товарищ, прихрамывая».

На замечание никто не откликнулся.

— Что же, будем считать товарища Еременко возвратившимся в строй. Перейдем к делу...

Члены Государственного Комитета Обороны обсудили срочные меры по укреплению Сталинградского направления. Было принято решение разделить образованный недавно Сталинградский фронт на два фронта.

— Возглавить один из них мы думаем поручить Вам,— сказал Верховный Главнокомандующий, остановившись возле Еременко.— Как Вы на это смотрите?

— Готов нести службу там, куда направит партия,— ответил Андрей Иванович...

Почти сутки изучал он оперативную обстановку, которая была весьма тяжелой, указания Государственного Комитета Обороны по реорганизации Сталинградского фронта.

Вечером 2 августа вновь прибыл к Верховному Главнокомандующему.

— Вошли в курс дела? Все ли Вам ясно? — поинтересовался Сталин.

— Все,— ответил Еременко и после небольшого колебания добавил,— но пока не принято окончательное решение, позвольте высказать некоторые соображения. Я придерживаюсь несколько иного мнения в отношении предстоящего разделения Сталинградского фронта. Если уж делить, то оборону города надо возложить целиком на один из фронтов.

Ход дальнейших событий показал, что мнение генерал-полковника Еременко о нецелесообразности разделения фронта в момент напряженных боев было правильным, и 9 августа Ставка приказала подчинить Сталинградский фронт командующему Юго-Восточным. Но это будем потом, а сейчас... Верховный Главнокомандующий несколько раз прошелся по кабинету и, обращаясь к Василевскому, с некоторым раздражением распорядился:

— Все оставить, как мы наметили. Сталинградский фронт разделить на два, границу между фронтами провести по реке Царице и далее на Калач.

Здесь же было решено назначить генерал-полковника Еременко командующим войсками Юго-Восточного фронта. Была определена и главная задача: во что бы то ни стало приостановить продвижение врага, не допустить его прорыва и выхода гитлеровцев к Волге южнее Сталинграда.

— Юго-Восточный фронт надо создавать заново. Создавать быстро,— завершая разговор, сказал Верховный.— У вас есть опыт в этом. Так что поезжайте, вернее, летите завтра же в Сталинград...

Андрей Иванович всей душой, всем сердцем любил Родину, страстно ненавидел ее врагов. Это чувство всегда помогало ему легче переживать тяжелейшие дни боевых испытаний. Так

было в гражданскую войну, когда приходилось порой по нескольку недель не выходить из боя, не раздеваться и даже не снимать сапог, так было в 41-м, когда Еременко сражался на Западном, Брянском и Северо-Западном фронтах. Теперь на его плечи легла ответственность за оборону Сталинграда.

Вступив в должность, он установил тесный контакт с руководителями Сталинградской партийной организации, горисполкома, энергично включился в работу. Один день сменялся другим, и каждый был предельно напряженным и неповторимым.

Сталинград менялся на глазах. Горели и рушились дома. Удушливый запах гари не выветривался с искореженных взрывами улиц. А небо, исчерченное истребителями и бомбардировщиками, продолжало низвергать на развалины все новые и новые десятки и сотни тонн бомб. Даже Волга, раньше глубокая, с тихой чистой водой, стала мутной. По ней плыли нефтяные пятна, окровавленные бинты. Но город жил, работал и защищался.

...Усталый после бессонной ночи Еременко дремал вполглаза на сиденье рядом с водителем, который по этому случаю старался вести машину осторожно, но ее то и дело бросало из стороны в сторону. Приходилось петлять между глубокими воронками, грудами кирпича, развалинами домов, ставшими уже привычными для глаз каждого защитника Сталинграда. И вдруг Андрей Иванович весь подтянулся, положил свою тяжелую руку на плечо водителя и тут же энергично сжал его. Водитель остановил машину, посмотрел в недоумении на командующего. А Еременко в это время глядел на детский веселый хоровод — скульптурную группу, иссеченную осколками, местами закопченную, но, казалось, живую. Взявшись за руки, дети мирно и весело танцевали на площади под раскатистый грохот войны.

Откуда-то из развалин вынырнул мальчуган — худой и грязный, с быстрыми цыганскими глазами, одетый в старую, во многих местах порванную одежду явно с чужого плеча. Лет ему можно было дать не более восьми. Он замер невдалеке, широко расставив ноги и спрятав руки за спину.

Открыв дверцу машины, Еременко жестом пригласил мальчугана подойти поближе. Тот подошел, но метрах в трех опять остановился.

— Как звать? Давай знакомиться,— первым заговорил Андрей Иванович.

— Петькой.

— Петро, значит. А меня Андреем кличут... Ну, иди поближе.— Повернулся к адъютанту, спросил:— Что у тебя пожевать найдется? Хлеб есть? Масло? Сделай бутерброд и сахарным песком посыпь.

Пока адъютант занимался бутербродом, Андрей Иванович продолжал разговор со своим собеседником.

— Ты откуда, друг? — спросил он мальчугана.

— Я — сталинградец! — с гордостью произнес тот и рассказал, что его отец воюет с гитлеровцами где-то на фронте, а мать погибла во время бомбежки.

— Что ты тут делаешь, Петро?

— Жду отца... Дом свой охраняю от фрицев.

— Как охраняешь?

— У меня граната есть. Как шарахну, если сунутся! — и он вытащил из кармана длинного пиджака настоящую «лимонку», снаряженную запалом:— Во!

— Дай сюда! — невольно вырвалось у Еременко.

Он выскочил из машины и бросился к мальчику, но Петро дал такого стрекача, что через несколько мгновений исчез в развалинах дома, а вскоре появился в проломе стены на втором этаже. Еременко предложил:

— Послушай, Петро, давай меняться: мы тебе — бутерброд с маслом, а ты нам — гранату.

— Не-а,— покачал головой Петро.— У меня она одна.

— А ты знаешь, что ходить с гранатой опасно — может взорваться?

— Ага. Я одну для пробы бросил в подвал, так грохота было...

— Значит, не согласен на обмен?

— Не-а.

Повернувшись к водителю, командующий с горьким вздохом произнес:

— Ну, что ты будешь с ним делать? Дитя войны,— и уже садясь в машину, добавил:— Оставь мальчишке бутерброд.

Дальше ехали молча. Андрей Иванович, все еще переживая встречу со сталинградским Гаврошем, время от времени повторял: «Ах, Петро, Петро... Вот бесенок!» Мысленно он перенесся в свою родную Марковку, в далекое детство. Оно было тоже невеселым, как у этого Петра... Отец его так же, как дед и прадед, который, по рассказам, участвовал в Булавинском восстании крестьян против помещиков и царя, пахал землю, мечтая о лучшей доле. В двадцать один год его забрали в солдаты, где он нажил чахотку. Протянул несколько лет и умер, оставив на руках жены семерых детей.

После смерти отца мать как-то вечером подсела к Андрею, положила руку ему на голову, провела ладонью по жестким волосам и тихо заговорила:

— Сынку, сам бачишь, як нам житы тяжко. Ты самый старший, должен понимать, что без хозяина и дом не дом. Хлопчик ты крепкий, нужно тебе привыкать быть хозяином. А там и братья подрастут, тоже станут помогать. Так и проживем не хуже других.

Сын прижался к матери, заглянул в ее усталые глаза и твердо, вполне осознанно произнес:

— Добре, мамо, я постараюсь...

Так в десятилетнем возрасте кончилось его не очень веселое детство. Ему страстно хотелось учиться, но четыре класса земской школы оказались для него в то время пределом образования. Лет в четырнадцать задумался над тем, почему есть бедные и богатые, сытые и голодные. Но четкие и ясные ответы на эти вопросы смог найти только через несколько лет, когда в окопах империалистической войны примкнул к большевикам.

Постепенно росла вера в победу пролетариата и крестьянства под руководством партии большевиков.

Великий Октябрь на многое открыл ему глаза. Он сражался с врагами Советской власти в родных местах, а после похорон марковских комиссаров, подвергнутых белыми изуверским истязаниям и затем зарубленных, вступил в члены РКП(б). Это событие стало самым ярким во всей его судьбе.

И то, что он был членом Коммунистической партии, придавало ему в работе энергии, усиливало чувство ответственности за порученное дело. Он еще больше стал сознавать, что является бойцом революции, частицей партии, которая впервые в истории повела миллионы простых людей на великую битву за новую жизнь...

...Андрей Иванович торопился на митинг к танкистам, которым предстояло завтра вступить в бой. Слушали Еременко всегда с большим вниманием. Он умел просто и доходчиво разъяснить сложный вопрос, донести свои мысли, идеи до сознания слушателей. И теперь он сразу повел речь о том, что больше всего волновало людей в этот момент, о положении дел на фронте.

— Фашисты протрубили на весь мир о том, что они якобы встретились здесь с первоклассными укреплениями,— говорил командующий.— На самом же деле враг натолкнулся в районе Сталинграда на невиданную в истории стойкость наших воинов... Мы должны с еще большим упорством отражать его наступление, переходить в контратаки и уничтожать врага... Умножать славу нашего оружия, боевые традиции героической обороны Царицына!..

Выступавшие затем бойцы и командиры заверили командующего, что они выполнят поставленную перед ними Коммунистической партией, Советским правительством ответственную задачу.

После митинга Андрей Иванович побывал во всех подразделениях танкистов, побеседовал с бойцами, командирами и политработниками об их боевых делах.

В конце сентября генерал-полковник Еременко был назначен командующим Сталинградским фронтом — так стал называться Юго-Восточный фронт. Обстановка на нем продолжала осложняться. Гитлеровское командование безжалостно гнало свои войска вперед, стремясь сбросить героических защитников Сталинграда в Волгу. Враг торопился, спешил овладеть городом до наступления зимы. Он имел численное и техническое превосходство над оборонявшимися. Компенсировать это превосходство

Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А. И. Еременко

Андрей Иванович старался широким маневром резервами и войсками, снимавшимися с неатакованных участков фронта. Под Сталинградом ему удалось практически осуществить идею создания сильных артиллерийско-противотанковых резервов. За месяц боев на Дону только на фронте двух армий эти резервы уничтожили около 400 танков. Чтобы успешно отражать вражеские атаки и эффективно поддерживать контратаки наших войск, он централизовал управление артиллерийским огнем, создав вначале фронтовую, а затем армейские артиллерийские группы. Их массированный огонь во многом обеспечивал стойкость в восточной части города утомленных беспрерывными боями войск 62-й и 64-й армий.

14 октября гитлеровцы предприняли новый штурм Сталинграда, которому предшествовала мощная артиллерийская и авиационная подготовка. Земля ходила ходуном, дымилась и стонала. Темная смрадная мгла гасила разгоравшуюся на востоке зарю, закрывала клубившийся над волжской ширью туман. Едва в небе появлялся просвет, как в нем сразу же показывались заходившие на бомбежку самолеты, раздавался неистовый вой пикировщиков, падающих бомб и грохот взрывов.

Через два с половиной часа враг бросил в атаку на узком участке фронта дивизию и 150 танков. Казалось, ничто живое не могло уцелеть здесь, в этом огне. Но поднимались из полуразрушенных окопов оглохшие, раненные, но все еще живые

6. Зак. 1521 Кучеров

бойцы, били по ненавистному врагу из пулеметов, автоматов, винтовок и бросали в бронированные чудовища гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Страшные в своей ненависти, они уничтожали врага, сражаясь до последнего вздоха.

...В комнату, как всегда, без стука, чтобы не помешать командующему, тихо вошел адъютант майор М. Дубровин и молча положил на стол листок бумаги. Андрей Иванович, оторвавшись от дел, заглянул в него да так и прилип к нему взглядом. В документе сообщалось:

«Т. Еременко...
15.10.1942.

Противник, введя новые силы пехоты и танков, наступает на северную группу Горохова. Одновременно развивает удар на юг, подошел к Минусинску.

37-я и 95-я сд, всего 200 человек, не могут задержать противника, двигающегося на юг и выходящего на КП штарма и тылы 308-й сд.

Положение осложнилось. Оставаться дальше на КП невозможно. Разрешите переход КП на левый берег, другого места нет.

Чуйков, Гуров, Крылов».

Требовалось срочно принять решение. Еременко знал, что упорные бои в Сталинграде не утихали ни днем, ни ночью, что особенно сильным был натиск врага в северных районах, где гитлеровцам удалось овладеть тракторным заводом, прорваться к Волге и отрезать от основных сил 62-й армии группу войск под командованием полковника С. Горохова. Но отступать было некуда. После некоторого раздумья Еременко наложил на документе короткую резолюцию:

«Т. Чуйкову

Оставаться на КП в Сталинграде. Принять меры переправы в ночь с 15 на 16 138-й сд на правый берег р. Волги.
15.10.1942 г.

Еременко».

Андрей Иванович хорошо понимал Чуйкова, на его месте, возможно, поступил бы так же. Он сам дважды оказывался в положении, когда вражеские войска выходили прямо на его командный пункт. Впервые это случилось на Смоленщине, в районе Рудни, 13 июля 1941 года. Тогда фашистские танки и колонна мотопехоты были задержаны на подступах к городу артиллерийской батареей, и немецкие автоматчики двинулись прямо на КП, замаскированный в кустарнике.

Положение было серьезным. Настолько серьезным, что командующий 19-й армией генерал-лейтенант И. С. Конев, увидев выдвигавшиеся из района КП вражеские танки и пехоту, посчитал Андрея Ивановича погибшим и доложил об этом в штаб фронта. Еременко же вывел личный состав командного пункта в район развертывания 16-й армии и продолжал выполнять распо-

ряжения командующего Западным фронтом Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

Еременко всегда был бойцом бесстрашным, инициативным. В одном из первых в своей жизни боев, было это еще в империалистическую, в решающую минуту заменил погибшего командира и поднял взвод в атаку. В гражданскую ходил в атаки под вражеской шрапнелью в пешем и конном строю, участвовал в рукопашных схватках.

Однажды, когда рано утром белогвардейская конница, подобравшись скрытно, неожиданно ворвалась в станицу, в которой после длительного марша и тяжелого боя расположились буденновцы на отдых, Еременко проявил командирскую инициативу и отвагу. В то утро он уточнял задачу выступавшему в разведку эскадрону. Услышав топот коней и поднявшийся шум, он, мгновенно приняв решение, крикнул:

— Шашки к бою, повзводно в атаку на врага галопом марш!

Андрей Иванович первым устремился навстречу противнику, за ним — весь эскадрон. И белые дрогнули, их ряды смешались: передние шеренги повернули назад, а задние все еще напирали. В конце концов, они бросились наутек. Благодаря находчивости молодого командира, была спасена от разгрома целая бригада.

Больше всего Андрей Иванович ценил в людях преданность Родине, партии, народу. И мужество, которое позволяет человеку, идя в бой, думать не о своей жизни, а о смерти врага; жертвовать собой, выручая товарищей; умереть, если придется, за свою страну, за дело Ленина,— чтобы живые одержали победу. Мужество не покидало Еременко ни в то время, когда он был солдатом, ни тогда, когда стал генералом.

Нелегко было принять решение не переносить КП 62-й армии за Волгу, но в интересах дела обороны Сталинграда нужно было принять такое решение, и Андрей Иванович принял его. Через какое-то время майор Дубровин положил на стол еще один документ.

«Военному совету фронта
15.10.1942.

Дивизионная артиллерия на правом берегу огня вести прицельно не может. Доставка снарядов слабая... Прошу дивизионную артиллерию переправить на левый берег. Здесь оставить полковую и батальонную артиллерию.

Чуйков, Гуров, Крылов, Пожарский».

Складывавшаяся на фронте 62-й армии обстановка вызывала у Андрея Ивановича все большую тревогу. «Надо немедленно съездить к Чуйкову и на месте разобраться во всем»,— решил он, размашисто налагая свою резолюцию:

«То, что находится из артиллерии на правом берегу р. Волги — должно оставаться там.
15.10.1942 г. Еременко».

Поездка предстояла не из приятных. Гитлеровцы, заняв господствующее положение на высотах, держали под огнем весь участок реки против Сталинграда. В их руках в это время находились Мамаев курган, а также выходы к реке у тракторного завода и устья Царицы. Узнав о намерениях Андрея Ивановича, командарм стал энергично отговаривать его от поездки:

— Не советую. Настоятельно прошу не предпринимать этого рискованного путешествия,— рокотал в телефонную трубку застуженный и потому охрипший бас Василия Ивановича Чуйкова.— Очень опасно...

— Везде сейчас опасно,— ответил Еременко.— У нас на днях бомба разорвалась чуть ли не на КП. Троих — насмерть. А что было, когда наш КП в Сталинграде находился...

— И все-таки не советую,— стоял на своем командарм.— Обстановку вы знаете... Мы докладываем обо всем без промедления. Зачем рисковать?

— Надо, Василий Иванович, надо съездить к вам,— не дослушав доводы собеседника, произнес Еременко.— И давайте условимся: больше об этом речь не заводить.

Предпринятая в тот же день попытка переправиться в район тракторного завода оказалась неудачной: противник вел усиленный огонь по всем нашим причалам и переправам.

На следующий день генерал-полковник Еременко и сопровождавшие его люди прибыли на командный пункт Волжской военной флотилии. Контр-адмирал Д. Рогачев завел было речь о невозможности добраться до Сталинграда, о смертельной опасности, которой подвергается каждый, кто решается на такое путешествие. Но Андрей Иванович не стал выслушивать доводы командующего флотилией:

— Бронекатер нам! И немедленно!

Рогачеву не удалось уговорить командующего фронтом отложить поездку; самое большое, чего он добился,— разрешения подождать сумерек.

Вечером на небольшом катере, борт которого могла пробить любая пуля, Еременко отправился в путь. Но, как только из Ахтубы вошли в Волгу, сумерки будто отступили: на реке и в городе было светло, как днем: противник непрерывно бросал осветительные бомбы и ракеты. Все десять километров вдоль Сталинграда пришлось плыть под вражеским огнем. Командиру бронекатера, человеку бесстрашному и сноровистому, удавалось ловко маневрировать между разрывами снарядов и мин. Действуя по обстановке, он подвел катер к правому берегу в районе завода «Красный Октябрь» — совсем не там, где его ждал Чуйков.

Ступив на берег, Еременко осмотрелся: местность вокруг была усеяна обломками стен, поваленными деревьями, искореженным железом, изрыта глубокими воронками от взрывов авиабомб. Противник продолжал интенсивный обстрел реки и позиций

наших войск, но несмотря на это берег Волги был оживленным: сюда прибывало пополнение, доставлялись боеприпасы, отсюда эвакуировали раненых.

С большим трудом добрался Андрей Иванович до армейского КП — давали о себе знать ранения, очень беспокоила нога. Уставший, хмурый появился он перед начальником штаба армии Н. Крыловым, который сжался даже внутренне, ожидая разноса за потерю важных для всего фронта позиций, но Еременко повел себя без особой официальности. Входя в штаб, буднично произнес:

— Пришел поглядеть, как вы тут живете.

Командующий заслушал доклад начальника штаба армии об обстановке, задал много вопросов вернувшемуся с берега Волги Чуйкову. Затянувшийся разговор прервал высокий, с небольшой щеточкой усов на мужественном лице энергичный полковник.

— Командир 138-й стрелковой дивизии полковник Людников Иван Ильич.

Поздоровавшись и выяснив ряд вопросов, касающихся переправы полков на правый берег, Еременко сказал:

— Задачу дивизии поставит генерал Чуйков. Важно, чтобы каждый боец усвоил главное — отступать здесь некуда, отступать нельзя. Это вам ясно?

— Ясно, товарищ командующий,— без тени колебания ответил Людников.

Было уже за полночь, когда Андрей Иванович, отодвинув от себя карту, карандаши, бумаги, встал из-за стола и, потирая раненую ногу, спросил:

— А чайком у вас угощают гостей?

После чая Андрей Иванович встретился с командирами дивизий, командные пункты которых находились поблизости. Особенно долго и обстоятельно беседовал с командиром 37-й гвардейской дивизии. Гвардии генерал-майор В. Г. Желудев взволнованно рассказал о событиях последних дней, о мужестве и героизме воинов-гвардейцев, оборонявших тракторный завод.

Этот генерал нравился командующему прямым, независимым взглядом, твердым и решительным характером, сказывавшимся в каждом жесте и слове. Его рассказ взволновал Андрея Ивановича, но с напускной строгостью он спросил комдива:

— Как же все-таки отдали вы противнику завод?

Подняв отяжелевшие от усталости веки и глядя прямо в глаза командующему фронтом, Желудев после некоторого молчания заговорил глухо и медленно, будто каждое слово с трудом выдавливал из себя:

— Товарищ командующий, задачу свою дивизия выполнила честно, ни на шаг не отступила. Большинство солдат и офицеров погибли.

Минуту, две сидели молча. Что мог сказать командующий? Упрекнуть в чем-то? Но разве можно было упрекать

героев, честно выполнивших свой долг, отдавших самое дорогое — жизнь борьбе за Сталинград.

— Да, война неумолима. Враг жесток,— произнес, наконец, Еременко.

С комдивами, на командные пункты которых пройти было совершенно невозможно, командующий поговорил по телефону. Время торопило, близился рассвет. Надо было возвращаться на свое рабочее место — командный пункт Сталинградского фронта.

Поездка обогатила командующего личными впечатлениями о положении дел в 62-й армии. Решимость бойцов сражаться до последнего радовала Андрея Ивановича. Решимость эту он слышал в беседах, видел на лицах. О ней говорил протокол комсомольского собрания одного из подразделений:

«Слушали: О поведении комсомольцев в бою.

Постановили: В окопе лучше умереть, но не уйти с позором. И не только самому не уйти, но сделать так, чтобы и сосед не ушел.

Вопрос к докладчику: Существуют ли уважительные причины ухода с огневых позиций?

Ответ: Из всех оправдательных причин только одна будет приниматься во внимание — смерть».

С одобрением отозвавшись об этом документе, Еременко решил в целях повышения боевого духа войск выступить с обращением к красноармейцам и командирам Сталинградского фронта, в котором изложить свои наблюдения, выводы, родившиеся во время поездки в 62-ю армию.

Работа над текстом продвигалась медленно. Хотелось, чтобы он был коротким, но емким. Написав фразу, Андрей Иванович пробовал ее на слух, потом перечеркивал, заменял слова и снова читал громко, как перед строем. В обращении говорилось:

«Наша общая ближайшая задача: отстоять Сталинград! Это наш священный долг перед Родиной, и мы его выполним — отстоим славный город, уничтожим врага под Сталинградом!

К нашему упорству в борьбе с фашистами нужно добавить всю мощь пехотного оружия. Каждый боец должен стремиться и считать за честь — как можно больше истребить фашистов огнем из винтовки, пулемета, автомата...

Помните, товарищи, в ближнем бою огонь пехоты больше всего наносит потерь противнику. Поэтому всем бойцам, находящимся в бою, надо вести огонь частый, залповый, смотря по обстановке...

Обращаемся ко всем командирам и бойцам с требованием и призывом: больше организованности, больше уверенности и упорства, проявляйте широкую активную инициативу в бою.

Больше нажим на врага. Залезай в каждую щель боевого порядка противника! Проникай в его глубину, уничтожай врага беспощадно всюду!

В бой, товарищи! Никакой пощады врагу!»

Для Еременко был характерен творческий подход к любой проблеме. Он умел глубоко вникнуть в нее, изучить, всесторонне проанализировать и принять смелое, обоснованное решение. В первые дни Великой Отечественной войны, находясь на Западном фронте, Андрей Иванович сразу определил, что для выполнения основной задачи фронта — любой ценой, любыми средствами задержать противника, выиграть время, надо прежде всего восстановить нарушенное управление войсками. Он совершенно ясно сознавал, что только организованные, связанные единой идеей сражения армии, корпуса и дивизии могут преградить врагу путь к Москве. Это и было положено в основу подготовленной им директивы.

Умело применял Еременко не очень многочисленную авиацию фронта. По его приказанию 1 июля она произвела первый массовый налет на врага. До полудня самолеты использовались на Бобруйском, вторую половину дня — на Борисовском направлениях. На переправы через Березину, наведенные войсками Гудериана, были посланы 15 штурмовиков под прикрытием звена истребителей. Зная, что гитлеровцы сейчас же поднимут в воздух свою истребительную авиацию, через 7—8 минут в район боя наше командование направило 24 истребителя. Тактическая новинка полностью себя оправдала. За несколько минут над Могилевом было сбито 5 немецких самолетов. В районе Бобруйска наша авиация уничтожила 30 самолетов. За два дня это число удвоилось.

Тогда же, осмысливая опыт боев, Еременко пришел к выводу, что успех во многом зависит от наличия танков в боевых порядках. Танками укреплялась оборона, но особенно остро чувствовалась их необходимость при контратаках, в ходе наступательных действий. В довольно редких случаях, когда удавалось усилить боевые порядки нашей пехоты танками, она действовала энергично, контрудары и контратаки приносили успех. 7 июля он направил Верховному Главнокомандующему донесение, в котором просил включить организационно в стрелковые войска танки непосредственной поддержки пехоты.

...С первого дня участия в обороне Сталинграда Еременко вынашивал мысль о контрнаступлении.

6 октября он направил в Ставку оперативное донесение, в котором говорилось: «Решение задачи по уничтожению противника в районе Сталинграда нужно искать в ударе сильными группами с Севера в направлении Калача и в ударе с фронта 57-й и 51-й армий в направлении Абганерово и далее на северо-запад, последовательно разгромив противника перед фронтом 57-й и 51-й армий, а в дальнейшем — и сталинградскую группировку».

Мнение Андрея Ивановича в основном совпало с мнением Ставки. В ноябре Сталинградский фронт под его командованием принял активное участие в контрнаступлении. Вместе с Юго-За-

падным и Донским фронтами он замкнул кольцо окружения вокруг 6-й полевой и большей части соединения 4-й танковой немецких армий.

Каждый удар Еременко готовил тщательно, нередко перед наступлением проводил показные учения. На одном из таких учений отрабатывался прорыв обороны противника и бой в ее глубине. Для этого была создана оборонительная полоса с траншеями и заграждениями по немецкому образцу и подобию. День выдался теплый, солнечный. Слабый ветерок медленно нес на «противника» поднятую стену дымовой завесы. Местность для наступления была слабо пересеченная, полуоткрытая. После артиллерийской и авиационной подготовки пехота с криком «ура» устремилась в атаку. К ней подошли танки и тоже двинулись на «противника».

На первый взгляд все шло нормально, но генерал армии Еременко дал отбой. Собрав командиров, он с возмущением заговорил:

— Разве так идут в атаку? Так солдат водят в баню, а не в атаку. И танки опоздали. Кто кого будет поддерживать: танкисты пехоту или наоборот?

Атака повторилась несколько раз, затем был отработан бой в глубине обороны противника.

— Надо научить подразделения искусству наступать почти вплотную за огневым валом,— пояснил Еременко.— А у вас,— обратился он к одному из ротных,— солдаты боятся своих танков. Вместо того чтобы показать танкистам, где лучше преодолеть траншею, они спрятались на дно окопа и переждали проход танков. Надо научить солдат совместным действиям с танками.

От командиров Андрей Иванович требовал создавать для солдат все условия, обеспечивающие их боеспособность, моральный дух: накормить каждого, дать ему отдохнуть, снабдить исправным оружием и достаточным количеством боеприпасов, научить безупречно пользоваться ими, добиться, чтобы он усвоил тактику ведения боя в конкретных условиях, объяснить задачу, сделать все для того, чтобы наши солдаты были в более выгодных условиях, чем противник.

С 1 января 1943 года Сталинградский фронт был переименован в Южный. Командуя им, Еременко направлял усилия войск на разгром врага в нижнем течении Дона. Перед фронтом стояла задача овладеть Батайском, Ростовом, Новочеркасском, отрезать вражеские войска, находившиеся на Северном Кавказе. В ходе наступательных боев противнику был нанесен значительный урон, очищена от оккупантов большая территория. Однако здоровье командующего совсем расстроилось, разболелись раны, и в то время, когда войска уже находились на подступах к Ростову, Андрей Иванович окончательно вышел из строя. Ставка приказала ему немедленно отправиться на лечение.

Летом и осенью 1943 года генерал армии Еременко командовал

Генерал-лейтенант А. И. Еременко вручает награду одному из защитников Сталинграда.

Генерал армии А. И. Еременко на командном пункте. Прибалтика. 1944 г.

Калининским фронтом, который во взаимодействии с Западным нанес удар на центральном участке советско-германского фронта. В итоге сражений были открыты знаменитые Смоленские ворота — кратчайший путь в Прибалтику и к границам Германии, прорвана мощная, многополосная оборона.

А в начале 1944 года под его командованием Отдельная Приморская армия совместно с 4-м Украинским фронтом освободила Крым. С боями она прошла 420 километров, очистив от фашистской нечисти побережье Черного моря от Керчи до Севастополя. Наступление велось так стремительно, что фашисты не успели разрушить крымские здравницы. Новое, легкое ранение не прервало боевую деятельность полководца. В апреле 1944 года Еременко возглавил 2-й Прибалтийский фронт, войска которого участвовали в освобождении Латвии.

На завершающем этапе войны Андрей Иванович руководил действиями 4-го Украинского фронта по освобождению Чехословакии. В конце апреля наши войска повели наступление на город Моравска-Острава, прикрытый двумя оборонительными рубежами. Каждый из них представлял систему мощных дотов, расположенных в несколько линий.

Брать город в лоб, выкуривать засевшего там врага артиллерийским огнем и бомбовыми ударами авиации — значило подвергнуть разрушению индустриальное сердце страны. Еременко принял решение обойти город, а затем нанести сосредоточенные

удары на узких участках, чтобы расчленить вражескую группировку и в кратчайший срок разгромить ее. Замысел удался. И, пожалуй, самой высокой наградой Андрею Ивановичу было полученное им письмо:

«Чехословацкие горные и металлургические инженеры Остравского каменноугольного бассейна, участники первого собрания горных и металлургических инженеров в Моравской Остраве после ее освобождения, благодарят Вас и доблестные войска 4-го Украинского фронта за то, что в течение военных действий горная и металлургическая промышленность нашего бассейна осталась совершенно неразрушенной и Чехословацкая Республика не была лишена своей основной промышленной базы...

Да здравствует вечная дружба между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой!»

После окончания Великой Отечественной войны А. И. Еременко командовал войсками Прикарпатского, Западно-Сибирского, Северо-Кавказского военных округов. До последних дней своей жизни он отдавал все свои силы, большой опыт и знания дальнейшему совершенствованию Вооруженных Сил, принимал деятельное участие в общественно-политической жизни страны.

Много лет назад мне довелось слушать Андрея Ивановича в нашем гарнизонном Доме офицеров.

Живого, настоящего маршала и совсем рядом я, молодой солдат, видел в тот раз впервые: замерев, смотрел на него во все глаза и слушал, боясь пропустить хоть одно слово. Поэтому и запомнилась так подробно та встреча.

Вначале он показался мне очень суровым: брови сдвинуты, широкое лицо изрезано глубокими морщинами, уголки губ приспущены. Но уже через несколько минут, удивительное дело, лицо его стало моложе. Морщинки, конечно, никуда не делись — просто мы перестали их замечать. Андрей Иванович разговаривал с молодыми солдатами, и на лице его то и дело появлялась добродушная улыбка, в прищуренных глазах вспыхивали веселые огоньки.

Запомнились его слова о командирах. Говорил он с украинским акцентом, не очень громко, но твердо и уверенно, не торопясь, будто каждое свое слово хотел донести до самой глубины нашего сознания:

— Советский командир — это и учитель и воспитатель одновременно. Пришли вы, молодые солдаты, в часть — и здесь вас встретил тот, кто будет рядом с вами все годы службы, кто научит воинскому мастерству и всегда даст нужный совет,— ваш командир. Родина доверила ему командовать вами. Он бывает и требовательным, и суровым, иногда он покажется даже придирчивым. И все же нет у солдата лучшего друга, чем командир. Вы будете с благодарностью вспоминать его, как вспоминаем мы своих командиров, с которыми прошли большой путь, побывали во многих битвах...

Окинув прищуренным взглядом слушателей, Андрей Иванович с улыбкой спросил:

— Вещмешки получили?

Среди солдат прошелестел удивленный шепоток — надо же, чем маршал интересуется — и послышались нестройные ответы: «Получили».

— А маршальские жезлы?

Солдаты оценили шутку, откликнулись на нее дружным смехом. И опять маршал стал рассказывать о своей далекой юности. Вспомнил, как усатый каптенармус, родом откуда-то из-под Полтавы, выдавая новобранцу Еременко солдатский ранец, пошутил: «А ну, хлопец, пошукай на дне, може, найдешь там маршальский жезл». Хлопец не понял шутки и озабоченно стал ощупывать внутренность ранца, чем вызвал взрыв хохота у всех присутствующих. Но ранец Андрея Еременко, бывшего батрака, сына горемычной вдовы, и впрямь не был пустым: прошло время — и маршальские погоны легли на его широкие плечи. Он был одним из активных строителей Советской Армии, видным военным деятелем, талантливым полководцем.

Его заслуги перед Родиной высоко оценены Коммунистической партией и Советским государством. Ему присвоено звание Героя Советского Союза. Он награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова I степени, орденом Кутузова I степени, многими медалями, иностранными орденами, Почетным оружием. Удостоен звания Героя Чехословацкой Социалистической Республики. Именем Еременко названо Высшее общевойсковое командное училище в г. Орджоникидзе, супертанкер, улицы в Волгограде, Керчи и других городах.

ТАЛАНТ, ОГРАНЕННЫЙ В БОЯХ

Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян (1897—1982)

Две Золотые Звезды Героя Советского Союза, семь орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова I степени, орден Кутузова I степени, орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, многие медали, Почетное оружие, а также иностранные ордена и медали. Это не просто перечень наград. Это яркое свидетельство признания военного таланта Маршала Советского Союза Ивана Христофоровича Баграмяна — одного из прославленных полководцев, отдавших все свои силы, знания, опыт Родине, советскому народу.

Но скажи кому-то из тех, кто в начале века жил рядом с Баграмянами в рабочей казарме путейцев близ Елисаветполя (Кировабада), или землякам из горного села Чардахлы, что заводила среди своих сверстников Ваня Баграмян будет известным всему миру полководцем, люди ни за что не поверили бы. Да и где это видано, чтобы сын путейского рабочего стал вдруг не кем-нибудь, а прославленным маршалом. Ну и что из того, что закончил он с высшими оценками двухклассное Елисаветпольское

железнодорожное училище, а затем и техническое железнодорожное училище в Тифлисе? Просто повезло. Но удел все равно известен. В жару и холод, под дождем и снегом вместе с рабочими следить за исправностью железнодорожного пути. Нужно — ремонтировать. Рассчитывать на продвижение по службе не приходилось.

Может, все и было бы так. В мае 1915 года в неполные восемнадцать лет Иван был назначен техником-практикантом службы пути на станции Елисаветполь. Но шла первая мировая война. Русская армия несла большие потери. Царю-батюшке были нужны офицеры. И тут уж не до сословных привилегий. Да и не очень рвались защищать Отечество дворянские сынки. Командование искало грамотных простолюдинов, чтобы, наспех подготовив их, направить на фронт, под вражеские снаряды и пули. Попал в их число и Иван Баграмян. Добровольно вступив в октябре 1915 года в русскую армию, он в составе экспедиционного корпуса Кавказского фронта участвовал в боях с турецкими войсками на территории Ирана. Дошел почти до Багдада, оттуда был направлен в 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков. Закончив ее в августе 1917 года, он назначается младшим офицером одной из рот запасного пехотного полка.

Прапорщик. На плечах офицерские погоны. Но не так-то охотно принимают кадровые офицеры-дворяне в свою среду выходца из рабочих. Баграмян и сам не искал близости с ними. Он открыто становится на сторону простых солдат. И когда в тяжелые для Армении дни дашнакского правления нужно было решать, с кем идти дальше — с рабочими и крестьянами, поднявшими в майские дни 1920 года восстание в Александрополе (ныне Ленинакан), или с реакционерами и националистами, Баграмян смело заявил командиру полка:

— Я за большевиков!

За большевиков проголосовали и солдаты 1-го армянского конного полка, где командиром сабельного эскадрона служил Баграмян. Полк примкнул к восставшим рабочим. Спустя много лет Иван Христофорович с горечью вспоминал, как дашнаки с помощью интервентов Антанты подавили восстание, а сам он оказался за тюремной решеткой.

Окончательно судьба молодого офицера решилась в ноябре 1920 года, когда Красная Армия освободила Армению от дашнаков. В эти дни он навсегда связал свою судьбу с армией Страны Советов. А вскоре понял, что командир Красной Армии должен обладать многими достоинствами, но на первом месте стоит его любовь к Родине и трудовому народу. Без этого нет настоящего командира, не может он повести за собой людей, отстаивать завоевания революции, бороться за народное счастье. И Иван Христофорович настойчиво воспитывал в себе эти качества, учился. Учился, когда командовал пулеметным эскадроном, когда стал

командиром кавалерийского полка, начальником штаба кавалерийской дивизии. Окончил Высшие кавалерийские курсы Красной Армии, Военную академию имени М. В. Фрунзе, Академию Генерального штаба.

Великую Отечественную войну полковник Баграмян начал в должности начальника оперативного отдела штаба Киевского Особого военного округа. Он знал, что такое война. Но если в ту неправедную империалистическую молодой офицер Баграмян командовал взводом и эскадроном, то теперь на его плечи легла ответственность за дивизии, корпуса, армии. Это он, полковник Баграмян, вместе с помощниками должен первым докладывать командованию Юго-Западного фронта, так стал именоваться Киевский Особый военный округ, об удачных и неудачных боях, о «танковых клиньях», о превосходящих силах противника. Готовить в соответствии с принятым командующим фронтом решением боевые распоряжения войскам, чтобы объединить отрезанные друг от друга внезапным ударом врага части, навести их на цель, нанести контрудары и остановить, хотя бы задержать захватчиков. К тому же начальнику оперативного отдела звонили из Генерального штаба:

— Что происходит под Дубно, Ровно, Луцком? Куда вышли танки противника? Где находится армия генерала Потапова?

Порой такие вопросы ставили в тупик. Ведь даже рабочая карта полковника Баграмяна имела в те дни необычный вид. Вместо сплошной линии фронта на ней были разбросаны большие и малые «кольца», означавшие части и соединения, ведущие борьбу в отрыве от соседей, без связи с крупными штабами, и «стрелы» — танковые части врага, устремленные на важнейшие стратегические пункты. Немало было на карте и белых пятен, таивших неизведанную опасность.

Трудное это было время. Очень трудное. Отряды пограничников и гарнизоны укрепленных районов до последнего патрона сражались в окружении многократно превосходящих их фашистских войск.

Среди самых отважных, самых стойких бойцы видели коммунистов. И росло у людей стремление завоевать высокое право носить звание члена партии. Вступление в партию каждый расценивал как обязательство быть в бою первым. Лучшие черты коммуниста — глубокое сознание долга перед народом, стремление отдать все свои силы, а если нужно, и жизнь за дело партии, во имя социалистической Родины — становились нормой поведения бойцов и командиров.

«У геройски павшего сержанта Сельцова,— вспоминал в послевоенные годы И. Х. Баграмян,— среди документов нашли записку: «Иду в бой с мечтой встретить свой смертный час как подобает большевику». За два дня до этого Сельцов подал заявление о принятии его в партию».

Понимание рядовым бойцом священных целей войны — великая сила. И эта сила крепла с каждым часом. Ведя упорные бои, стремились выйти на назначенные рубежи дивизии, расположенные вблизи границы. Под непрерывными ударами немецкой авиации шли к границе соединения второго эшелона.

А враг, не считаясь с потерями, бросая в бой все новые и новые силы, стремился смять, опрокинуть наши войска, выйти на оперативный простор, чтобы с ходу овладеть Киевом. Стремился. Но мужество красноармейцев зачеркивало вражеское превосходство. При малейшей возможности они контратаковали фашистов, отбрасывали их назад, заставляли топтаться на месте.

Вот в таких условиях начал граниться военный талант Ивана Христофоровича Баграмяна. Его труд, его мысли вливались в коллективно разрабатываемые планы, которые становились крупнейшим танковым сражением первого периода войны в треугольнике Владимир-Волынский — Радзехув — Дубно, стойкой обороной Киева, удержанием Днепровского рубежа, многими другими операциями, заставившими Гитлера в конце июля приостановить наступление группы армий «Центр» на Москву.

И опять приходилось учиться. Уже после войны маршал Баграмян вспоминал: «Мы в школах и академиях учились главным образом наступать, а стратегической обороне уделяли меньше внимания. В те дни боев под Киевом мы почувствовали это. Командиры и штабы оказались недостаточно подготовленными к отступательным маневрам, пришлось на ходу учиться трудному искусству активной стратегической обороны».

Катастрофически не хватало времени. Оперативный отдел штаба — И. Х. Баграмян и его подчиненные забыли о нормальном сне, регулярном питании. Но, совершая по приказам командования поездки в армии, корпуса, укрепленные районы, полковник все же выкраивал время, чтобы встретиться с красноармейцами, командирами. Это были полезные встречи. Ответственный работник фронтового штаба еще и еще раз убеждался в стойкости, мужестве рядовых бойцов, в их твердой вере в неминуемый разгром фашистских захватчиков. А сам рассказывал им о положении на фронтах, о мерах, принимаемых партией и правительством для усиления мощи Красной Армии.

Однажды, выполняя задание командующего фронтом по организации обороны Киевского укрепленного района, Иван Христофорович побывал на огневых позициях противотанкового дивизиона. Артиллеристы, сбросив гимнастерки, орудовали лопатами. По обнаженным спинам струился пот. Молодой офицер с тремя кубиками в петлицах, увидев старшего начальника, представился:

— Командир батареи старший лейтенант Сергиенко.

— Как настроение? — поинтересовался Баграмян.— Готовы ли встретить вражеские танки?

— Пусть только сунутся! Мне уже приходилось встречаться с ними в бою. Рассказывал я об этом батарейцам. А сейчас мы готовим несколько запасных позиций, чтобы бить врага не только метким огнем, но и внезапностью. И люди уверены — будут гореть фашистские танки.

Посмотрев на часы, старший лейтенант обратился к Баграмяну: «Товарищ полковник, разрешите объявить перерыв».

И сразу красноармейцы окружили Ивана Христофоровича. Посыпались вопросы:

— Где противник?

— Много ли у него танков?

— Где наши резервы?

— Противник рвется к Киеву,— как можно спокойнее говорил Баграмян батарейцам.— У него много танков. Так что работы всем хватит.

— А вам доводилось видеть фашистские танки? — спросил он у самого молодого бойца.

Парень залился краской смущения, но ответил твердо:

— Не довелось еще, товарищ полковник, но готовлю себя к этому. Одно знаю, что пропустить их в Киев нельзя.

— Не сомневайтесь, товарищ полковник,— добавил командир батареи,— хлопцы хоть и не обстрелянные, но положиться на них можно.

Рос боевой опыт, накапливались знания, умение быстро ориентироваться в сложной оперативной обстановке, обосновывать свои предложения о противодействии противнику. Повышался и авторитет Ивана Христофоровича. В августе 1941 года товарищи тепло поздравили его с присвоением генеральского звания. А вскоре сбылась и заветная мечта генерала Баграмяна. Коммунисты штаба фронта приняли его в ряды ленинской партии.

С еще большей ответственностью трудился теперь начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта. Как хотелось ему, его боевым товарищам поскорее остановить фашистов, заставить их повернуть вспять и гнать, гнать туда, откуда пришла на нашу землю война. И он думал, анализировал, старался как можно глубже проникнуть в замыслы противника.

Обстановка на фронтах архисложная. И хотя сумасбродные фашистские планы «молниеносной войны» сорваны, но враг захватил большую часть Украины, Белоруссию, Молдавию, Литву, Латвию, Эстонию, забрался в Донбасс, навис черной тучей над Ленинградом, угрожает Москве. На Юго-Западном направлении танковая армия Клейста рвется к Ростову-на-Дону, чтобы затем двинуться в хлебные районы Дона, Кубани, Ставрополья и к нефтяным центрам — Грозному и Баку.

«Пассивная оборона равносильна гибели. Нужно наступать». Придя к такому выводу, генерал Баграмян сел за расчеты. А через несколько дней докладывал начальнику штаба фронта:

— По моему мнению, есть возможность собрать группировку войск, которая сможет сорвать наступление танков Клейста, преградить им доступ в пределы Северного Кавказа.

— Покажите-ка ваши расчеты.

— Так, так! Хорошо! Очень смело! — констатировал начальник штаба, изучая развернутую Баграмяном карту.

Изучал долго, тщательно. Видно было, что он взвешивает малейшие детали предлагаемого начальником оперативного отдела контрнаступления. А потом поднялся из-за стола, прошелся несколько раз взад-вперед по комнате и решительно проговорил:

— Некоторый риск в вашем замысле есть, но другого нам не дано... Нужно докладывать маршалу.

Главком Юго-Западного направления Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, проанализировав представленные ему расчеты, посоветовался с членами Военного совета и решил: «Будем наступать».

В подготовку операции включились штабы Южного и Юго-Западного фронтов, командующие армиями, командиры корпусов и дивизий. Первоначальный замысел «обрастал» деталями, уточнялся, совершенствовался. Перегруппировывались силы. Накапливались боеприпасы и горючее...

Всего шестнадцать дней длилась Ростовская наступательная операция. Но в результате ее немецко-фашистским войскам было нанесено серьезное поражение. Именно там, под Ростовом, началось бегство «непобедимого» Клейста. Это было, прямо скажем, в новинку. И люди, даже умудренные большим опытом, не скрывали своего восхищения. Крепко врезался в память Ивану Христофоровичу один из таких радостных эпизодов.

«...В степи видно далеко вокруг. На одном из курганов был оборудован наблюдательный пункт командующего 37-й армией генерала Лопатина. Этот мужественный и несколько грубоватый человек, которого, казалось, не проймешь никакими эмоциями, вдруг оторвался от окуляров стереотрубы, счастливыми глазами окинул всех, кто был на КП, и радостно воскликнул:

— Как бегут! Как они черти бегут! Верил я, всегда верил, что фашисты будут драпать от нас, но боялся погибнуть, не увидев этого.

Стоявший рядом с генералом молодой командир весело заверил:

— Так они еще только учатся бегать, товарищ командующий, а когда мы их потренируем, то они и до самого фатерлянда без передышки добегут!»

И потренировали. 5 декабря 1941 года войска левого крыла Калининского фронта в соответствии с замыслами Верховного Главнокомандования перешли в контрнаступление. Вслед за ними нанесли удары по врагу армии, корпуса, дивизии Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов. Стремительно продвигалась

на Елец и фронтовая оперативная группа генерала Ф. Я. Костенко. Обязанности начальника штаба группы исполнял И. Х. Баграмян.

Весьма неожиданно оказался Иван Христофорович в этой должности. Убедившись, что на Южном фронте наступление против Клейста идет успешно, маршал С. К. Тимошенко решил ознакомиться с подготовкой новой наступательной операции, теперь на правом крыле Юго-Западного фронта. Вот тут-то и возникло у него решение создать оперативную группу во главе с заместителем командующего фронтом генералом Ф. Я. Костенко.

— А вас, товарищ Баграмян, назначаю начальником штаба группы.

— Начальник штаба есть, но штаба-то нет! — не сдержался Иван Христофорович.

Да, штаба еще не было. Но потому и доверил главком направления эту ответственную должность генералу Баграмяну, что знал: высокая военная подготовка, богатый опыт, наконец, исключительные человеческие качества позволят ему успешно выполнить приказ.

За одну ночь, хотя и с большим трудом, подобрал Иван Христофорович круг лиц, которые должны были вместе с ним руководить наступлением, и добрался до КП оперативной группы.

— Время! Время нас поджимает. Не медля, принимайтесь за работу,— так встретил свой штаб генерал Костенко.

Да, в распоряжении вновь созданной группы было всего лишь несколько дней. А нужно было отработать массу документов, довести до частей и соединений принятое решение. Каким оно должно быть это решение? Приказано наступать, а соотношение сил, если исходить из теории военного искусства, делало это невозможным. У врага есть танки, которых в наших частях считанные единицы. Почти вдвое больше орудий и минометов. На каждый наш пулемет у фашистов два. Тут есть над чем задуматься. Но Иван Христофорович твердо запомнил любимое изречение Суворова: «Делай на войне то, что противник почитает за невозможное». А так как были они с генералом Костенко единомышленниками, то и решение приняли смелое, дерзкое.

Гитлеровцы, знавшие о своем превосходстве, не ожидали, что советские войска перейдут в наступление на Елец. Трудно им было представить, что можно побеждать и с меньшими силами. Но для этого нужны творчески мыслящие командиры и беззаветно преданные своей Родине солдаты. В наших войсках недостатка в подобных людях не было. И перейдя во взаимодействии с 13-й армией к активным боевым действиям, они стали решительно продвигаться вперед. В короткие сроки елецкая группировка гитлеровцев была окружена и разгромлена. Деморализованные фашистские вояки сдавались в плен целыми подразделениями во главе с офицерами.

Так и прибыл майор в расположение наших войск во главе разоруженной роты гитлеровцев.

Вскоре после успеха под Ельцом генерала Баграмяна срочно вызвал главком направления и даже послал за ним самолет. В чем дело? Почему такая срочность? Все прояснилось с первых же минут встречи с маршалом Тимошенко, который весьма своеобразно приветствовал Ивана Христофоровича:

— Хвала и честь подвижной группе Костенко! Должен прямо признаться: восхищен вашими делами!

И тут же пояснил, что Ставка удовлетворила ходатайство Военного совета Юго-Западного направления о создании оперативной группы — своеобразного штаба при главкоме. А генерал Баграмян назначается начальником этой группы.

Это была достойная оценка военного таланта генерала Баграмяна, его вклада в успешное наступление наших войск под Ростовом-на-Дону и Ельцом. Но возрастала и ответственность. Предстояло организовывать и планировать боевые действия Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов.

— Теперь нужно мыслить категориями не только тактики и оперативного искусства,— говорил И. Х. Баграмян,— но и военной стратегии.

Разгром гитлеровских войск на центральном, Московском направлении, успешное проведение Тихвинской и Ростовской наступательных операций создали необходимые условия для перехода Красной Армии в общее наступление. На Юго-Западный и Южный фронты возлагалась задача нанести удар по группе армий «Юг» и освободить Донбасс.

И опять нужно было думать о том, как разгромить противника, превосходящего в живой силе, танках и артиллерии. Успех могли обеспечить только умелый маневр и создание достаточно сильных ударных группировок на решающих направлениях. Словом, предстояло бить врага не числом, а умением.

Генерал Баграмян, учитывая опыт контрнаступления под Москвой, предусмотрел все: цель операции, ее замысел, перегруппировку войск и предполагаемый состав ударной группировки, меры по массированному применению артиллерии и танков, организации взаимодействия между войсками на всю глубину наступления, дезинформации гитлеровцев и многое другое.

Выслушав эти предложения, маршал в основном одобрил их, четко и кратко изложил свое решение, на основе которого операторы разработали директивы фронтам.

Но оперативные документы — всего лишь одна сторона дела. Важно, как претворяется замысел в войсках, как идет подготовка к операции. И Иван Христофорович сам выезжает на Юго-Западный фронт. Уточняет, контролирует, советует. Интересуется, хорошо ли налажена связь с партизанскими отрядами, четко ли поставлены им задачи на минирование дорог, подрыв мостов,

уничтожение живой силы противника.

И вот все готово к нанесению удара по врагу. Отдан приказ главнокомандующего Юго-Западным направлением. 18 января 1942 года после мощной артиллерийской подготовки войска двинулись вперед. Гитлеровцы упорно сопротивлялись. И это было понятно. Гитлер и стоящие за его спиной монополии вцепились в Донбасс мертвой хваткой. Донецкий уголь, железная и марганцевая руда Криворожья оставались вожделенной мечтой круппов, фликов и иже с ними. Бросая в бой свои оперативные резервы, фашистское командование делало все возможное, чтобы остановить продвижение наших войск.

Маневрируя и наращивая силу ударов, гнали врага советские войска. Освобождены Барвенково и Лозовая, перерезана железная дорога Харьков — Лозовая. За две недели боев части Юго-Западного и Южного фронтов в полосе шириною более 100 километров продвинулись на запад на 90—100 километров. На большее сил не хватило, хотя образовавшаяся конфигурация фронта с резким выступом на запад в районе Барвенкова очень беспокоила командование.

В результате развернувшегося Харьковского сражения, которое могло выправить создавшееся положение, командование Юго-Западного фронта не смогло обеспечить своевременное введение в прорыв танковых корпусов. Это позволило противнику сосредоточить крупные силы и, прорвав оборону на участке одной из армий Южного фронта, выйти в тыл главной ударной группировке Юго-Западного направления. Советские войска, находившиеся в Барвенковском выступе, оказались в окружении. Это произошло из-за неверной оценки командованием Юго-Западного направления и Южного фронта оперативно-стратегической обстановки, недостатков в организации наступления.

Вскоре после неудачи под Харьковом решением Ставки Верховного Главнокомандования генерал Баграмян был отозван в Москву.

Тяжело переживал Иван Христофорович харьковское поражение. Думал, анализировал... В конце концов пришел к твердому выводу: вряд ли целесообразно продолжать фронтовую деятельность по штабной линии. Не теряя времени, обратился к Верховному Главнокомандующему с просьбой назначить на любую командную работу.

Желание генерала Баграмяна совпало с мнением Ставки, высоко ценившей военный талант Ивана Христофоровича. Буквально через несколько дней он был утвержден заместителем командующего 61-й армией. А еще через полмесяца, по представлению Г. К. Жукова, стал командармом 16-й, сменив на этом посту Рокоссовского.

Так начался новый этап восхождения И. Х. Баграмяна к вершинам полководческого мастерства.

И. Х. Баграмян наблюдает за полем боя. 1943 г.

Новые обязанности, новые задачи... Иван Христофорович рассчитывал, что войти в курс дела помогут ему начальник штаба, генералы и офицеры, возглавлявшие в армии артиллерию, бронетанковые войска, связь. Но случилось так, что все они были направлены решением Ставки в распоряжение К. К. Рокоссовского, а на их место пришли новые люди. Знакомясь с ними, командарм прямо заявил:

— Боевая деятельность войск не прекращается ни на минуту. Перед нами встают и будут вставать сотни вопросов, решение которых не терпит отлагательства. Значит, изучая подчиненные войска, каждый из нас должен думать о том, что можно, вернее нужно, сделать для повышения боеспособности рот, батальонов, полков, дивизий. Оборона армии — непреодолимый рубеж для врага. На это и обязаны мы сейчас направить все свои усилия.

А вскоре генералы и офицеры армии убедились, что их командующий показывает пример такого подхода к делу. Побывав в дивизиях первого эшелона, Баграмян установил личный контакт с командирами и политработниками. Старался, чтобы все — от рядового до генерала — поняли серьезность обстановки, сложившейся в результате ударов врага на юге страны. Простые и точные слова, с которыми командарм обращался к подчиненным, его страстность, партийность, никого не оставляли равнодушным, вызывали яростное стремление драться с ненавистными захватчиками до последней капли крови, проявлять в боях стойкость и бесстрашие.

Первый серьезный экзамен 16-я армия под командованием генерал-лейтенанта Баграмяна выдержала в августе 1942 года, когда враг предпринял мощный удар крупной группировкой по армиям южного крыла Западного фронта. Решительно перегруппировав части, командующий 16-й сумел не только организовать упорное сопротивление гитлеровцам, но, предпринимая контратаки и контрудары, сильно обескровить ударную группировку противника, остановить ее продвижение. А затем, вместе с другими армиями фронта, нанести ответный удар и в значительной степени восстановить первоначальное положение наших войск.

Активные наступательные действия 16-й армии в феврале — марте 1943 года на Жиздринском направлении были отмечены новыми победами. 16 апреля 1943 года приказом Верховного Главнокомандующего за доблесть и мастерство воинов 16-я армия была преобразована в 11-ю гвардейскую.

Весна 43-го хорошо запомнилась Ивану Христофоровичу. Всю зиму шли бои. Наши войска нанесли врагу сокрушительный удар под Сталинградом. Добились успехов на Северном Кавказе, на Верхнем Дону, прорвали блокаду Ленинграда, вошли в Донбасс и Юго-Восточные районы Украины. Словом, началось массовое изгнание оккупантов с советской земли. Попытка немецко-фашистского командования сдержать натиск Красной Армии, прорваться в район Курска не удалась. На фронтах наступило затишье. Но это затишье предвещало бурю. Гитлеровское командование намеревалось взять реванш за поражение под Сталинградом и вновь захватить стратегическую инициативу на Восточном фронте.

Советскому военному руководству удалось своевременно раскрыть замыслы врага и сосредоточить на угрожаемом направлении, в районе Курского выступа, силы, достаточные не только для стойкой обороны, но и для перехода в решительное наступление.

В соответствии с согласованным замыслом командующих Западным и Брянским фронтами 11-я гвардейская армия должна была прорвать оборону противника южнее Козельска и, взаимодействуя с 61-й армией Брянского фронта, наступать навстречу войскам Центрального фронта, с тем чтобы в районе Хатынца замкнуть кольцо окружения.

Смело задуманный план обещал немалый успех. Но, взвесив реальную обстановку и свои возможности, генерал Баграмян и его штаб пришли к выводу: наиболее целесообразно на первом этапе наступления встречными ударами 11-й гвардейской и 61-й армий окружить и уничтожить болховскую группировку гитлеровцев. Это создаст в обороне противника такую брешь, которую он вряд ли будет способен закрыть.

Доводы генерала Баграмяна не убедили командующего Западным фронтом. Не были приняты они и на совещании в Генеральном штабе. Однако Иван Христофорович был твердо уверен в сво-

Командующий 16-й армией генерал-лейтенант И. Х. Баграмян, писатель И. Г. Эренбург, начальник политотдела армии полковник Д. Ф. Романов, член Военного совета армии полковник Ф. В. Яшечкин и воспитанник А. П. Фирсов в период проведения Орловской операции

их расчетах, подкрепленных данными разведки. И когда план Орловской операции обсуждался в Ставке, он попросил разрешения высказаться. Верховный Главнокомандующий не без удивления, но вместе с тем весьма доброжелательно посмотрел на командующего 11-й гвардейской.

— Прошу.

Стараясь сдержать волнение, генерал Баграмян изложил свою точку зрения. Одну-две минуты царило молчание. Затем слово взял командующий Западный фронтом В. Д. Соколовский, а следом за ним — командующий Брянским фронтом М. А. Рейтер. Оба старались опровергнуть аргументы командарма. Особенно горячо выступал Рейтер. Он прямо заявил:

— Баграмян упорно добивается, чтобы ему создали условия, облегчающие решение задачи. Если его послушать, то получается, что нужно не только усилить боевой состав 11-й гвардейской, но еще и поддержать действия этого объединения ударами соседей.

Верховный Главнокомандующий, до этого внимательно изучавший карту, поднял голову, вынул изо рта трубку. Рейтер бросил на Баграмяна быстрый взгляд, словно хотел сказать: «Предупреждали же вас: помалкивайте. Не послушались, теперь пеняйте на себя».

И вдруг Верховный очень тихо и спокойно сказал:

— А ведь Баграмян дело говорит. И по-моему, с его предложением нужно согласиться. Что же касается заботы командарма о более благоприятных условиях для выполнения задачи, то это похвально. Ведь на него же ляжет вся ответственность в случае неудачи...

Так смелость, настойчивость, умение увидеть перспективу развития операции и обосновать свое мнение принесли Баграмяну заслуженный успех. Предложенный им вариант наступления был принят Ставкой без существенных изменений. И когда на рассвете 12 июля началось наступление 11-й армии, противник, видимо, не ожидавший удара в этом районе, заметался по всему Орловскому плацдарму, начал спешно перебрасывать войска с Центрального фронта, пытаясь прикрыть образовавшиеся бреши. Но Баграмян, своевременно вводя в бой свежие силы, заставил гитлеровцев испытать горечь поражения.

Удар, осуществленный по орловской группировке противника, показал зрелое мастерство Баграмяна в наступательной операции. «Если в первых августовских боях 1942 года он (Баграмян) проявил себя способным командармом,— писал в одной из статей Главный маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров,— то после летних наступательных боев 1943 года он вошел в число лучших советских командармов».

В октябре 1943 года 11-я гвардейская армия, передислоцировавшись в новый район, готовилась к боям в составе 2-го Прибал-

тийского фронта. В разгар подготовки генерал-полковника И. Х. Баграмяна вызвали на командный пункт фронта.

— Вам необходимо срочно выехать в Москву,— сообщил ему командующий.

Зачем? Ни командующий, ни член Военного совета не знали. Не внесли ясности и в Генеральном штабе. И только в Ставке все встало на свое место.

— Принято решение назначить вас командующим 1-м Прибалтийским фронтом,— говоря это, Верховный Главнокомандующий внимательно и доброжелательно смотрел на генерала Баграмяна.

— Считаю это назначение большой честью и приложу все силы, чтобы оправдать доверие партии,— ответил Иван Христофорович.

Слегка кивнув, Верховный продолжал:

— Успешно проведенная вами операция в районе Орла и Брянска убеждает в том, что новый пост будет вам по плечу.

Поздравил он вновь назначенного командующего фронтом и с присвоением воинского звания — генерала армии.

Такая высокая оценка Коммунистической партией и Ставкой Верховного Главнокомандования полководческого таланта Ивана Христофоровича Баграмяна ко многому обязывала. Человек ясного ума и твердой воли, он видел свой долг в том, чтобы с полной отдачей служить Родине, делать все возможное для окончательного разгрома ненавистных захватчиков. И здесь, на посту командующего фронтом, проявились самые лучшие черты характера военачальника, его высокие морально-боевые качества, военное искусство, мужество.

Первой боевой задачей нового командующего фронтом было планирование и проведение так называемой Городокской операции, цель которой заключалась в ликвидации угрозы окружения наших войск, находившихся в районе Невеля. Позже, уже после Великой Отечественной войны, Маршал Советского Союза так оценит свои первые шаги в роли командующего фронтом:

«Городокская операция, некрупная по масштабу, сохранилась в моей памяти, как одна из наиболее сложных среди проведенных под моим руководством в период минувшей войны».

Важное значение имели и итоги этой операции. Успех под Городком дал возможность продвинуться вперед правому соседу —2-му Прибалтийскому фронту. Оказал определенное влияние на разгром врага под Ленинградом и Новгородом. А кроме того, были созданы предпосылки для развития стремительного наступления летом 1944 года на Белорусском направлении, разгрома фашистской группировки в районе Витебска, последующего удара на Полоцк и на территорию Прибалтики.

Всякая боевая операция начинается с противоборства умов. Командующий фронтом, получив разведданные, с помощью своего штаба анализирует силы и средства противника, начертание переднего края, характер местности, состояние дорог, погоду и мно-

гое, многое другое. Нужно учесть все до мелочей. Представить, что предпримет противная сторона в том или ином случае. Чем ответит она на удар наших войск. Ведь и враг не дремлет. Его высшее командование и штабы тоже думают, тоже ищут. Значит, следует их перехитрить, добиться внезапности. Заставить, чтобы события развивались по нашему плану. Кратчайшим путем к победе и с наименьшими потерями.

Конечно, в ходе осуществления этого плана неизбежны какие-то изменения, уточнения. В деталях их не спланируешь, но предвидеть можно, а точнее — нужно, необходимо. И накануне каждой операции Баграмян примерял, уточнял или, как говорят военные люди, проигрывал операцию на карте.

Так было и в период подготовки к наступательной операции трех Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов в Белоруссии, получившей кодовое наименование «Багратион». Проинформированный Генеральным штабом, генерал армии Баграмян заблаговременно продумал детали наступления. И когда перед принятием окончательного решения Ставкой Верховного Главнокомандования его, как и других командующих фронтами, пригласили Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и А. М. Василевский для обсуждения вопросов, связанных с участием в предстоящей операции, Иван Христофорович предложил несколько видоизменить задачу 1-му Прибалтийскому, чтобы не дать противнику возможности нанести контрудары во фланг и тыл подчиненных ему армий.

Заместитель Верховного Главнокомандующего и начальник Генерального штаба поддержали предложение Баграмяна, и оно было учтено при принятии окончательного решения в Ставке.

Задача фронта ясна. Она графически отражена на карте множеством красных и синих стрел, условными обозначениями и знаками. Читая их, генерал армии Баграмян и генерал-лейтенант Курасов, начальник штаба фронта, ясно представляли себе будущий бой. И все же они, склонившись над картой, часами по «косточкам» разбирали, как будут действовать в бою армии, корпуса, дивизии. Привлекали к этой работе командующих родами войск, офицеров штаба, политработников. Выявлялись новые детали. Рождались полезные предложения.

Руководящий состав фронтового управления, командармы все больше убеждались, что генерал армии Баграмян — человек по-солдатски простой, душевный, скромный.

— А главное,— вспоминал генерал-полковник И. М. Чистяков,— Иван Христофорович всегда вникал в суждения подчиненных, иной раз дотошно переспрашивал. Бережно относился к человеческому достоинству. Отличное качество!..

Уже в подготовительный период командующий 1-м Прибалтийским фронтом «переиграл» немецкого командующего группой армий «Север» генерал-полковника Линдемана. После первых неу-

дач Линдемана сменил генерал-полковник Фриснер, а его — любимец Гитлера генерал-полковник Шернер. Но и это не помогло. Весь ход операции «Багратион» показал превосходство советского военного искусства над военным искусством фашистской Германии.

Только на первом этапе операции войска 1-го Прибалтийского фронта освободили более пяти тысяч населенных пунктов. Разгромили во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом витебскую и силами своего фронта полоцкую группировки противника.

На этом наступление войск 1-го Прибалтийского фронта не закончилось. Вступив на территорию Прибалтики, они штурмом овладели важнейшим опорным пунктом врага городом Шяуляем, а правофланговые соединения фронта вышли на побережье Рижского залива.

В эти полные боевого напряжения дни в жизни Ивана Христофоровича Баграмяна произошло еще одно радостное событие. Родина, Коммунистическая партия высоко оценили его заслуги в борьбе с врагом: за выдающиеся результаты, достигнутые войсками фронта в Белорусской операции, и проявленное мужество И. Х. Баграмян был удостоен звания Героя Советского Союза.

Большого напряжения сил потребовала от И. Х. Баграмяна Прибалтийская стратегическая наступательная операция. Как всегда, наступлению предшествовала тщательная подготовка. И это во многом определило успех. За три дня после начала наступления войска фронта, ломая упорное сопротивление гитлеровцев, продвинулись вперед почти на 50 километров. До Риги, как говорится, было рукой подать. Но Ставка Верховного Главнокомандования перенесла направление главного удара с Рижского на Мемельское. Потребовалось в срочном порядке перегруппировать силы для нанесения мощного удара по фашистским войскам. Сделать это нужно было скрытно, чтобы враг не обнаружил совершаемый маневр, не подтянул к угрожаемому участку свои войска.

В своей книге «Дело всей жизни» Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал: «Несомненно, одаренным полководцем является И. Х. Баграмян. Он обладает и командным и штабным опытом, что помогало ему успешно решать как вопросы руководства войсками, так и разработки планов операций, при этом он старался изыскать кратчайшие пути к победе».

Нашел И. Х. Баграмян «кратчайшие пути к победе» и в Мемельской операции. Семь дней потребовалось войскам фронта, чтобы отсечь группу армий «Север» от фашистской Германии. А вскоре на Курляндском полуострове было заперто до конца войны свыше трехсот тысяч наиболее боеспособных войск гитлеровской Германии.

Высокие морально-политические и командирские качества Ивана Христофоровича Баграмяна очень хорошо охарактеризовал

генерал армии В. В. Курасов, который почти что с начала создания 1-го Прибалтийского фронта и до конца войны был рядом с Баграмяном.

— Прежде всего,— говорил он,— нужно вести речь о таком важнейшем понятии, как мужество. Я имею в виду, как вы понимаете, не обычную личную смелость солдата или офицера, которой Ивану Христофоровичу не занимать, но под этим словом я понимаю несколько больше, а именно: способности отвечать за боевые действия подчиненных войск, умение принять смелое решение, определяющее судьбу операции. Уверяю вас, если в ходе боев командующий не проявит мужества, операция может быть провалена.

Во-вторых, решительность. Никогда я не видел у Ивана Христофоровича колебаний. Он был уверен в своих планах, поставленных задачах и ждал их успешных решений.

И, в-третьих, инициатива. Она непосредственно связана с полководческим творчеством Ивана Христофоровича. Не ожидая никаких приказов или указаний, при необходимости, в связи с изменявшейся обстановкой, он принимал новые решения, о которых потом докладывал в Ставку. Так как они были всегда обоснованы, Ставка неизменно утверждала их.

Мужество, решимость, инициатива базировались на отличной военно-теоретической подготовке. Даже на фронте Иван Христофорович продолжал проявлять интерес к науке, к знаниям. Каждая свободная минута была им использована. В частности, он очень внимательно изучал опыт других фронтов.

И еще — о человечности Баграмяна. Иван Христофорович всегда был озабочен своевременным награждением воинов, отличившихся в бою. Если были задержки, был неумолим. Всегда сам выезжал в госпитали, где вручал награды раненым. Шутка ли? Сам командующий вручает орден или медаль! Говорят, от этого раненые быстрее выздоравливали...

Пройдут годы. Иван Христофорович Баграмян станет Маршалом Советского Союза. На его плечи лягут новые огромные заботы, связанные с поддержанием постоянной боевой готовности Советских Вооруженных Сил. Но он найдет время, чтобы оставить новым поколениям свои воспоминания о войне, о людях, с которыми прошагал рядом все 1418 огненных дней и ночей. Напишет обо всем: не скрывая неудач, не приукрашивая успехи.

Особое место в его трудах займет сражение на Земландском полуострове, штурм цитадели пруссачества города-крепости Кенигсберга. Сколько раз за время войны ему приходилось отдавать приказы на наступление, громить превосходящие силы противника, однако это сражение было самым крупным и значительным в его жизни.

Шел февраль 1945 года. Ставка Верховного Главнокомандования посчитала целесообразным объединить 1-й Прибалтийский

фронт с 3-м Белорусским. Так легче было маневрировать силами и средствами для скорейшего разгрома группировки врага в Восточной Пруссии. Армии, входившие в состав 1-го Прибалтийского, объединились в Земландскую группу войск. Ее командующим был назначен И. Х. Баграмян. Одновременно он стал и заместителем командующего 3-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза А. М. Василевского.

Однако ни дел, ни ответственности от этого не убавилось. Командующий фронтом, занятый подготовкой Хейльсбергской операции, поручил Ивану Христофоровичу подумать над замыслом штурма Кенигсберга.

— Надо и вашим войскам принять посильное участие в разгроме хейльсбергской группировки,— предупредил маршал Баграмяна.— Частной операцией сковать резервы, имеющиеся на левом фланге этой группировки.

Возложив ответственность за подготовку и проведение частной операции на командующего 11-й гвардейской армией генерала К. Н. Галицкого, сам И. Х. Баграмян вместе со своим начальником штаба генералом В. В. Курасовым вплотную занялись разработкой плана штурма. И вскоре докладывали А. М. Василевскому общие соображения по замыслу операции под условным названием «Земланд».

Внимательно выслушав руководителей Земландской группы войск, маршал посоветовал им произвести некоторую перегруппировку сил.

— Имейте в виду, Иван Христофорович, что по мере разгрома хейльсбергской группировки противника я буду иметь возможность передать в состав вашей группы одну-две армии со средствами усиления.

Порадовал маршал и сообщением о намерении привлечь к обеспечению штурма Кенигсберга сверхмощную артиллерию и всю авиацию, действующую в Восточной Пруссии.

Объем работы, возложенной на командующего и штаб Земландской группы войск, по сравнению с прежним был значительно большим. К тому же нужно было решить ряд проблем, ранее не возникавших. Советские войска не встречали еще на своем пути оборону, насыщенную фортами, дотами, особо прочными зданиями, приспособленными к обороне, всевозможными хитроумными препятствиями для боевой техники и пехоты. К тому же в городе трудно ориентироваться, поддерживать взаимодействие между частями... Словом, было над чем поломать голову.

Как всегда, помогло умение Ивана Христофоровича зажечь людей, опереться на их инициативу, творчество. Пока штабники разрабатывали план операции, топографы и инженеры создали подробный макет Кенигсберга. Был подготовлен и размножен план города с единой нумерацией целей и всех важных объектов. И это помогло командирам всех степеней не только уяснить постав-

Генерал армии И. Х. Баграмян вручает орден Суворова II степени 2-му гвардейскому Тацинскому танковому корпусу. 1945 г.

ленные перед ними задачи, но и зрительно представить, как будут развиваться бои в предместье города, на его улицах и площадях, действия специально созданных штурмовых групп, удары артиллерии и авиации.

Буквально накануне штурма была получена директива: с 3 апреля Земландская группа войск прекращала свое существование, а ее штаб выводился в резерв Ставки. Однако И. Х. Баграмян как заместитель командующего фронтом и еще несколько генералов должны были помочь фронтовому командованию в проведении операции.

Конечно, Ивану Христофоровичу было немного обидно, что подготовленную с таким трудом операцию будет осуществлять кто-то другой. Успокаивало, что этим другим будет такой прославленный, глубоко уважаемый им полководец, как А. М. Василевский. Да и сам маршал, понимая, что никто не сможет лучше и быстрее И. Х. Баграмяна сориентироваться и принять единственно верное решение в трудные моменты штурма, попросил:

— Иван Христофорович, возьмите на себя руководство войсками, наносящими главный удар по Кенигсбергу с северо-запада.

Всего за четыре дня советские войска разгромили 130-тысячный крепостной гарнизон, засевший в мощных укреплениях.

Великую Отечественную войну Иван Христофорович Баграмян заканчивал командующим войсками 3-го Белорусского фронта.

«...1 мая,— вспоминал он,— до нас долетела радостная весть: Знамя Победы развевается над рейхстагом! А еще через день — сообщение о безоговорочной капитуляции остатков гарнизона германской столицы. Этот акт мы уже восприняли как прелюдию к общей и безоговорочной капитуляции фашистской Германии».

Но получилось так, что, когда в дни Великой Победы во всех городах и селах нашего необъятного государства царило невиданное ликование, войска 3-го Белорусского продолжали силой оружия утверждать ее — доколачивали вражеские части, окопавшиеся восточнее устья Вислы. И все же 9 мая 1945 года во всех частях фронта бурлили митинги. Но, радуясь победе, люди с болью вспоминали об утратах, о тех, кто ценою своей жизни приблизил светлый час окончательного разгрома врага.

В одном из митингов участвовал и командующий войсками фронта. Он с любовью смотрел на светившиеся улыбками лица воинов и вдруг заметил, как на запыленных щеках ветерана слезы прочертили светлые полосы. Подошел к нему, спросил:

— О чем, старина, взгрустнул в такой радостный день?

— Друга сердечного похоронил сегодня,— ответил боец, глубоко вздохнув.— Несколько часов не дотянул до конца войны. А шагали мы с ним аж от самого Витебска! Если бы не он, не жить мне на этом свете.

Запомнил Иван Христофорович эту встречу. Как тысячи других встреч на дорогах войны. И хранил их в сердце всю жизнь. Часто виделся с ветеранами, заботился о них. Ни одна просьба, с которой обращались участники войны к И. Х. Баграмяну, не оставалась без ответа.

Прогремели последние залпы войны. Вокруг воцарилась тишина, от которой за четыре года боев и походов фронтовики совершенно отвыкли. По укоренившейся привычке Иван Христофорович каждое утро просыпался задолго до рассвета и сразу же интересовался у оперативного дежурного событиями минувшей ночи. Но ничего чрезвычайного, естественно, не происходило. И тревожное напряжение постепенно спадало. Хотелось по-настоящему отдохнуть. Однако времени на отдых не было. Где разместить войска? Как организовать их боевую и политическую подготовку, без которой немыслима жизнь любого воинского организма? Все это требовало безотлагательного решения.

Думали об этом и в Центральном Комитете партии, в Советском правительстве. И вскоре И. Х. Баграмяна вместе с другими командующими фронтами вызвали в Москву. Решались вопросы о численности Красной Армии на мирное время, о создании новых пограничных и внутренних военных округов, ряд других важнейших и неотложных проблем, в том числе и о порядке демоби-

лизации из армии военнослужащих старших возрастов. По поручению Верховного Главнокомандующего генералу армии И. Х. Баграмяну довелось работать в двух комиссиях, готовить предложения по организационной структуре и техническому оснащению частей и соединений инженерных войск и докладывать выводы по реорганизации конницы. И здесь, как и в каждом деле, которое поручалось ему, проявились типичный для него дух творчества, оптимистический взгляд на будущее, на жизнь.

«Прожито, конечно, немало,— писал Иван Христофорович вскоре после того, как в день восьмидесятилетия Родина назвала его дважды Героем Советского Союза.— Но, пока бьется мое сердце, мне хотелось бы каждый день, который подарит мне судьба, плодотворно трудиться на благо советского народа, во имя дальнейшего процветания нашей великой державы».

И он, помимо выполнения служебных обязанностей, находил время для большой общественной работы как депутат Верховного Совета СССР, член Центрального Комитета КПСС. Писал книги. Много внимания уделял воспитанию молодежи.

Может быть, кому-то покажется странным, что известный всему миру полководец, Маршал Советского Союза вдруг командует ребячьими батальонами, учит юношей и девушек азам военного дела. Может быть. Только сам Иван Христофорович относился к этому со всей серьезностью. Считал почетной свою должность — Председатель Центрального штаба похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

...Ясный сентябрьский день 1980 года. На центральном стадионе «Динамо» столицы Белоруссии в четком строю застыли участники слета — победители похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа в республиках, краях и областях. Маршал И. Х. Баграмян внимательно всматривается в лица юнармейцев. Во многих парадах приходилось участвовать ему. Шел он во главе колонны 1-го Прибалтийского фронта на Параде Победы. Сам принимал парады войск. А сейчас волнуется...

Но вот торжественно звучат фанфары. Подойдя к микрофону, маршал дает команду внести флаг слета. В чаше стадиона вспыхивает огонь, зажженный от Вечного огня на могиле Неизвестного солдата в Москве. Звучит Гимн Советского Союза. Чеканны слова Председателя Центрального штаба, обращенные к юношам и девушкам. И нет сомнения, через долгие годы пронесут они в своих сердцах страстный призыв крепить верность ленинскому знамени, на дорогах отцовской славы готовить себя к трудовым и ратным подвигам.

7. Зак 1521 Кучеров

ВСЯ ЖИЗНЬ — ФЛОТУ

Вице-адмирал
Николай Герасимович
Кузнецов
(1902—1974)

Сбежавшиеся, кажется, со всего света тучи тяжело и низко провисли над хмурым морем. И чем дальше крейсер «Червона Украина» уходил от Севастополя, тем с большей уверенностью можно было ждать приличной трепки в районе полигона. Об этом судили и по волне. Пока еще мелкая, с виду ленивая, местами она уже закручивалась белыми барашками.

— Свежеет,— испытующе глянул на Кузнецова, командира «Червоной Украины», командующий Черноморским флотом Кожанов.

— Обычное дело, товарищ командующий. Осень,— догадавшись о ходе мыслей Кожанова, командир крейсера тем не менее решил свести разговор к погоде.

— Осень,— повторил Кожанов, оглядывая потемневший среди дня горизонт.— Она-то и нанесла вам упреждающий удар.

Кузнецов в душе повеселел. Однако виду не подал. Довольно и того, что понял — комфлота не бросит в сердцах короткое: «Стрельбе дробь! В базу». Ухватил-таки матросский флагман, как любовно прозвали его орлы революции в годы гражданской войны,

тактическую новинку червоноукраинцев. Сам ждет не дождется их зачетной стрельбы по щиту.

Испросив разрешения, на ходовом мостике появляется командир артиллерийской боевой части крейсера Свердлов. Все на нем с иголочки. Фуражка задиристо жмется к затылку.

— Будто на праздник,— не без удовольствия оглядел ладно скроенную фигуру артиллериста матросский флагман.

— Так сегодня и правда праздник, товарищ командующий,— подладился к настроению начальства находчивый артиллерист.

— Вот как? Посмотрим! — И снова быстрый, снизу вверх, пытливый взгляд на Кузнецова.

Догадавшись, чего ждет от него старший на борту, тот резко обернулся к вахтенному офицеру:

— Боевая тревога!

Колокола громкого боя подоспели аккомпанементом навалившемуся на крейсер мощному дождевому заряду.

— Прошу разрешения приступить к управлению огнем! — вскинул руку к козырьку франтоватой фуражки Свердлов.

— Добро! — глаза командира крейсера блеснули в остром прищуре.

Высокий, стройный, с открытым, светлым лицом, Николай Герасимович Кузнецов, несмотря на свои тридцать два года, выглядел по-настоящему боевым командиром. Это было заметно прежде всего по тому, как цепко ловили каждое его слово в боевой рубке, на боевых постах. Чувствовался в нем тот особо притягательный центр, который формирует не просто экипаж, а коллектив единомышленников.

Человек искренний и прямодушный, Кузнецов ни от кого не таил своего прошлого. Потому многие в экипаже знали, что родился он в глухой деревушке в двадцати верстах от Котласа. Край северный. И название той деревушки с единственной улицей, соответствующее северу,— Медведки. Наверняка частенько наведывались в нее хозяева тайги. Почему-то припомнилось сейчас флотскому командиру, как попугивала ими мать в далеком детстве. И все равно тянуло с соседскими мальчишками в путешествия берегами тихой и неприметной речушки Ухтомки. Тихая, тихая, но от дома далеко увела.

...А дождь хлещет без роздыха. Чуть ли не на самом верху мачты качается во всем параде командир артиллерийской части. При такой погоде только с самой высокой точки наблюдения и управлять стрельбой.

Неотрывно следивший в эту минуту за артиллеристом, Кузнецов увидел, как тот поднял руку. Вскинул бинокль. Так и есть: на задымленном водяными нитями горизонте бугрились массивные мачты крейсера «Красный Кавказ». Вот и буксируемый им щит. Дальномеры «Червоной Украины» впились в него широко раздвинутыми глазищами. Заложив крутой поворот, оба крейсера выходили на боевой курс.

Напряжение в боевой рубке достигло предела. И только матросский флагман, казалось, ушел в себя. Но Кузнецов, зная Кожанова, был уверен, что тот весь внимание. Большевик с марта 17-го, он водил матросские полки против Юденича на Балтике, против белогвардейцев на Волге, против англичан-интервентов на Каспии. А сейчас его судьбой стал флот, возрождению которого он отдавал всего себя. И как ему было ни радоваться слаженной боевой работе червоноукраинцев. Как ни отмечать, пусть пока не для всех, для себя, напористый характер их командира. Умный, грамотный, ищущий военмор. Интересно вчера он о Дейвиде Битти заговорил. В самую точку: недооценивал английский адмирал фактор внезапности. Поэтому первые удачные залпы кайзеровских кораблей и лишили его в самом начале боя сразу двух линейных крейсеров.

Приблизилось время открытия огня. И надо было такому случиться, что именно в эти считанные перед решающим моментом минуты на крейсер обрушился новый шквал дождя. По напряжению в лице Кожанова чувствовалось, что и он не менее других опасается попасть вместо щита в буксирующий его корабль. Неужели отменит стрельбу? А как она нужна «Червоной Украине», претендующей на звание лучшего корабля сил флота!

Да, положительно нравился Кожанову командир крейсера. Такой от своего не отступит. Смело ведет корабль. Только ветер свистит в надстройках.

Командующий Черноморским флотом любил держать свой флаг на «Червоной Украине». Для экипажа, в особенности для командира корабля, это было нелегким испытанием. Но в то же время и большой школой. Иван Кузьмич Кожанов, понимая законы развития флота, делал краткие и блестящие разборы учений и походов, умел заглянуть в будущее. В Кузнецове открыл человека, столь же безраздельно преданного флоту, как и он сам.

Флот вошел в судьбу Николая Герасимовича сразу и навсегда. В тринадцать лет лишившись отца, он был отдан в услужение хозяину одной из котласских чайных. В ней не переводился люд с речной пристани, у которой она притулилась. Захаживали и настоящие морские волки, наезжавшие из Архангельска.

Самое яркое впечатление детства — первое путешествие на настоящем, как он тогда себе представлял, пароходе. Заворожили тяжелое, с прихрипом, дыхание паровой машины колесного буксира «Федор» и капитан, с важным видом вслушивавшийся в непонятные для молодого человека слова, что выкрикивал с носа верткий матрос, метавший в реку гирьку с веревкой.

Какую б угодно работу делал, только бы оставили на том буксире. Но двоюродный, по отцу, дядя по прибытии в Архангельск взял мальчонку за руку и, торопясь, повел его в работники.

И все-таки он стал моряком. Летом 1918 года записался добровольцем в Северодвинскую флотилию, заслонившую молодую

Республику Советов от напиравших с Севера интервентов. Огонь гражданской войны лишь слегка коснулся юного военмора. Но каков обжиг! Курс, выверенный по тому огню, был идеально точен и дал стране выдающегося флотоводца.

...Дрогнув, стрелки приборов замерли на риске «Товсь». Струной натянулся промокший до нитки, но не утративший приподнятости духа командир артиллерийской боевой части крейсера Свердлов. Командующий флотом поднял бинокль, пытаясь получше разглядеть сквозь дождь поминутно оседающий в волнах щит. «Мосты сожжены! Стрельба состоялась»,— прочел в веселом, с бесинкой, взгляде Свердлова командир крейсера и услышал его налившийся металлом голос:

— Разрешите открывать огонь!

— Добро,— Кузнецов и сам не в силах скрыть волнения. — Залп!

Оглушающе забасил ревун, и вслед за ним громыхнули орудия «Червоной Украины». Дым еще не снесло за корму корабля, а комендоры уже доложили о готовности к новому залпу. Но надобность в нем отпала.

— Накрытие...— поступило сообщение с дальномерных постов.

— Поражение! — птицей вырвалось из груди артиллериста.

— Больно вы быстры,— недоверчиво опустил бинокль Кожанов.— Осмотрим щит.

Кренясь на развороте, крейсер вспарывал острым носом волну за волной. Щит встретил корабль немым салютом из трех огромных пробоин. Кожанов тут же задиктовал радиограмму по флоту. Она начиналась далекими от военной терминологии, но притягивающими внимание словами: «Впервые я видел...» Речь шла о поражающем первом залпе крейсера «Червона Украина», которому командующий флотом предрекал большое будущее в боевой учебе и в ходе реальных боевых действий, случись их вести на море.

Удачно примененная тактическая новинка червоноукраинцев дала жизнь патриотическому движению, существующему на флоте и поныне.

Стремление постигнуть умение наносить по врагу упреждающий удар как нельзя лучше отвечало знаменитому ленинскому наказу учить войска тому, что необходимо на войне. За год работы военно-морским атташе в сражающейся Испании Николай Герасимович Кузнецов не раз убеждался в великой мудрости этого завета. Будучи потом командующим Тихоокеанским флотом, а затем народным комиссаром Военно-Морского Флота СССР, он многое сделал для того, чтобы борьба за первый залп вылилась в стратегическое направление боевой подготовки сил флота. Трагическое утро 22 июня 1941 года показало непреходящую ценность этой огромной работы.

Если лед трещит, то единственное средство спасения — идти

быстрее. Эти услышанные в детстве слова, неожиданно всплыв в сознании, обожгли сердце. Только что от него ушел спешно вызванный из Берлина наш военно-морской атташе. Почти час рассказывал о военных приготовлениях гитлеровцев, обратив особое внимание на угрожающую концентрацию фашистских войск на границе с Советским Союзом.

— Так что же все это означает? — глухим голосом, в упор спросил Кузнецов.

— Это война! — последовал ответ.

Спасение — в быстроте,— принял решение нарком. Телеграф известил флоты и флотилии западных направлений о переходе на готовность номер один. Минутная стрелка часов начала описывать последний круг последних мирных суток. С тревогой поглядывая на часы, Николай Герасимович звонил в Таллин, Полярный, Севастополь, где находились штабы флотов. Приказывал: не дожидаясь посланного телеграфом сигнала, немедленно переводить корабли и части на высшую готовность.

В 3 часа 15 минут взволнованный доклад командующего Черноморским флотом: «На Севастополь совершен воздушный налет. Зенитная артиллерия отражает нападение самолетов. Несколько бомб упало на город».

Стало очевидным — война!

Красноречива первая сводка боев по действующему флоту. Не потеряно ни одного корабля, ни одного самолета. Ни один десант не был допущен на наше побережье. Не была взята с побережья, как, впрочем, в течение всей войны, ни одна военно-морская база.

Флот боевыми делами подтвердил свою готовность отразить внезапное нападение противника, а его молодой нарком с честью выдержал суровое испытание на государственную и военную зрелость.

— Нанесем удар по Берлину,— как о давно решенном твердо заявил Кузнецов, пригласив в свой кабинет начальника главного морского штаба.

Не найдя, что ответить, начальник главного штаба с прищуром глядел на наркома. И не понять, чего больше в его взгляде,— удивления или восхищения.

— Сейчас, сейчас поясню,— Николай Герасимович нетерпеливо повел головой в сторону длинного, для заседаний, стола.— Разворачивайте карту.

Выдержав короткую паузу, будто еще раз что-то взвесив, обвел карандашом кружок вокруг острова Эзель в Балтийском море:

— Что, если перебросить наши дальние бомбардировщики из-под Ленинграда сюда, поближе к фашистским тылам. А то ведь балтийские летчики дальше Либавы дороги не знают. Эзель даст возможность дотянуться до Кенигсберга, а на предельном радиусе и до Берлина!

Разработка смелой идеи заняла два дня. Главный морской штаб вместе со специалистами военно-воздушных сил флота просчитал все до мелочей. И во время доклада Верховному Главнокомандующему нарком Военно-Морского Флота со знанием дела развернул карту.

— Что это? — мундштук трубки Верховного потянулся вдоль четкой прямой линии, соединяющей остров Эзель с Берлином.

Твердо произнося каждое слово, Кузнецов принялся излагать суть дела.

— Ставка утверждает ваше предложение, товарищ Кузнецов,— только и сказал Верховный Главнокомандующий по окончании доклада.— Вы лично отвечаете за выполнение операции.

Согласие Ставки получено. Теперь нужно тщательно проработать каждую деталь предстоящей операции, решить массу сложнейших проблем, которым, казалось, не будет конца. Вот где раскрылся в полной мере организаторский талант Николая Герасимовича.

Командующий ВВС флота докладывал:

— Риск наших налетов на Берлин велик. Работать будем на пределе возможного. При полных бензобаках каждый дальний бомбардировщик может взять одну пятисоткилограммовую бомбу или две по двести пятьдесят. Но прошу учесть: на Эзеле у нас нет достаточных запасов топлива и авиабомб.

— Дело поправимое,— Кузнецов уже обдумал и этот вопрос.— Все, что надо, даст Таллин.

— Таллин держится на пределе сил,— напомнил начальник главного морского штаба.— Практически блокирован.

— Задействуйте и Кронштадт. Баржи должны быть небольшими. Но под сильной охраной. Максимальная осторожность в забитом минами Финском заливе. Доклад по каждой проводке.

Ставка Верховного Главнокомандования взяла на контроль реализацию дерзкого замысла военных моряков. О подготовке к бомбардировке Берлина докладывалось лично Верховному.

И вот настало время, когда с острова Эзель стартовали в ночное небо наши мощные ДБ-3. Николай Герасимович, получив сообщение о начале операции, дал указание адъютанту никого не принимать. Хотелось побыть наедине со своими мыслями.

Вспомнились годы учебы в училище, затем в академии. Как много они ему дали. Только тот, кто не был знаком с революционной романтикой, духом познания, царившим в этих ленинградских военно-морских учебных заведениях, мог удивляться звездной судьбе крестьянского парня, решившегося с трехклассным церковноприходским образованием стать морским офицером. Но революция сделала необыкновенность социальным явлением. Упорный труд, сильная воля, природная сметка помогли вчерашнему военмору с успехом одолеть и подготовительные классы по программе реального училища, и серьезный курс наук в военно-морском учи-

лище. Три года плавания на крейсере «Червона Украина» командиром батареи, вахтенным начальником, и снова учеба. Оперативный факультет Военно-морской академии окончил с отличием. Была возможность продвинуться по штабной службе. Но Кузнецов давно решил: в службе надо идти последовательно, жить интересами боевого корабля. И он настоял на своем — получил назначение старшим помощником крейсера «Красный Кавказ».

Старпомил всего год. Но все знали: это благодаря Кузнецову крейсер стал одним из лучших кораблей на Черном море. А когда освободилась должность командира крейсера «Червона Украина», у командующего флотом Кожанова мнение было одно — назначать Кузнецова.

...Неслышно вошел адъютант. Стало ясно,— пора ехать на доклад в Ставку.

— Что с Берлином? — поинтересовался Верховный, едва Кузнецов появился в его кабинете.

— Операция началась.

Бомбардировщики авиации флота шли на Берлин. Шли, воплощая в реальность замысел адмирала Кузнецова. Фашисты, хвастливо возвестившие на весь мир, что советская авиация уничтожена и ни одна бомба не упадет на города Германии, не ожидали такой дерзости. Да было ли это дерзостью? Нет! Все строилось на точном расчете, на смелости и мастерстве флотских авиаторов.

Огни Берлина экипажи бомбардировщиков увидели издалека. Уточнили курс и беспрепятственно достигли цели. Сбросив бомбы, облегченные самолеты легли на обратный курс.

Фашистам и в голову не пришло, что их столицу бомбили советские самолеты. Они посчитали, что это дело англичан.

«Германское сообщение о бомбежке Берлина интересно и загадочно, так как 7—8 августа английская авиация над Берлином не летала»,— заявили англичане.

Пришлось и гитлеровцам признать, что это советская авиация нанесла удар по Берлину. Тем более что такие налеты повторялись еще не раз.

Государственный ум и огромная энергия, глубокие знания морского дела позволяли Николаю Герасимовичу Кузнецову успешно решать задачи стратегического применения флота в годы войны. На недели, на долгие месяцы оттягивал флот силы врага на себя от направлений главных ударов. Либава и Таллин, Моонзундский архипелаг и непобежденный Гангут, героические Одесса, Севастополь, Сталинград, оборона Ленинграда и Мурманска — повсюду чувствовалось влияние таланта наркома ВМФ Кузнецова.

В решающие для Ленинграда сентябрьские дни 1941 года, когда враг был особенно силен, Ставка направила Кузнецова в город революции. Балтийские моряки, чьи старшие братья дали начало штурму Зимнего, стояли насмерть.

— В систему обороны Ленинграда включены линкоры «Марат», «Октябрьская революция», крейсера «Максим Горький», «Киров», «Петропавловск» и другие корабли,— докладывал командующий Балтийским флотом.—130-миллиметровые морские батареи и орудия, снятые с «Авроры», создали невскую укрепленную позицию. Стоять будем до последнего. В случае необходимости — взорвем корабли.

— Думаю, до такой крайности не дойдем,— Кузнецов, до предела уставший в эти критические дни, все же сохранил бодрость в голосе. Он видел моряков в бою и знал, что говорил.— Каждый корабль беречь пуще глаз. Придет время, и мы вырвемся на просторы Балтики.

Как бы проверяя свои мысли о будущих боевых курсах балтийских моряков, нарком снова и снова торопился из штабных помещений на корабли. Подъехав к крейсеру «Максим Горький», долго стоял у его борта. В бою с фашистской артиллерией и авиацией корабль получил повреждения. Но экипаж сделал все, чтобы остаться в боевом строю. Огонь «Максима Горького» по Пулковским высотам, где засел враг, не ослабевал.

— Вижу, что настроение у вас боевое,— едва ступив на палубу, похвалил нарком командира крейсера.— Спрашивай, коли что надо, пока добрый.

— Мне приказано на случай прорыва врага приготовить корабль к взрыву. Должен буду уйти вместе с экипажем на берег воевать, а у меня все винтовки забрали.

— Считай, что не придется тебе сходить с корабля. А стрелковое оружие сейчас морской пехоте вот как необходимо.— Кузнецов провел ребром ладони по горлу.— Работа моряка — в море. Об этом думай. К этому и экипаж готовь.

Огневым щитом Ленинграда стали форты флота и его корабли, сосредоточенные от Кронштадта до Невы. Они крушили фашистские танки на всем обводе замкнутого вокруг города кольца блокады. С удержанного морскими пехотинцами Ораниенбаумского плацдарма наши войска, поддержанные Балтийским флотом, нанесли мощный удар по обороне противника, дав начало боям за окончательное освобождение города Ленина от фашистской блокады.

Все это предвидел народный комиссар ВМФ, возвращаясь 12 сентября 1941 года из Ленинграда в Москву. Краснознаменный Балтийский флот жил, сражался. Но Кузнецов добивался большего. Теперь флот будет не только обороняться, но и наступать. Совершали прорывы в море наши подводные лодки. Готовились к будущим морским боям надводные корабли. И еще не раз скажут им спасибо наземные войска за поддержку огнем...

Суровый фронтовой город, ощетинившийся противотанковыми ежами, надолбами, другими оборонительными сооружениями. Такой увиделась Москва, когда ехал Николай Герасимович ее

улицами к зданию Наркомата. Но сколь ни вглядывался в тревожный, исполненный высшего напряжения облик столицы, ни в чем не мог заметить и тени растерянности, духовного надлома. Повсюду чувствовался тот наводимый твердой рукой порядок, который придает людям уверенность в себе и необычайную стойкость к каким бы то ни было испытаниям.

А ведь в это самое время, думал Кузнецов, на дальних подступах к Москве идут тяжелейшие оборонительные бои. Судя по данным разведки, в битву за сердце России противник втягивал силы, составлявшие без малого половину всей его армии вторжения. Каково там сейчас особой артиллерийской группе ВМФ? С ее тяжелыми орудиями не очень-то угонишься за подвижными танковыми и моторизованными частями врага. Но и не имея запаса маневренности, флотские батареи наносили ощутимые удары по рвущимся к столице гитлеровцам.

— Ваша сила в дальнобойности морского орудия,— учил Кузнецов вчерашних комендоров, ставших фронтовыми артиллеристами.— Используйте эту силу как можно чаще.

Следуя этому совету, моряки-артиллеристы дотягивались огнем своих орудий до самых дальних целей. Стрельба корректировалась по телефону. Фугасные и фугасно-осколочные снаряды огненным смерчем крушили живую силу, укрепления врага. Часто приходилось вступать в бой с танками. Моряки обычно поражали их с первого выстрела.

Однако Кузнецов понимал, что созданием особой артиллерийской группы участие моряков в обороне Москвы не ограничится. И действительно, вскоре Государственный Комитет Обороны принял решение сформировать двадцать пять морских стрелковых бригад.

— Хорошо, личный состав помалу снимем с каждого корабля, подужмем тыловые подразделения,— рассуждал начальник главного штаба, придя на доклад к наркому с подробными выкладками.— Но где взять командиров, способных управлять боем на суше?

— Надо искать,— Кузнецов и мысли не допускал, чтобы в такое трудное для страны время ставить вопрос об откомандировании на флот командиров сухопутных войск.— Вспомним о роли Корнилова и Нахимова в обороне Севастополя. Пример давний, но и сейчас не перевелись у нас талантливые люди.

Флотские командиры-береговики, командиры корабельной службы, ставшие во главе новых морских формирований, полностью оправдали возлагавшиеся на них надежды.

Кузнецов считал важным лично провожать на фронт, если позволяли обстоятельства, прибывающих на помощь защитникам Москвы моряков.

Уже по-зимнему стылый ветер взвивал бело-голубой Военно-морской флаг. На середине сомкнутых рядов моряков нарком

принял рапорт их командира. Поздоровался. Ответ на приветствие был не громким, но твердым.

— Товарищи! — начал Кузнецов, стараясь получше рассмотреть скрытые утренними сумерками лица бойцов и командиров.— Знаю, ваше прощание с кораблями, боевыми товарищами было нелегким. Но Родина позвала туда, где всего труднее. В опасности Москва. Вся страна с надеждой смотрит на ее защитников. Направив вас сюда, флот ждет добрых вестей. Не посрамим же флот!

Громкое «ура!» стало ответом на горячую речь наркома.

Поистине массовый героизм проявили флотские формирования в битве за Москву. Верность морским традициям проявилась во всем, даже в стремлении идти в бой в полосатых тельняшках,— пусть враг знает, с кем имеет дело!

Николай Герасимович, сам недавний тихоокеанец, всегда с особым пристрастием интересовался боевыми делами тихоокеанцев. Одну из сформированных на Тихоокеанском флоте бригад возглавлял полковник Молев. Кузнецов хорошо знал, что в годы гражданской войны Молев командовал батальоном в Первой Конной. Волею судеб оказавшись на флоте, ветеран помнил свою боевую молодость. И когда вновь пришлось сражаться на сухопутье, сумел доказать свою тактическую зрелость. Бригада под его командованием показывала образцы героизма. И вдруг докладывают: Молев погиб.

— Как погиб? Быть не может! Уточните.

Уточнили. Все верно. В тяжелейших боях за Клин моряки получили задачу выбить фашистов из села Борисоглебское. Комбриг несколько раз сам водил бойцов в атаку. Последними в его жизни были слова:

— Товарищи, вперед!

Как личное большое горе воспринял геройскую гибель комбрига Николай Герасимович. Но его слова «Товарищи, вперед!» вселяли уверенность в том, что никакие испытания не сломят наших бойцов и командиров. Даже расставаясь с жизнью, они думали о победе над врагом.

В один из декабрьских дней наркому доложили о трофее, добытом тихоокеанцами в жестоком встречном бою.

— Давайте-ка сюда,— с нескрываемым интересом произнес Кузнецов.

В кабинет внесли комплект парадного обмундирования гитлеровского офицера.

— Что за тряпье? — нахмурился нарком.

— Так это и есть трофей, товарищ народный комиссар. На четвертые сутки боя в селе Языково взят, в штабном вагоне такого тряпья навалом оказалось. Для парада в Москве уготовлено было. Только теперь фашисту не до парада — дай бог ноги унести.

— Да, бегут волки. Скалятся, но бегут. Смотрел вчера фото-

снимки нашей воздушной разведки. Драп у фрица отменный. А ведь это всего лишь начало. Такое ли еще увидим!

Выполняя ответственные поручения Ставки Верховного Главнокомандования, Кузнецов активно влияет на организацию отпора врагу в районе Керчи, Севастополя, прилагает неимоверные усилия для создания Ладожской, Волжской, других флотилий, организации морских перевозок на Севере...

В августе 1942 года его видят в Новороссийске. В те дни как никогда была ощутима роль Черноморского флота в обороне Кавказа. Флот не дал гитлеровцам воспользоваться портами и прибрежными коммуникациями, когда они были позарез нужны противнику для поддержки продвижения войск по суше.

Вместе с командующим авиацией ВМФ нарком наблюдал за воздушным боем над городом. На их глазах два фашистских стервятника, сбитые нашими летчиками, рухнули в Цемесскую бухту. Но в город вражеские самолеты все же прорвались. Сброшенные ими бомбы вызвали пожары и разрушения.

— Что-то зачастил сюда фриц,— командующий авиацией, явно недовольный исходом боя, тем не менее вступился за своих летчиков.— Подлетное время у него небольшое, ведь с крымских аэродромов действует. Элемент неожиданности использует.

— Элемент элементом, а как вы думаете, чего ради он столько сил на Новороссийск тратит?

— Очевидно, хочет сорвать наши перевозки в Керчь.

— Логично,— согласился Кузнецов. Но тут же добавил:— Все внимание пока сосредоточено на обороне Керченского полуострова. А каковы дальнейшие намерения противника? Неясны они для нас. Вот над чем надо думать.

Тревожные предположения Кузнецова о возможных изменениях событий на южном фланге фронта подтвердило развернувшееся наступление гитлеровцев на Сталинград и Кавказ. Реальная угроза нависла над побережьем Кавказа и его портами. Новороссийск стал крайне необходим фашистам, чтобы обеспечить снабжение морским путем своей армии, когда она двинется вдоль побережья на юг.

— Немцы не должны завладеть Новороссийском,— выслушав доклад Кузнецова об увиденном и его соображения относительно планов противника, сказал Верховный Главнокомандующий.— Что для этого собирается сделать флот?

— Просим разрешения Ставки на создание Новороссийского оборонительного района.

Основываясь на приобретенном боевом опыте, нарком уделил максимум внимания повышению роли береговой артиллерии. Из стационарных и подвижных батарей были сколочены два дивизиона. Впоследствии они не раз выручали защитников базы.

Но натиск врага был столь велик, что стволы наших орудий порой накалялись докрасна. Гитлеровцы не считались с потерями и

бросали в сражение все новые и новые силы.

— Город в руках противника,— докладывали наркому.— Мы владеем только берегом Цемесской бухты.

— Нет, город наш. И будет наш, покуда за спиной у нас море. А вот немцам моря не видать. Потому что начинается оно с берега.

Ни один фашистский корабль не вошел в Новороссийский порт. Да и в самом городе захватчики чувствовали себя, как на раскаленной сковородке — каждый квартал его простреливался нашей артиллерией.

— Какой лозунг у защитников Новороссийска? — разговаривая по телефону с руководителями оборонительного района, поинтересовался нарком.

— Лозунг у нас один,— был ответ:— «Стоять насмерть!»

— Что ж, он сделал свое дело. Но теперь его пора сменить на призыв: «Вперед, на запад!»

...Телеграмма, поступившая из штаба Волжской военной флотилии, бросила Кузнецова в жар. Поднявшись из-за стола, он медленно подошел к окну и с силой распахнул обе створки. Легкий майский ветер ворвался в кабинет. В предзакатных лучах солнца билась нежная листва обрадовавшегося теплу старого тополя. Но, упершись недвижным взглядом в крону дерева, Николай Герасимович жил сейчас Волгой. Огненные языки разлившейся по реке нефти нещадно жгли сердце. Сорок нефтяных барж, застрявших вследствие ударов фашистской авиации в районе Каменного Яра, были немым укором и морякам Волжской флотилии, и Главному штабу ВМФ.

— Чем располагает противник, действуя против нас на Волге?

Адмирал, пришедший на доклад к Кузнецову, коротко обрисовал обстановку:

— По данным разведки, для операций на Волге немцы выделили более ста самолетов. Они наносят удары по караванам с горючим, начали минирование фарватера.

— Все говорит о том, что противник придает большое значение выводу из строя стратегической водной магистрали. Поперек горла она ему стала. А вот мы посчитали Волгу глубоким тылом. И за это сурово наказаны. Если нефтеналивные суда застрянут на Волге, станет и фронт. Без топлива самолеты и танки — мертвый металл.

Наркомат ВМФ охватило серьезное беспокойство. Опасность, нависшая над главной водной магистралью страны, побуждала к немедленному действию. А вскоре и в Государственном Комитете Обороны встал вопрос о плавании по Волге. Назревали крупные события в районе Курской дуги, и Волга в них должна была сыграть свою особую роль.

Однажды утром позвонили из секретариата Верховного Главнокомандующего:

— Немедленно приезжайте!

В Кремле находились члены ГКО и руководители Генерального штаба.

— О значении Волги и перевозок по ней вам, я думаю, говорить не нужно? — вопросительно глянув на Кузнецова, Верховный взял со стола телеграмму.— Так вот, эти перевозки под угрозой срыва. Вам надлежит выехать на место, разобраться во всем и принять самые решительные меры для обеспечения движения судов.

Прибыв на Волгу, Кузнецов не раз вспоминал эти слова Верховного Главнокомандующего, понимая, какую ответственность они возлагают лично на него.

— С чего начнем, Юрий Александрович? — обратился нарком к командующему флотилией контр-адмиралу Пантелееву.

Пантелеева он отлично знал еще по совместной службе на крейсере «Червона Украина» и был уверен в нем, как в себе. Но командующий, заговоривший о тральщиках, число которых просто невозможно было увеличить в короткие сроки, неожиданно вывел Кузнецова из всегда присущего ему внутреннего равновесия.

— Тральщики, тральщики! Они что, с неба к нам свалятся? А караваны уже идут. Командующие фронтами чуть ли не лично распределяют каждую тонну горючего, а наши корабли рвутся на минах.

— Товарищ нарком,— Пантелеев и виду не подал, что его задел рассерженный тон Кузнецова.— Пока под тральщики переоборудуются все пригодные для этой цели суда, мы усиливаем сеть постов наблюдения. Будем засекать каждую мину, сброшенную в Волгу. И каждую постараемся обезвредить.

— Ну, так уж и каждую,— улыбнулся Кузнецов.— Но идея хороша. Действуйте!

Чуть ли не всю Волгу, от Горького до Астрахани, где на машине объехал Николай Герасимович, а где на кораблях флотилии обошел. Не однажды попадал в опасные ситуации, под бомбежки. Сутками не смыкал глаз, организуя взаимодействие моряков флотилии с местным населением, поднимая на борьбу с минами партийные и советские органы. Это благодаря и его напористости, энергии в считанные дни вдоль Волги развернулись сотни постов наблюдения, усилилась противовоздушная оборона, были проложены новые фарватеры.

Обстановка по важнейшей стратегической коммуникации докладывалась в Ставку ежедневно. И Кузнецов, уже находясь в Москве, владел ею в полной мере.

— Волга трудится.

Таким был ответ на вопрос Верховного Главнокомандующего по поводу перевозок нефти из Астрахани.

— Молодцы моряки,— последовали слова благодарности.— В победу под Курском есть и их вклад. Передайте это вашим товарищам.

Адмиралы Н. Г. Кузнецов, Н. М. Харламов и Н. В. Антонов на Амуре

Задача активизации перевозок по Волге оказалась не из легких. Противник выставил сотни мин новейшего образца. Да и старые, сброшенные им еще в пору Сталинградской битвы, не были до конца обезврежены. Но в итоге битва за Волгу была выиграна. Советские войска, разгромившие врага на Курской дуге, безостановочно гнали его все дальше на Запад и были для этого в достатке обеспечены горючим.

...Настало время полного изгнания фашистов из Советской Прибалтики. Но враг не сдавал без боя ни одного рубежа. Войска и флот противника получили строжайший приказ: любой ценой удержать территорию Курляндского плацдарма, где была блокирована крупная группировка фашистских войск, и Восточную Пруссию. Гитлеровцы рассчитывали тем самым сковать здесь

В дни работы Потсдамской конференции (слева направо): Г. К. Жуков, Н. Г. Кузнецов, С. Г. Кучеров, А. И. Антонов

значительные силы Красной Армии, не допустить развертывания кораблей и авиации нашего флота в средней и южной частях Балтийского моря.

Но теперь уже не враг, а мы диктовали ему свои условия ведения войны.

— Операционной зоной флота является все Балтийское море вплоть до проливов,— говорил нарком ВМФ адмиралу В. Ф. Трибуцу.— Вам ясна стратегическая задача?

— Более чем ясна! — возрадовался на другом конце провода «ВЧ» командующий Балтийским флотом.— Сейчас готовимся содействовать наступающим войскам своей авиацией, артиллерийским огнем, высаживать десанты.

— Дело считаю крайне важным,— заявил Кузнецов.— Сегодня же выезжаю к вам.

Вскоре нарком прибыл в Палангу, небольшой курортный поселок. Здесь располагался штаб командующего Балтийским флотом.

Выбор был не случайным. В этом районе проходили морские коммуникации курляндской группировки противника. Именно здесь, почти у самого берега, наши торпедные катера и подводные лодки наносили удары по конвоям врага. Рядом были аэродромы, с которых балтийские летчики поднимались на бомбежку гитлеровских транспортов.

— Самым уязвимым местом противника сейчас являются его морские коммуникации,— докладывал командующий флотом, встретив наркома.

— Правильно,— одобрил этот вывод Кузнецов.— Фашисты понимают, что судьба их группировки по существу зависит от морских коммуникаций. Именно здесь сейчас и развернется самая ожесточенная борьба.

«Если раньше Балтийский флот вел боевые действия, базируясь на Ленинград и Кронштадт, то сейчас наши корабли и части ушли далеко на запад. А схема питания и обеспечения осталась без изменений. Освобожденные базы Таллина, Палдиски, Усть-Двинска сильно разрушены врагом и требуют капитальных восстановительных работ. Что делать?» — размышлял адмирал Кузнецов.

— Прежде всего,— говорил он адмиралу Трибуцу,— следует организовать надежную оборону наших коммуникаций — противолодочную и противоминную.

— Да,— согласился командующий флотом,— подводные лодки фашистов продолжают активно действовать. Применяет враг и минное оружие.

Одновременно изучались и вопросы, как в сложной обстановке, когда использовать крупные надводные корабли было нельзя, лучше, эффективнее бить врага наличными силами — подводными лодками, авиацией, торпедными катерами.

С добрыми чувствами следил Н. Г. Кузнецов, как все увереннее действуют силы флота. Одно за другим приходили радующие сообщения о победах на море.

— Будем считать, что и здесь мы перебороли фашистов,— сделал вывод нарком, после того как командующий Балтийским флотом доложил ему о действиях моряков в Кенигсбергской операции.

Он уже видел наш Военно-морской флаг в Берлине. Так оно и было. Столицу несостоявшегося третьего «тысячелетнего» рейха помогали штурмовать нашим доблестным войскам и бронекатера флота. Главнокомандующему ВМФ это было высшей наградой за все тяжкие испытания войны. А на парадном мундире флотоводца ярко сверкали Золотая Звезда Героя Советского Союза, четыре ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два Ордена Ушакова I степени, орден Красной Звезды и медали, а также иностранные ордена.

НЕ МЫСЛИЛ СЕБЯ ИНАЧЕ

Главный маршал авиации Александр Александрович Новиков (1900—1976)

— Товарищ командующий, авиация фронта совместно с авиацией Балтийского и Северного флотов по известному вам распоряжению Ставки нанесла удары по аэродромам противника. На земле и в воздухе уничтожены десятки вражеских самолетов, разрушены склады боеприпасов и горючего. Потери гитлеровцев уточняются.

Командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов, всегда отличавшийся выдержкой и даже некоторой сухостью, порывисто поднялся из-за стола и крепко пожал руку докладывающему.

— Спасибо от пехоты-матушки всем вашим авиаторам. А вам, Александр Александрович, особое спасибо.

Стройный, моложавый авиационный генерал как-то неловко переступил с ноги на ногу. Не ожидал он такой реакции. А генерал-лейтенант, как бы не замечая необычного состояния командующего авиацией фронта, все повторял и повторял:

— Молодцы! Ох, какие молодцы!

И вдруг, сразу перейдя на деловой тон, спросил:

— А что, товарищ Новиков, сможете повторить налеты?

— Сможем, товарищ командующий. И постараемся заставить фашистов перейти на тыловые аэродромы.

Дерзко? Да! Но генерал Новиков имел основания для такого утверждения. Планируя по заданию Ставки налеты на вражеские аэродромы, он понимал, что командование вермахта не зря сосредоточило на аэродромах Финляндии и Северной Норвегии эскадры своих бомбардировщиков и истребителей: готовятся активные действия авиации в районе Ленинграда.

«У противника преимущество в самолетах,— рассуждал Александр Александрович.— Он постоянно бомбит наши аэродромы. Значит, думает, что сковал инициативу советских авиаторов и им, дескать, лишь бы отбиваться от налетов».

— Посмотрим! Посмотрим! — приговаривал Новиков, сводя данные о находящихся в строю самолетах.

Получалось не так уж плохо. Удар будет массированным и, главное, неожиданным. Отдан боевой приказ. И утром третьего дня войны 460 советских самолетов взмыли в воздух и взяли курс на вражеские аэродромы. Как и предвидел генерал Новиков, противник был застигнут врасплох.

За первым ударом последовали другие. Потеряв более 130 самолетов, гитлеровцы были вынуждены перебазировать оставшиеся силы авиации на тыловые аэродромы.

Это был первый успех Александра Александровича в Великой Отечественной войне, первая ступень его восхождения к вершинам воинской славы. По натуре своей новатор, смелый экспериментатор, Новиков всегда стремился внести в проводимые операции что-то неожиданное для противника. И это помогало ему добиваться победы над превосходящими силами врага, обеспечивать авиационную поддержку наземных войск, завоевывать господство в воздухе.

Так было, когда он командовал авиацией Северного (с 23 августа Ленинградского) фронта и Северо-Западного направления. Так действовал он, став первым заместителем командующего Военно-Воздушными Силами Красной Армии, а затем и командующим ВВС — заместителем народного комиссара обороны по авиации.

Принимая активное участие в разработке планов крупнейших стратегических операций, он как представитель Ставки Верховного Главнокомандования выезжал на фронты, где реализовывались эти планы, координировал действия воздушных армий в Сталинградской и Курской битвах, в сражениях по освобождению Северного Кавказа, Украины, Белоруссии, Польши, при штурме Кенигсберга, в Берлинской операции и на заключительном этапе второй мировой войны при разгроме Квантунской армии.

И, пожалуй, лучше всего заслуги Военно-Воздушных Сил, их вклад в общее дело победы над врагом, а следовательно, и командующего ВВС оценены в приказе Верховного Главнокомандующего от 19 августа 1945 года: «В Великой Отечественной войне советского народа против фашистской Германии наша авиация с честью выполнила свой долг перед Родиной. Славные соколы нашей Отчизны в ожесточенных воздушных сражениях разгромили хваленую немецкую авиацию... постоянно способствовали успеху наших наземных войск и помогли добиться окончательного разгрома врага».

Да, это была высокая оценка. А раньше, в феврале 1944 года, Александр Александрович Новиков стал первым советским Главным маршалом авиации. В апреле 1945 года он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза, а в сентябре награжден второй медалью «Золотая Звезда».

А ведь к концу войны Александру Александровичу не было и сорока пяти. Он родился и вырос в бедной крестьянской семье в деревне Крюково Нерехтского уезда Костромской области. Рано познал земледельческий труд и полюбил его. С большим желанием учился в школе, Кинешемско-Хреновской учительской семинарии. Потом учительствовал в Пешевской начальной школе недалеко от родной деревни.

Тревожной осенью 1919 года, когда молодая Республика Советов отбивала бешеный натиск внутренних и внешних врагов, девятнадцатилетний Александр Новиков вместе с другими сверстниками надел военную форму и был направлен в Приволжский пехотный полк. Хорошая общеобразовательная подготовка помогла любознательному и пытливому красноармейцу стать вскоре курсантом Нижегородских курсов красных командиров. Он окончил их в июне 1920 года. В этом же году, во время обучения на курсах, вступил в ряды Коммунистической партии. Молодой коммунист храбро сражался с белофиннами на Северном фронте, участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа в Кронштадте, ликвидации белых банд на Кавказе.

Высокое осознание долга, выработанное в боях и походах, сроднило молодого командира Александра Новикова с армией. Он уже не мыслил себя в другом качестве, но понимал, что знаний, полученных на краткосрочных курсах, маловато. Значит, нужно учиться. И Новиков поступает в высшую тактико-стрелковую школу «Выстрел». Вот здесь-то, после того как удалось полетать на самолете, зародилась у него мечта об авиации. Хотел поступить в Военно-воздушную академию, но не хватило знаний.

И все же мечта сбылась. Через много лет, когда Новиков после окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе служил в должности начальника оперативного отдела штаба стрелкового корпуса. Первой ступенькой на пути его перехода в авиацию была стажировка в одной из авиационных частей. Вскоре Алек-

сандра Александровича вызвал командующий войсками Белорусского военного округа И. П. Уборевич, бывший инициатором стажировки штабных командиров в авиации.

— Что дала вам летная практика? — спросил Иероним Петрович у Новикова.

— К сожалению, товарищ командующий, полетов было мало — всего десять,— ответил Александр Александрович.— Освоил визуальную ориентировку, а с воздушной стрельбой, бомбометанием и фотографированием ознакомиться не успел. Мне сказали, что прежде надо хорошо усвоить аэронавигацию, пройти основательную подготовку на земле.

— Вы, стало быть, хотели большего? Это хорошо. А вообще, вам правильно сказали. Работа летчика-наблюдателя (теперь штурмана) сложная, требует серьезных знаний и большой практики. Достигнуть этого можно только систематическими занятиями, длительной службой в авиации. Вот мы и решили предложить вам перейти туда. Как вы на это смотрите?

— Согласен, товарищ командующий,— ответил Новиков.

А через два дня состоялось назначение. Новиков стал начальником штаба авиационной бригады. Нелегко было в первые месяцы, но чем больше входил Александр Александрович в новое дело, тем больше оно нравилось ему. Работал с увлечением. С разрешения командования ВВС округа начал летать на учебном самолете У-2. Перешел на боевой Р-5 и в сороковом полете вел этот самолет уже самостоятельно.

Освоив обязанности начальника штаба, Новиков стал подумывать о том, чтобы перейти на летную работу. И однажды, во время служебного доклада командующему округом, попросил назначить его командиром легкобомбардировочной эскадрильи.

— Вот это мне нравится! — живо отозвался Уборевич.

Так началась новая страничка в биографии Александра Александровича. Три года командования эскадрильей дали многое. И когда в 1938 году Новикова назначили начальником штаба ВВС Ленинградского военного округа, он довольно быстро освоился в новой должности.

И не только быстро, но и хорошо. Это показали действия авиации округа во время советско-финляндской войны. В то время у общевойсковых и авиационных командиров не получалось тесного взаимодействия. Нередко удары нашей авиации не достигали намеченных целей.

«В чем дело, где кроется причина неудач?» — задумался Новиков. Получив разрешение командования, он несколько раз слетал в составе экипажей бомбардировщиков на задания и понял: летчикам недостает знаний, они слабо ориентируются в районах боевых действий.

— Необходимо во время подготовки к наступлению практиковать выезды авиационных командиров на командные и наблюда-

тельные пункты наземных частей,— докладывал он командующему ВВС округа.

— А что это даст?

— Знание расположения своих войск и войск противника,— твердо ответил Новиков.— А кроме того, поможет наметить ориентиры, договориться о целеуказании, о сигналах. В сочетании с разведывательными полетами над полем боя это должно повысить результативность нашей работы.

— Ну что же, давайте попробуем, хуже от этого не будет,— согласился после раздумий командующий.

Через несколько дней в штабе авиации раздался телефонный звонок, которого так ждал А. А. Новиков. Звонил командир дивизии, в интересах которого работала в тот день авиация:

— Здорово сегодня вы передний край противника обработали...

Может, и еще что-то хотел сказать комдив, но, как нередко бывает на войне, связь внезапно прервалась. А Новикову и этого короткого разговора было достаточно.

«Значит, нашли правильный путь, теперь надо его развивать и совершенствовать»,— думал он.

Творчество, вдумчивость Новикова, умение найти наиболее рациональное решение сложных вопросов боевого применения авиации были по достоинству оценены руководством Наркомата обороны СССР. Он был назначен командующим ВВС округа. В этой должности его и застала Великая Отечественная война.

Война обострила многие проблемы. Потребовала безотлагательного решения вчера еще не первостепенных вопросов. Необходимо перегруппировать силы авиации, чтобы прикрыть основные направления, помочь наземным войскам сдержать натиск вражеской группы армий «Север». А строители затянули реконструкцию взлетно-посадочных полос на базовых аэродромах. Не хватает средств связи. Не закончено формирование авиационного тыла...

Но идет война. Значит, и действовать надо по-военному. И генерал Новиков с разрешения Военного совета фронта все аэродромно-строительные организации направляет к востоку от Ленинграда.

— Вот здесь,— говорит он руководителю строительства, показывая заштрихованные на карте места,— должны быть новые аэродромы. Сроки? Эти аэродромы еще полгода назад нужны были. В поставке материалов и техники задержки не будет.

Так же энергично решает он и вопросы формирования частей связи, батальонов аэродромного обслуживания. И, конечно, ни на минуту не упускает из поля зрения задачи активизации действий авиации, повышения эффективности ее применения.

Удар за ударом наносили ленинградские летчики по врагу. Успешно отражались и массированные налеты фашистских бом-

бардировщиков на Ленинград. Жаркие бои разгорелись над единственной военно-транспортной стратегической магистралью, связывающей блокированный Ленинград с большой землей — ладожской Дорогой жизни.

Но самолетов не хватало, авиационные части несли потери, и Новикову приходилось бросать дивизии и полки с одного участка фронта на другой. И все же авиация по мере своих сил справлялась с задачами. Летчики пользовались уважением пехотинцев, артиллеристов, танкистов, моряков, рабочих ленинградских предприятий.

День ото дня рос и авторитет генерала Новикова. Да и сам он сроднился с городом Ленина и его защитниками. И когда 1 февраля 1942 года член Военного совета Ленинградского фронта секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов сообщил Александру Александровичу о том, что его вызывают в Москву, он напрямик спросил:

— Скажите, товарищ Жданов, я в чем-нибудь провинился? Не справился с работой?

— Ну, что вы, что вы! Напротив. Вас назначают на новую, очень ответственную работу,— ответил Андрей Александрович.

Новиков попросил оставить его на прежней должности.

— Не в моей власти. Ну, желаю успехов на новом месте. Мы же расстаемся с вами с самыми добрыми чувствами,— сказал Жданов.

Вскоре после назначения на должность первого заместителя командующего ВВС Красной Армии А. А. Новиков побывал на Западном фронте. Ознакомившись здесь с боевыми действиями авиации, он послал Верховному Главнокомандующему докладную, в которой отмечал, что авиация разъединена, ее трудно собрать для массированного удара, так как каждая общевойсковая армия цепко держится за свои авиачасти. Исходя из ленинградского опыта, Александр Александрович внес предложение объединить авиацию для начала хотя бы в смешанный авиакорпус. Верховный тогда с этим предложением не согласился и предложил пока создать ударную группу.

Но Новиков не расстался с мыслью о внесении изменений в организацию авиации. И в мае 43-го года, когда уже был командующим Военно-Воздушными Силами, убедил наркома обороны в необходимости перестройки организационной структуры ВВС. Были созданы воздушные армии, однородные авиадивизии (истребительные, бомбардировочные, штурмовые), авиационные корпуса резерва Верховного Главнокомандования. Это способствовало повышению эффективности боевых действий авиации, позволяло осуществлять ею широкий маневр, создавать крупные авиационные группировки на важнейших направлениях советско-германского фронта.

Творческий, новаторский подход А. А. Новикова к боевому ис-

пользованию авиации проявлялся с первых и до последних дней Великой Отечественной войны.

В начале войны ленинградские летчики начали летать не звеньями, состоявшими из трех самолетов, а парами. Переход к паре во многом менял тактику воздушного боя — делал его более стремительным и быстротечным. А. А. Новиков тотчас узнал об этих уставных нарушениях, но запрещать такие полеты не стал, рассудив, что плох он будет как командующий ВВС фронта, если не станет помогать летчикам изыскивать возможности более эффективного ведения боевых действий в условиях численного превосходства противника в воздухе.

Из пар стали создаваться боевые группы из четырех, шести и более самолетов. При необходимости пары в группе эшелонировались по высоте. Затем такие боевые группы стали делиться на ударные и прикрывающие. Эти новшества повысили результативность их действий. Полеты истребителей парами практиковались и на других фронтах. Парами стали летать и штурмовики. К исходу второго года войны пара самолетов официально была принята как основа боевого порядка нашей истребительной авиации.

При подготовке каждой операции А. А. Новиков стремился внести в боевое применение авиации что-то новое, основанное на приобретенном опыте. Взять хотя бы сопровождение авиацией танков и пехоты. Ростки этого новшества, зародившегося еще во время советско-финляндской войны, окрепли на Ленинградском фронте и как форма боевого использования штурмовой авиации окончательно утвердились в августе 42-го на Западном фронте.

И не случайно по предложению командующего ВВС в Сталинградской битве основная ставка при решении задач поддержки наземных войск была сделана не на бомбардировщики, а на штурмовики. Сопровождая танки и пехоту, «илы» огнем мощного бортового оружия — реактивными снарядами, бомбами, пушками и пулеметами наносили сокрушительные удары по обороне противника, вступали в воздушные бои с вражескими самолетами, вели разведку. К тому же штурмовики по сравнению с бомбардировщиками более успешно могли действовать в сложных погодных условиях. Они летали почти каждый день, да и в производстве были проще и дешевле.

Относительно боевого использования штурмовиков у А. А. Новикова состоялся довольно любопытный разговор с Верховным Главнокомандующим. 13 февраля 1944 года Александра Александровича срочно вызвали в Кремль.

— Можно ли остановить танки авиацией? — спросил у него Верховный.

Что ответить на прямо поставленный вопрос? Новиков знал, что в ходе Курской битвы наши штурмовики разгромили сильную танковую группировку врага. Но что предстоит сейчас? Где,

сколько танков нужно остановить? Ясности пока нет. И все же, понимая, что в Ставке зря вопросов не задают, ответил уверенно:

— Штурмовики могут успешно бороться с танками.

— Тогда завтра же утром летите к Ватутину и примите меры, чтобы остановить танки,— сказал Верховный и добавил:

— А то на весь мир растрезвонили, что окружили корсунь-шевченковскую группировку, а до сих пор разделаться с ней не можем.

На следующий день Новиков вылетел на фронт. Положение оказалось более серьезным, чем предполагал он. Из-за распутицы, отставания баз снабжения наши танки остались без горючего. Испытывали недостаток в боеприпасах артиллерийские части. А противник бросил в бой крупные танковые силы, пытаясь помочь окруженным вырваться из двойного кольца.

— Что будем делать, чтобы выполнить приказ Ставки? — спросил Александр Александрович у командующего воздушной армией генерал-полковника авиации С. А. Красовского, познакомив его с поставленной задачей.

— Бомбить,— коротко ответил командарм.

Подсчитали запасы противотанковых бомб. Уточнили обстановку в районах сосредоточения фашистских танков.

— Наносить удары надо с предельно малых высот,— предупредил Новиков командующего армией.

— Наши летчики имеют такой опыт,— заверил Красовский. И все же, отдавая приказ, он еще раз напомнил авиаторам, что от их работы зависит успех разгрома окруженной группировки.

Всего двое суток прошло с момента вызова Новикова в Ставку до получения первых результатов воздушных ударов по врагу, а он уже докладывал Верховному:

— Танковые колонны фашистов остановлены.

В решениях А. А. Новикова нередко содержались элементы обоснованного риска. Так было с применением самолетов По-2 для разгрома остатков вражеского гарнизона Тернополя в мае 44-го.

Гитлеровцы, засевшие в северной части города, перекрыли огнем шоссе — удобный и кратчайший путь снабжения наших войск, находившихся километрах в двадцати западнее Тернополя. Маршал Г. К. Жуков, командовавший в то время 1-м Украинским фронтом, в присутствии Александра Александровича сказал:

— Такая заноза в нашем тылу, никак не выдернешь ее! — И вопросительно посмотрел на командующего ВВС.

Главный маршал авиации подумал: а что, если попробовать разгромить остатки вражеского гарнизона ночными легкими бомбардировщиками? Так тогда называли самолеты По-2, которые ввиду своей беззащитности от вражеских истребителей вылетали на боевые задания только ночью. А теперь им предстояло обру-

шить бомбовый груз на врага днем. Решение было рискованным. Прорвись к Тернополю несколько «мессершмиттов», и от наших легких самолетов, сделанных из дерева и перкаля, полетели бы щепки. Но две дивизии По-2 получили мощное истребительное прикрытие. Они поработали отлично. И едва отбомбился последний экипаж, фашисты выбросили белый флаг.

Или другой пример, связанный с применением самолетов Ил-4 тоже в дневное время. Как-то в канун Курской битвы Верховный, обращаясь к командующему авиацией дальнего действия, спросил:

— Могут ли дальние бомбардировщики совершать налеты на противника днем?

— Нецелесообразно это,— ответил генерал А. Е. Голованов.— Тяжелые бомбардировщики тихоходные, плохо вооружены для отражения атак истребителей, да и летчики не имеют опыта дневных полетов группами.

— А вы, товарищ Новиков, как думаете?

— Прошу в порядке эксперимента выделить в мое непосредственное подчинение одну дивизию Ил-4,— ответил Александр Александрович.

— Быть посему.

Опыт на Курской дуге удался. Ил-4 оказались способными выполнять роль фронтовых бомбардировщиков, но при хорошем прикрытии их истребителями.

Весной 45-го в Кенигсбергской операции А. А. Новиков решился на еще более дерзкий шаг: поднять днем не одну дивизию тяжелых бомбардировщиков, а всю 18-ю воздушную армию. Он позвонил А. Е. Голованову и спросил его мнение. Голованов вновь выдвинул уже известные аргументы.

— Да не бойтесь же вы! — начал горячиться Новиков.— Я дам вашим самолетам такой эскорт в 125 истребителей, что ни один «мессер» не отважится атаковать их.

В ожидании бомбардировщиков командующий ВВС поднялся на вышку. И вот с севера и востока в небе показались медленно приближавшиеся к городу самолеты. Они шли один за другим с равными интервалами. Около часа не смолкал в Кенигсберге грохот разрывов крупнокалиберных бомб. Вверх взвивались густые клубы дыма, освещавшиеся заревом пожара. Они росли и росли, пока не заволокли весь город. В результате этого массированного удара многие опорные пункты и форты были разрушены. Прекратилось движение по городу автомашин и пехотных подразделений с тяжелым оружием. Командование гарнизона потеряло управление своими частями и способность маневрировать резервами. Сопротивление противника резко ослабло, и наши войска стали быстрее продвигаться к центру города.

Да, А. А. Новиков умел видеть, подхватывать, распространять все новое, передовое. Еще под Сталинградом во время боев

наших истребителей с численно превосходящим противником командование 16-й воздушной армии предложило использовать радио для наведения самолетов на цель и управления ими в воздушном бою. Командующий ВВС, как говорится, с ходу представил, какую выгоду сулит это новшество. Помог техникой связи. Согласовал, где разместить радиостанции наведения, чтобы обеспечить бесперебойную связь с командным пунктом, аэродромами и находящимися в воздухе самолетами.

— Понимал, что задумано большое дело. Но такого не ожидал,— так среагировал командующий ВВС, наблюдая, как управляемые по радио истребители били врага.

А вскоре здесь же, под Сталинградом, была разработана и введена в действие инструкция, распространяющая опыт одной армии на авиацию всех фронтов.

Характерной чертой деятельности А. А. Новикова было живое общение с людьми. Он часто выезжал на аэродромы, беседовал с летным и инженерно-техническим составом, советовал командирам, как лучше выполнить ту или иную боевую задачу.

В один из августовских дней 41-го главком Северо-Западного направления маршал К. Е. Ворошилов поставил генералу А. А. Новикову задачу разгромить колонну танков и мотопехоты врага, выдвигавшегося для усиления немецко-фашистских войск, наступавших на Ленинград. Александр Александрович решил сам поставить летчикам боевую задачу. Выехал на аэродром.

— Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов приказал нам помешать подходу резервов фашистов к фронту,— говорил он, обращаясь к стоявшим в строю.— Это очень важно. Наши наземные войска с трудом сдерживают на этом участке бешеный натиск гитлеровцев. А что будет, если в бой вступят новые силы врага?

— Задачу выполним! — заверили воздушные бойцы генерала.

Через несколько минут взревели моторы, и боевые машины одна за другой поднялись в воздух. Их оказалось всего восемь. Больше послать не было возможности. Прошло немногим более часа, и наши самолеты возвратились на свой аэродром. Надо было видеть, с какой теплотой и гордостью докладывал генерал Новиков главкому, что резервы к наступавшим фашистам не подойдут. Летчики успешно выполнили боевое задание и заслуживают высоких наград.

Александр Александрович никогда не забывал, чтобы каждый подвиг воздушных бойцов был по достоинству оценен и отмечен. С его именем, как известно, связано первое в годы Великой Отечественной войны присвоение звания Героя Советского Союза ленинградским летчикам П. Харитонову, С. Здоровцеву, М. Жукову. А произошло это так.

Днем 27 июня звено истребителей И-16, в составе которого летел комсомолец младший лейтенант П. Харитонов, встретило группу вражеских бомбардировщиков Ю-88. Наши летчики тотчас

атаковали неприятеля. «Юнкерсы», нарушив боевой порядок, стали уходить. Харитонов устремился за одним из них и, нагнав, нажал на гашетку пулеметов. Отказ. Перезарядил... Снова отказ!

«Нельзя дать фашисту уйти безнаказанно. Надо таранить...»

Резко двинул вперед сектор газа, нагнал фашиста и рубанул винтом по хвостовому оперению «юнкерса»...

Сообщение об этом подвиге взволновало А. А. Новикова. Смелость и мужество всегда были присущи нашим воздушным бойцам. Но с тем, что совершил молодой летчик, Александр Александрович столкнулся впервые.

Когда он вошел в кабинет А. А. Жданова, тот спросил:

— Что это вы, генерал, сегодня такой радостный? Уж не одержали ли случаем большую победу?

— Самую настоящую победу! — ответил Новиков и тут же рассказал ему о подвиге П. Харитонова.

— Это замечательно! Это настоящий героизм! — так оценил действия Харитонова Андрей Александрович.

А через день 29 июня совершили воздушные тараны младшие лейтенанты кандидат в члены партии С. Здоровцев и комсомолец М. Жуков.

— Считаю возможным представить Харитонова, Здоровцева и Жукова к званию Героя Советского Союза,— докладывал вскоре Новиков Военному совету фронта.

Командующий фронтом М. М. Попов и А. А. Жданов поддержали ходатайство командующего авиацией. Поддержали его и в Ставке. И 8 июля 1941 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР.

Можно привести и другие примеры, характеризующие А. А. Новикова как военачальника, умеющего за повседневными фактами увидеть нечто важное, позволяющее усилить нажим на врага, громить его с большей эффективностью.

В один из весенних дней 43-го командующий ВВС, находившийся на командном пункте 4-й воздушной армии, наблюдал за действиями пятерки истребителей, которые прикрывали наши войска в районе станицы Крымской. Вначале летчики вступили в бой с подошедшей шестеркой «мессершмиттов». Вскоре с запада показались 12 вражеских бомбардировщиков Ю-87. Ведущий группы майор В. Семенишин и еще два летчика, дравшиеся с вражескими истребителями, не имели возможности атаковать «юнкерсов».

Тогда инициативу проявил старший лейтенант В. Дрыгин, летевший ниже своих товарищей. Он вместе со своим ведомым старшим сержантом В. Александровым бросился навстречу Ю-87. Смелой лобовой атакой они нарушили боевой порядок «юнкерсов», которые, бесприцельно сбросив бомбы, стали уходить. Дрыгин настиг и подбил одного из них. Затем сбил второй бомбардировщик. Третий уничтожил Александров.

К этому времени два истребителя противника сбил Семенишин.

Разогнав «юнкерсов», Дрыгин и его ведомый ринулись на помощь своим товарищам. Но были атакованы четверкой Ме-109. Наши летчики дрались умело и мужественно, и все же сказалось численное превосходство врага. Самолет Дрыгина был подбит. Однако летчик сумел на израненном истребителе перетянуть через линию фронта, выброситься с парашютом и приземлиться недалеко от командного пункта.

Маршал авиации А. А. Новиков сердечно поблагодарил отважного летчика и наградил орденом Александра Невского. В тот же день в авиационные части была направлена телеграмма командующего ВВС, в которой он обратился к летчикам:

«...Сегодня с утра вы действовали хорошо. Уверен в ваших силах и победе. Помните: кто дерзок в бою, тот всегда побеждает».

Командующий Военно-Воздушными Силами А. А. Новиков готовится к полету. Июль 1944 г.

А ведь еще несколько дней тому назад, прибыв на Кубань, где разгорелись напряженные бои, маршал авиации пришел к весьма печальному выводу: самолеты 4-й и 5-й воздушных армий поднимались в воздух чаще, чем фашистские, но все же противнику удавалось без существенных потерь бомбить наши войска.

«Почему, имея численное преимущество истребительной авиации, мы не достигли господства в воздухе?» — задумался он. Изучил планы боевого применения авиации. Понаблюдал за воздушными боями. Но основы для выводов почерпнул из многочисленных бесед с командирами, рядовыми летчиками.

— Надо менять тактику,— приказал Новиков командирам. После этого основные усилия истребителей были сосредоточены на борьбе с бомбардировщиками. При патрулировании в воздухе их стали эшелонировать по высоте. Значительная часть действий патрулирующих самолетов была вынесена за линию фронта, что создавало возможность перехватывать «юнкерсы» и «хейнкели» на подходах к передовой.

Бомбардировщики стали действовать крупными группами, массированно и бомбить врага с нескольких заходов, а штурмовики — оставаться над вражескими войсками как можно дольше. Все это

увеличило продолжительность авиационного воздействия на противника и повысило результативность ударов по нему.

Своевременная корректировка действий авиации ускорила перелом в воздухе в нашу пользу. В небе Кубани была выиграна одна из крупнейших воздушных битв.

Высокие организаторские способности А. А. Новикова как крупного и талантливого военачальника с особой силой проявились в Берлинской операции. Для решающей схватки с врагом Ставка Верховного Главнокомандования выделила четыре воздушные армии. Силы огромные. Но сложность состояла в том, что на подготовку операции отводилось всего около двух недель.

В этот короткий срок предстояло до малейших деталей согласовать вопросы взаимодействия авиации с наземными войсками и воздушных армий между собой, передислоцировать на Берлинское направление авиакорпуса резерва Верховного Главнокомандования, подготовить и построить десятки новых аэродромов, создать необходимые резервы боеприпасов, горючего, продовольствия, провести в полосе наступления 1-го Украинского фронта тщательную аэрофотосъемку тактической зоны обороны противника, а в полосе действия 1-го Белорусского фронта завершить эту работу.

— Помните, товарищи,— говорил Главный маршал авиации,— война всегда конкретна, привязана к определенному месту, времени, обстановке, подвержена влиянию тысяч определенных обстоятельств. Поэтому мы должны стремиться предусмотреть все возможные и невозможные повороты в ходе операций.

Сам Александр Александрович, как всегда, показал пример творческого подхода к планированию боевого применения авиации.

— Нужно теснее организовать взаимодействие авиации с танкистами. Дать танковым армиям право при действиях в глубине обороны противника самим вызывать Ил-2, определять порядок их боевой работы, изменять им задачи и перенацеливать на другие участки и объекты. Но и танкисты должны захватывать вражеские аэродромы и всячески содействовать сопровождающим их авиасоединениям в перебазировании на эти аэродромы,— предложил он.

Идея сама по себе не новая. Она уже прошла проверку боем в Сталинградской операции, во время нашего наступления на Курской дуге, в Белоруссии. Но здесь были другие масштабы. Для сопровождения танков и подвижных групп привлекалось до двух третей авиации, участвовавшей в Берлинской наступательной операции.

Творчество командующего ВВС рождало и творчество подчиненных ему командиров и штабов. А результат — воздушные армии успешно справились с поставленной перед ними задачей. Апофеозом, заключительным аккордом авиационного наступления

в Берлинской операции стали два Красных знамени с надписями в честь нашей Победы и 1 Мая. Сколько радости и воодушевления вызвали эти знамена, сброшенные над поверженным рейхстагом. Они долго кружились в дымном воздухе, а навстречу им с земли неслось мощное «ура!» и трещали автоматные салюты.

Войну Главный маршал авиации А. А. Новиков закончил на Дальнем Востоке, где координировал действия авиации трех фронтов. А в мирные дни занимал ряд ответственных постов в Военно-Воздушных Силах. В 1956 году он по состоянию здоровья вышел в запас.

Родина высоко оценила заслуги Александра Александровича. Он дважды удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова I степени, орденами Кутузова I степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями, а также иностранными орденами.

О профессиональной компетентности, организаторских способностях Главного маршала авиации свидетельствуют и те, с кем шел он в одном строю, добывая Победу над фашистскими агрессорами.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, командовавший в 1941 году Ленинградским фронтом: «Должен с большой благодарностью отметить умную организаторскую роль командующего Военно-Воздушными Силами генерал-полковника А. А. Новикова, который силами авиации фронта и флота эффективно помогал отбивать яростные атаки вражеских войск».

Маршал авиации С. И. Руденко: «Я находился в непосредственном подчинении Александра Александровича... который внимательно изучал боевой опыт, давал простор инициативе. Потому что знал дело, умел в него вникнуть, постоянно был там, где рождалось новое в тактике, оперативном искусстве. Не знаю ни одного важного сражения 16-й воздушной армии, которой я командовал, когда бы не чувствовал помощи маршала Новикова... Александр Александрович поднялся к вершинам полководческого искусства, потому что был человеком творческого ума».

Известный авиационный конструктор А. С. Яковлев: «Александр Александрович относился к числу тех людей, никогда не откладывавших даже самых сложных вопросов и не боявшихся брать на себя ответственность. Работать с ним было легко и приятно».

Советский народ увековечил память о Главном маршале авиации А. А. Новикове. Его именем названы улицы в Москве, Костроме и Нерехте, Балашовское высшее военно-авиационное училище летчиков, большой автономный траулер-морозильник, народный музей в Ленинграде. На одной из площадей Костромы сооружен бронзовый бюст Героя, верного сына Коммунистической партии, пламенного патриота Страны Советов.

СОДЕРЖАНИЕ

Учебное издание

ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Составитель
Кучеров Анатолий Михайлович

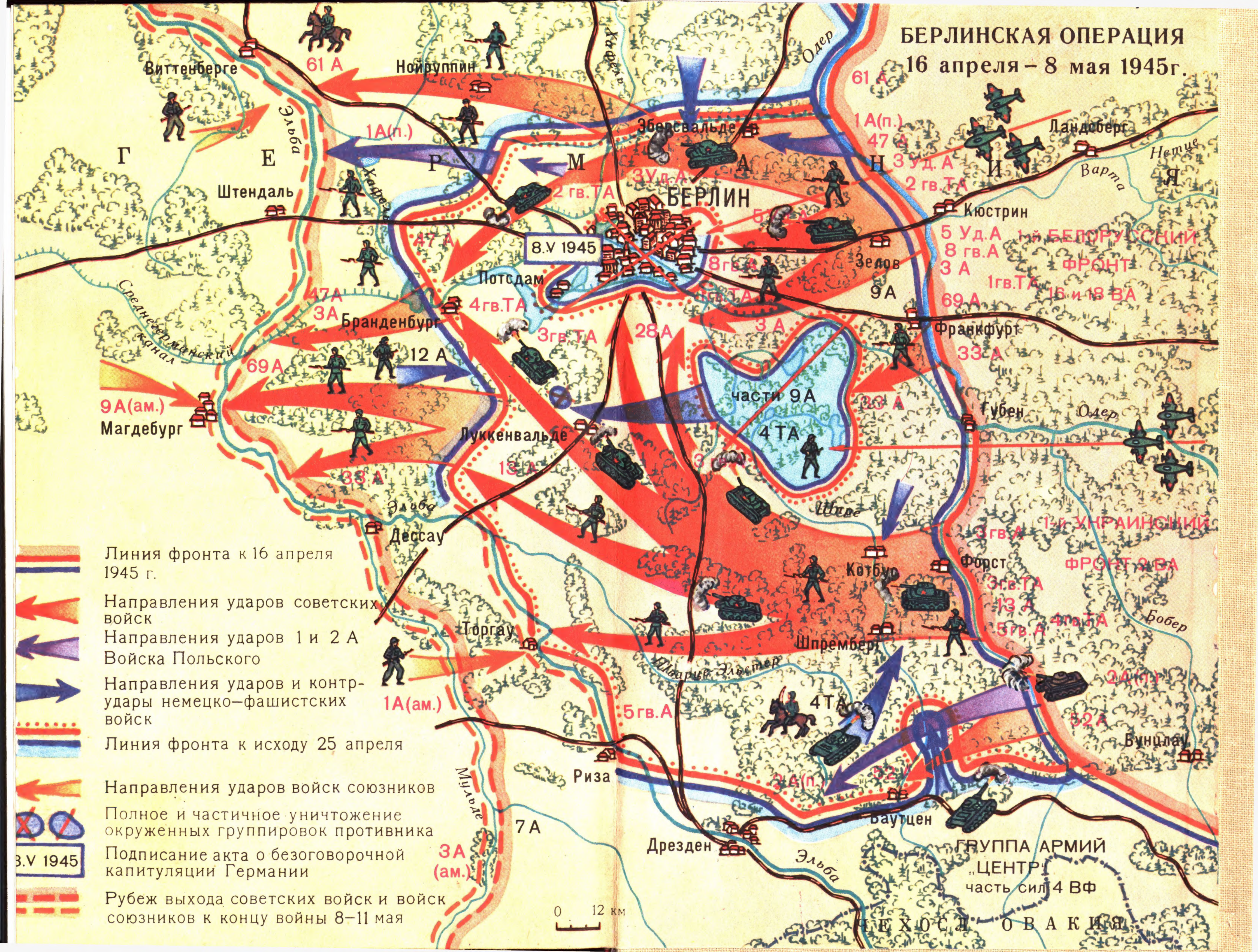
Зав. редакцией *Б. О. Хренников*
Редактор *Р. С. Збарская*
Младший редактор *М. П. Антонова*
Редактор карт *Л. Ф. Восканян*
Художник *И. С. Попов*
Художественный редактор *Е. Л. Ссорина*
Технический редактор *Т. В. Степушкина*
Корректор *Т. С. Крылова*

ИБ № 10616

Сдано в набор 10.05.87. Подписано к печати 23.09.87. А 11070. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бум. офсетная № 1. Гарнит. литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0+0,25 форз. Усл. кр.-отт. 29,0. Уч.-изд. л. 14,95+ +0,40 форз. Тираж 200000 экз. Заказ 1521. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
16 апреля – 8 мая 1945г.
БЕРЛИН
8.V 1945
Виттенберге
Нойруппин
Эберсвальде
Штендаль
Кюстрин
Ландсберг
Зелов
Потсдам
Бранденбург
Франкфурт
Магдебург
Луккенвальде
Губен
Дессау
Котбус
Форст
Торгау
Шпремберг
Риза
Бунцлау
Бауцен
Дрезден
Г Е Р М А Н И Я
Эльба
Одер
Варта
Нетце
Шпрее
Бобер
Мульде
Черная Эльстер
Среднегерманский канал
61 А
1А(п.)
47 А
3 Уд. А
2 гв. ТА
5 Уд. А
8 гв. А
3 А
1гв.ТА
69 А
33 А
16 и 18 ВА
9А
4гв.ТА
3гв.ТА
28 А
12 А
9 А(ам.)
13 А
части 9А
4 ТА
1-й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ
1-й УКРАИНСКИЙ ФРОНТ 2 ВА
3гв.А
5гв.А
1А(ам.)
5гв.А
4ТА
52 А
7 А
3 А (ам.)
ГРУППА АРМИЙ „ЦЕНТР"
часть сил 4 ВФ
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
0 12 км
Линия фронта к 16 апреля 1945 г.
Направления ударов советских войск
Направления ударов 1 и 2 А Войска Польского
Направления ударов и контрудары немецко-фашистских войск
Линия фронта к исходу 25 апреля
Направления ударов войск союзников
Полное и частичное уничтожение окруженных группировок противника
8.V 1945 Подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии
Рубеж выхода советских войск и войск союзников к концу войны 8–11 мая

ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ